

Улугбек Хамдам

ЗАБЫТАЯ МЕЛОДИЯ НАЯ

Ташкент
Издательство «Мухаррир»
2013

УДК: 821.512.133=161,1

КБК 83.5(5У)

X 34

Хамдам, Улугбек

X 34 Забытая мелодия ная / Улугбек Хамдам —
Ташкент.: Издательство «Мухаррир», 2013, 280 с.

ISBN 978-9943-25-291-2

Данный сборник состоит из двух частей, первая представлена повестью «Одиночество», которая стала заметным явлением в узбекской прозе периода Независимости, и рассказами талантливого писателя Улугбека Хамдама. Вторая часть знакомит с научно-критическими статьями и исследованиями последнего десятилетия, где анализируются произведения писателя, переведенные на русский язык (в том числе и роман «Бунт и смирение»). Мы надеемся, что сборник поможет читателю увидеть кардинальные перемены, происшедшие в современной узбекской прозе.

УДК: 821.512.133=161,1

КБК 83.5(5У)

Составители: К.ф.н., доц.

К.п.н., доц

А. Алимбеков,

Н.Д. Ильин.

Вступительные статьи:

Д.ф.н., проф.

К.ф.н., доц.

А.Н. Давшан,

С.Э. Камилова

Ответственный редактор:

К.ф.н., доц.

К.И. Панченко

ISBN 978-9943-25-291-2

© Издательство "Мухаррир",

Ташкент, 2013 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительные статьи:

А.Н. Давшан. Одиночество беспокойной души. 4

С.Э. Камилова. В поисках гармонии. 10

Повесть

Одиночество. Перевод О. Григорьевой и З. Касымовой. ... 15

Рассказы:

Пиала воды. Перевод С. Камиловой. 127

Тюльпаны. Перевод С. Камиловой. 133

Остров тщеславия. Перевод С. Камиловой. 138

Закрыв глаза – человек прозрел. Перевод Э. Вали и
М. Гара 150

Камень. Перевод С. Камиловой. 159

Пара слов. Перевод С. Бекмурзаевой. 164

Мусульманин. Перевод С. Камиловой. 174

Река души моей. Перевод С. Камиловой.

Творчество У. Хамдама в контексте современного литературного процесса.

1. В поисках утраченного рая. Д.ф.н., проф. Н В. Владими-
рова, к.ф.н., доц. Г.Т.Гарипова. 190

2. Божественный полёт и тупики души. К.ф.н., доц. К. И.
Панченко, к.ф.н., доц. С. Э. Камилова. 198

3. Между бунтом и смирением. (Странные герои Улугбека
Хамдама). Д.ф.н., проф. М. Н. Холбеков. 204

4. Одиночество Улугбека Хамдама. К.ф.н, доц.О.И Григо-
рьева. 218

5. Одиночество, обращенное к людям. К.п.н., доц. Н. Д.
Ильин. 222

6. Мифопоэтика Улугбека Хамдама: бунт и смирение. К.ф.н.,
доц. Н.А.Сыздыкбаев. 239

7. Типологическая природа «мировоззренческого инородца
или «человека-капсулы» в межкультурном постсоветском
пространстве. К.ф.н., доц.О.Ч. Хегай. 250

8. Духовно-культурологические основы «религиозной» те-
матики в современной русской и узбекской литературе. И.В.
Родина. 268

ОДИНОЧЕСТВО БЕСПОКОЙНОЙ ДУШИ

Современная узбекская литература, отказавшись от оптимистически-социалистического содержания, закованного десятилетиями в надуманные якобы национальные формы (так и вспоминаются иронические вирши Остапа Бендера), рванулась в XXI веке вперед, на встречу с мировым культурным пространством, и не только вечные образы или такие же сюжеты получили иное, свое воплощение. Извечные философские постулаты, волнующие мировоззренческие и эстетические системы на протяжении не одного тысячелетия, оказались сегодня близкими и необходимыми, в том числе и этот «Nosce te ipsum» – познай самого себя.

Формула оценки смысла человеческой жизни дошла к нам из шестого (может быть, седьмого или пятого) века до нашей эры. Поверим Платону, по рассказу которого семь мудрецов Древней Греции собрались однажды в храме Аполлона в Дельфах. Напомним современному читателю, что Аполлон (или Феб) – бог Солнца и покровитель искусств. Но, говоря устами поэта XX века, «Кто его родители?» Отец, разумеется, главный из мифологических персон – Зевс. Мать – Лета. Так называется река забвения в аду. Души умерших должны были выпить воды из этой реки, чтобы забыть земные печали. Трансформируем на современный язык: ни одно произведение искусства не гарантировано от забвения.

Вот при такой ауре храма семь великих, т.е. Фалес, Питтак, Биант, Солон, Клеобул, Мисон и Хилон, изрекли вышеприведенный афоризм. Для большей прозрачности тех событий скажем, что до сих пор авторство представляется спорным, т.к. кто произнес великие слова Фалес, или «из

семи мудрецов в мудрости первый Хилон», или... Главное – пожелание каждому homo sapiens дано.

Познание на современном лингвистическом уровне понимается несколько иначе, чем в отдаленные времена. Так, для Лермонтова оно значило истину. Герой Гончарова, когда приводил в исполнение «древнее и мудрое правило «познавал самого себя», с ужасом вглядывался и вслушивался в дикие порывы слепой натуры». Лирический герой Николая Гумилева ищет шестое чувство, чтобы узнать, «что делать нам с бессмертными стихами», которые нельзя «ни съесть, ни выпить, ни поцеловать» и т.п.

Пройдем по пути духовного развития героя нашего времени.

«По давней привычке анализировать собственные чувства... постигая пути духовного развития и совершенствования... понять собственную душу в ее жгучей жажде запретного познания...» Это слова с разных страниц одного произведения, определенного автором Улугбеком Хамдамом как повесть и названного «Одиночество». Они принадлежат ее главному персонажу. Автор-писатель своего героя тоже делает писателем.

Содержание определяет форму, форма объясняет содержание. Повесть «Одиночество» стилистически наисовременнейшее создание. Но иначе не может быть. Пишет молодой автор, пишет с нарушением хронологии или ее полным отсутствием. Чередует состояния – бодрствования, сна, забытья в творческой работе. Вспоминает прошлое и размышляет о сегодняшнем. С точки зрения композиции текст делится на небольшие главы, своего рода эссе, лирические отступления, на зарисовки, трогательные, жесткие, ироничные. Иногда проявляется типичный поток сознания. Наконец, звучат молитвенные слова. В апофеозе повествования – самая короткая миниатюра во славу литературы, творчества, творческой жизни.

Он начинает писать в том «возвышенном состоянии», когда «все в полном порядке», «редкое сочетание и редкое счастье». О счастье появляется запись в тетради. Но о

чем писать дальше, если счастье «в каждом вдохе и выдохе»? Будто истинный творец (а пока лишь подражатель), счастливый герой швыряет тетрадь в огонь. Но это лишь на листке бумаги, которая все терпит. А правда иная: «О, если бы я так и поступил! Если бы только был способен поступить именно так!»

То, к чему герой-писатель способен, и является содержанием повести, которую он все же завершит: «Когда я закрыл тетрадь, было уже поздно. Посмотрев на часы, я увидел, что стрелка коснулась цифры пять, но не сразу сообразил – было ли это пять вечера или пять утра?»

Вот такой человек хочет познать себя, понять бездну своей души. Одиночеством называется его бездна. Пустота пространства не имеет дна, но известно, что бездна притягивает сильного, слабому не удержаться на краю.

Улугбек Хамдам подталкивает своего героя к ступеням познания. Остановимся на некоторых из них. Маленький – беззащитен. Человеческое дитя тем более. Среди персонажей повести несколько детей. Их первый шаг в большой мир изображает автор, употребляя при разных ситуациях одинаковый прием. Это звуковая оболочка образа. Криком заявляет о себе ребенок при рождении. Детским сопением, пыхтеньем, плачем напоминает о себе. Первый малыш – сам будущий писатель, когда он «в новых ботинках в первый раз отправился в дальний путь» и все старался «вырваться... плакал, просил, чтобы разрешили идти самому... и... бросился вперед, звонко крича и смеясь». Символична нарисованная картина. Видеть в ней предсказание будущей дороги писателя? Можно и так. Но, может быть, это идеальный образ материнского счастья, да нет – только счастливого мгновенья, когда «все заржавевшие печали и горести разлетелись в прах. И мать вознесла славу Аллаху!»

Другой образ ребенка, также принадлежащий только прошлому, «мой первый сын». Здесь ни единого детского звука, потому что любой звук, прежде всего, признак движения, т.е. жизни. А звуки в данном случае принадлежат отцу, который

ищет деньги на лекарства сыну: «После традиционного приветствия мой язык перестал слушаться меня... Я никак не мог заставить себя выговорить свою просьбу... Я тут деликатничаю, веду пустые разговоры». В итоге на маленьком пространстве текста трижды звучит навсегда засевавшая в сознании отца фраза: «Умер в больнице... Умирает мой сын... Мой маленький сын все равно умер».

Чувство вины? Несостоятельности? Приобретенного навсегда одиночества? Но ведь «состояние ребенка было очень тяжелым». Так что виноват и кто-то еще? Кто может стать судьей? Если только вспомнить Пушкина: «И горько жалуясь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю». Самый безжалостный судья – ты сам!

У героя подрастают еще дети. «Резкий визг младенца», конечно, мешает интеллектуальному труду, а внимание теперь отдано не писателю, а капризному малышу: «Если раньше в доме правило мое настроение, то с того момента, как родился сын, он стал полновластным хозяином в доме». Эгоистический выпад преходящ. Но рядом пробивается другая мысль, она превращается в убеждение, в знамение нашего времени. «Когда мама приезжает навестить нас, она всегда, как бы между прочим, обязательно добавит, обращаясь ко мне и моей жене: «Вы молоды, у вас еще будет много-много сыновей и дочерей!» Такое благословение очень нравится моей супруге. А я молчу... И молчу я потому, что боюсь поведать этим женщинам свои тревожные мысли, которые гнетут мой ум и мое сердце. Ни мать, ни жена никогда не поймут меня! А я не смогу объяснить им, что для меня рождение еще одного ребенка – это мучительная ответственность... О, мой друг! Все контраргументы, возникшие в твоей душе, доступны и моему разуму. Я прекрасно знаю, что ислам призывает к многодетности. И я не буду спорить о том, что жизнь человека складывается по воле Божьей. И тем не менее мои страдания обоснованы».

Это одно из немногих прямых обращений к читателю, где слиты голос героя и автора. Но присоединится ли к ним

голос современника? Герой боится бездны ответственности? Да, боится.

Мудрецы, упомянутые выше, оставили немало дельных советов. Беант говорил: «Не силой бери, а убеждением». Мисон: «Надо исследовать не дела по словам, а слова по делам, ибо не дела совершаются ради слов, а слова – ради дел». Совет Клеобула: «Наслаждением властвуй!» Вот это – самое трудное.

Любовь в определенном смысле – это формула отношения к жизни. Однако в повести говорится о страсти, ее потрясениях и безумствах. Откровенные сновидения и реальные свидания – средство избежать одиночества на какие-то минуты, часы. Они непостоянны, приходят-уходят, пока повзрослевший герой не научится собой управлять. Но если рядом мирно посапывает жена, можно и себя посчитать иногда особенным «страдальцем». Сцены с женой – страницы, освещенные национальными традициями и прославляющие женское могущество. Вот она сидит за столом и «с удовольствием лузгает семечки». У нее время для себя, для собственных мыслей, да и семечки полезны. А хозяин дома, уставший от своей работы за столом, хочет расслабиться, «поразвлечься». Но жена не станет вписываться в отдых от творческого процесса мужа. Играть можно на бумаге, не в жизни. «Хорошо, что никто, кроме меня не знает вас настоящего». Это только начало. А на честные и несчастные слова женщины «Я не люблю вас... И вы тоже не любите меня» он, так много размышляющий и так измученный своими мыслями, боится отвечать: «Мне сейчас нечего сказать!» Вот теперь как бы не получить еще одно одиночество!

Жену с сыном он отправляет отдохнуть далеко к родственникам. Нет, она уезжает сама, он только этого не понял. И долго-долго молчит. И приезжает сама, потому что его жизнь зависит от нее, а не наоборот. Ее обыкновенная записка – «Отец, я пошла в садик за нашим малышом. Если вы вернетесь с работы пораньше, начните резать морковь, будем готовить плов», – сорванная дрожащими руками, его

спасение и – «состояние безграничного счастья!» Такова еще одна ступень познания.

Непривычные, необычные страницы повести, о чем еще двадцать лет назад никто бы и не думал (не посмел!) писать: о вере и безверии. «Образ Создателя недоступен человеческому пониманию», – уверен герой повести. Человек пишущий – тоже творец. Мировые религии строго подходят к подобному утверждению. Но слаб человек! Герой повести стремится излить свою душу на белый лист бумаги, чтобы в созданном – через сотворенное – понять себя. Его дерзкие мечтания – «СДЕЛАТЬ НЕЧТО ВЕЛИКОЕ! ЗАВОЕВАТЬ МИР И БРОСИТЬ ЕГО К НОГАМ АЛЛАХА!»

Мир, в котором живет герой, может быть и жестоким, и лживым. Понятна мечта писателя – видеть его свободным и справедливым. Но пока он только ищет себя в гармонии с природой: «Как было бы прекрасно. Если бы я понимал язык дерева. Могу ли я когда-нибудь сделать это. Непонимание рождает в моей душе ощущение одиночества». Но поиск продолжается...

*Александра Николаевна Давшан,
доктор филологических наук, профессор*

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ
(о рассказах Улугбека Хамдама)

Ярким явлением в современной узбекской литературе стало творчество Улугбека Хамдама, создавшего значительные художественные произведения во всех эпических жанрах, в том числе и в жанре рассказа. В подавляющем большинстве малая проза этого талантливого писателя сосредоточенно серьезна и глубокомысленна. В своих рассказах прозаик не пытается однозначно решить поднимаемой проблемы, если чувствует возможность иных вариантов и ответов, не стремится к обязательной этической оконтуренности характера, если не уверен до конца в абсолютной нравственной ценности того или иного типажа в реальной жизни. К тому же, порой он отказывается от героя – носителя представлений автора. Его авторский взгляд обращен к человеку и миру в целом, он отказывается от излишнего социологизма и обращается к вечным проблемам, символам, к кораническим мотивам и образам, к фольклору. Раздумья У. Хамдама о судьбах человека и мира рассчитаны на читательское сотворчество, соучастие, зовут к диалогу, иногда – к дискуссии. Писатель стремится к глубинному постижению смысла событий, рассказы его остропроблемны. Порой проблема оказывается глубоко скрытой за внешне несложной фабулой, но желание вести серьезный разговор, не сводя его, ни к бытописанию, ни к увлекательной интриге, постоянно одушевляет творческие поиски писателя.

Центральный герой большинства его рассказов – современный человек, стремящийся самостоятельно с ориентироваться в этом сложном мире, в многообразии ситуаций,

событий, истинных и ложных человеческих ценностей, причем, многие эпизоды и ситуации в произведениях намеренно обобщены и условны. Герой его рассказов своеобразный путешественник по планете «Душа», где господствуют Воображение, Мысль и Чувства. Все окружающее он воспринимает по-своему, с поэтической фантазией. И становится ясно, что поэзия, красота, естественность, искренность необходимы в современном мире не менее, чем материальные блага и техническая цивилизация. Так, в рассказе «Река души моей» автор стремится постичь философию человеческой души, законы мировосприятия. Здесь хамдамовский герой живет мироощущением самого автора и раскрывает его внутренний мир. Авторское «Я» без труда угадывается в строе чувств и размышлений объективно существующего героя. Проявляя дар по-своему отображать мир, автор точно и оригинально передает эмоциональное состояние своего героя, чье мировоззрение, характерно для вечно занятого современника с обязательными атрибутами в виде списка дел, машины и набора обязанностей «правильного» человека, хотя и болезненно обострено любовью к реке как символу жизни. Символизация вообще составляет стиливую особенность хамдамовского письма, что способствует укрупнению частностей, отмеченных абсурдностью описываемых ситуаций, до величины типического. Описанные картины повседневной жизни, рисующие торжество казенщины, запрограммированности, гонки за лучшей жизнью доведены в рассказе до крайней степени обобщенности, до невероятности, абсурдности: изображены гротескно, «...*Непрерывно ломаю голову о ежесдневной суете современного человека. Какой он создал мир вокруг себя, а потом сам превратился в его раба! ... В каждом из нас устроился Сизиф, мы – Сизиф каждый из нас!*» Вместе с тем деловая сторона действительности, так называемая «проза жизни» с красными палочками-запиретами, противопоставлена стране Воображения, Мысли и Чувства, куда герой может попасть лишь в сладких своих

снах. И эти сны необыкновенно прекрасны, таинственно многозначительны, преисполнены истинных чудес. Для своей цели писатель с талантливой изобретательностью использует самые тонкие, самые волшебные средства художественного внушения. Не жалея усилий и повествовательного времени, он в деталях, подробнейше показывает, как много можно увидеть, понять, узнать в мире и в себе самом, если просто остановиться и осмотреться: *«Лучи заходящего солнца смешивались с каплями воды, окрашивая их в разные цвета, в один миг создав яркую радугу, я опьянел от счастья, у меня закружилась голова. Словно на мгновение я вновь превратился в маленького мальчика. Погрузился в цветной мир детства. Я чувствовал, величавая и спокойная, но в недрах сильная и бурливая вода, словно смывала с моего сердца боль, и мне захотелось кричать, как безумному».*

Рассказ «Пиала воды» в иносказательной форме также ориентирован на постановку актуальных нравственных проблем. Всего в пяти страничках текста У.Хамдаму удалось вместить судьбу человека. Прием аллегории позволил прозаику выразить высшие категории. Человеку предназначено свыше прийти на землю со «сверх задачами», священной миссией: *«не сбиться с пути и вовремя доставить груз».* А что может помешать этому? Жажда наслаждений, праздность, безделье.

И, выпив всего лишь пиалу из источника удовольствий, герой рассказа стоит в нескончаемой очереди длиною в жизнь, чтобы расплатиться. Повествование от первого лица, глаголы в настоящем и прошедшем времени создают эффект читательского присутствия, читательской сопричастности.

Заключительная часть рассказа усугубляет значение всех символических деталей, включенных в ткань повествования и как бы подтверждающих, насколько удивительно прост и вместе с тем чрезвычайно сложен Путь человека, как извечна, стара и вместе с тем актуальна данная проблема.

В рассказах «Тюльпаны», «Камень» писатель стремится

ся проникнуть в «изломы» сознания современного человека, в «червоточины», его психики и души. В «Тюльпанах» уверенно, будто хирургическим скальпелем, вскрываются всевозможные хитросплетения, извивы психологии, обеспечивающие возможность добыть себе «место под солнцем». Здесь «рассекречивается» стратегия и тактика тех, кто в погоне за призрачной целью готов столкнуться следующего за ним, а возможно, и сам погибнуть. Перед нами взаимоисключающие жизненные философии – стремление идти вперед, энтузиазм, порыв, жажда познания и человеческий эгоизм: *«...меня зовут тюльпаны... только меня! Кажется, для них не существуют другие, только я, только меня манят к себе!»*

Вообще мотив пути, движения является одной из доминант художественной системы Улугбека Хамдама. В рассказах «Река души моей», «Тюльпаны», «Камень», «Мусульманин» и в других эта категория играет важную структурообразующую и смыслообразующую роль, участвуя как в построении сюжета, так и в выражении авторских идей. Так, в рассказе «Камень» (или рождение Зла) герой, следуя за прекрасной незнакомкой надеется, *«может быть, на улице я столкнусь с великодушным и добротой, и это снимет камень с моей души?!»*, а встречается с рождением зла. Исповедальная форма повествования захватывает предельной глубиной мысли, откровенностью, обнаруживает такую её интенсивность и обстоятельность и, вместе с тем, такую сжатость слога (то, что А.Потебня назвал «сгущением мысли в слове»), что сама духовная сторона существования героя – его внутренний мир, «камень» души, тоска, духовные муки как-то незаметно, сами собой теряют свое узкое значение и приобретают социально-общественный смысл, насыщаясь как бы изнутри глубоким авторским подтекстом. Он (подтекст) обогащает сами образы и явления, создавая вокруг них невидимый этический ореол, объединяя в единый поток движения современной жизни *«...одна страшная картина настойчиво терзает меня: продавец, размозживший*

голову рыбе и кроваво-красный рот женщины. Это видение бесконечно кружит, вертится, бешено мелькает в моем сознании». В этом свойстве хамдамовского мироощущения собственно выражается не покидающее его ни на секунду чувство времени, эпохи, какая-то торжественная целостная совокупность жизни, связь вроде бы неприметных явлений, деталей, нюансов бытия героев с потоком современной жизни. Такая настроенность мысли содержательная глубина раздумий, их плавное звучание – все это позволяет У.Хамдаму как бы приподняться над всем случайным и несущественным и обнаруживает способность увидеть душу современника, осмыслить Человека как воплощение гармонии и божественного замысла.

Автор осваивает «инструмент художественного исполнения» через собственный стиль, шлифование языка и внутреннюю динамику, сохраняя при этом главное в художественном отражении – национальное своеобразие, ментальность своего народа, которые не позволили рассказам Хамдама раствориться в общем потоке узбекского литературного процесса.

*Саодат Эргашевна Камилова, кандидат
филологических наук, доцент*

ОДИНОЧЕСТВО

(Повесть)

І ЧАСТЬ

*Я на куски разорван – где же ты?
И в сердце моем пропасть – где же ты?
И я в нее срываюсь – где же ты?
Я одинок, подавлен – где же ты?
Я на куски разорван – где же ты?..*

В тот день я направился к другу, чтобы немного поболтать с ним. Пришел, нажал на кнопку звонка – ни звука! Снова нажал – тишина. Только хотел повернуться и уйти, как вдруг из-за двери послышался резкий и громкий стук. Прислушался: через мгновение этот странный стук повторился. Насторожившись, толкнул дверь – она оказалась незапертой, открылась. Я окликнул друга по имени, но мне никто не ответил, и только снова что-то резко и отрывисто грохнуло. Встревоженный и удивленный, я вошел в дом. Там царил полный хаос! В гостиной на полу валялись книги, тетради, исписанные и разрисованные листы бумаги, детские игрушки, небрежно брошенная мужская и женская одежда. Стулья были расставлены, как попало; на неубранном столе сиротливо стояли чайник и пиала, рядом с ними – нож, хлеб. Несмотря на солнечный день, в комнате горел свет.

В эту минуту снова раздался громкий стук: оказалось, это стучали раскачиваемые ветром открытые ставни. Я невольно шагнул к окну. Вздыхающая парусом белая шелковая занавеска нежно коснулась моего лица. Я выгля-

нул наружу и увидел рощицу. Колеблемые ветром деревья шумели, шелестели, шептались... Я замер, с нарастающим беспокойством прислушиваясь к этому шелесту... Внезапно меня передернуло!

Отойдя от окна, я безвольно опустил на один из подвернувшихся мне стульев и закрыл глаза, продолжая чутко улавливать тревожный шепот деревьев. Я сидел и слушал. Долго-долго сидел и слушал... Потом, пересилив себя, с трудом разомкнул тяжелые веки, медленно нагнулся и подобрал тетрадь, лежавшую на полу, у моих ног...

II ЧАСТЬ

Вот так все и началось – с *того самого дня*. До «*того дня*» жизнь моя текла размеренно и спокойно: утром я уходил на работу, вечером возвращался. Меня мало заботило все то, что находилось «за пределами» проблем моей семьи, моей службы, моего материального благосостояния. Мои «мирские дела» вершились удачно, и я был азартно увлечен особым «подсчетом», фиксирующим рост моего благосостояния. Для меня это были не просто «цифры» – это были показатели моего места в обществе, символы моего «сегодня» и «завтра»! В них были закодированы все контуры и краски моей жизни, смысл и значимость моего пребывания в этом грешном материальном мире.

В углу, на полу, играет мой сын: что-то лопочет про себя, передвигает с места на место игрушки, а я с замиранием сердца наблюдаю за ним. Или кричу: «Мы будем сегодня кушать, в конце концов?!» – и тороплю свою жену, хлопочущую на кухне... У меня все прекрасно! Я пьян от жизни! Я умен и здоров, силен и удачлив! Вот эта красивая, стройная женщина – спутница моей жизни, а играющий на полу и так похожий на меня черноголовый малыш (слава Богу!) мой сын! По сути дела, у меня есть все: работа, о которой многие могут только мечтать, прекрасная семья, уютный и теплый дом. И еще – бесконечная хвала Богу! – родители мои живы и

здоровы, братья и сестры благополучно устроены, друзьями и хорошими знакомыми я не обделен. Ну, скажите, что еще нужно простому парню? Грех желать большей удачи!

Итак, я твердо стоял на ногах, как бы огражденный от всего негатива этого мира своим «железобетонным» счастьем, и, казалось, что эта «ограда» никогда не разрушится. Ведь для чего человеку дан разум? Да, прежде всего, для того, чтобы удержать свою птицу счастья. Разве мыслящий человекпустит ее? Да он примет все меры, сделает все возможное и невозможное, чтобы обеспечить этой «птице» оседлый образ жизни. К такому типу «мыслящих людей» принадлежу и я...

Но... ворвался в мои уши тревожный шум деревьев и — все свел на нет: вся моя «железобетонная» логика рухнула, эйфория развеялась!... Зато появилось неприятное ощущение: будто совершил я преступление, о котором никто не знал, кроме моей совести. И вот эта совесть внезапно «проснулась и заговорила», и повергла меня в странное состояние...

Уже трижды жена приходила звать меня на ужин, а я не могу сдвинуться с места: что-то сломалось у меня внутри. Я утратил нечто очень важное! И я даже знаю «что» — **душевный покой!**

А деревья все шумят и шумят. Этот шорох, шепот, шелест все явственней и ближе, и я следую за ним, и я тону в нем. И в тот момент, когда он окончательно поглощает меня, я вдруг четко и ясно понимаю: это не просто шум — это музыка, удивительная, неповторимая мелодия! В этом шелесте листьев, даже в самом слове «ш-е-л-е-с-т», в чудном сплетении его шипящих и свистящих звуков ощущается **вечное движение**, точнее, «мелодия вечности». Как знать, не от этой ли «мелодии» разлетелось на куски мое зыбкое счастье? Во всяком случае, теперь мое душевное состояние стало совершенно иным. В «момент истины» мне открылась тайна, о которой я раньше не ведал. Отныне я уже не был Победителем, но не был и Победленным. Я вдруг почувствовал, что провалился в некое безымянное МЕЖДУ,

и... стал ОДИНОКИМ. А может быть, это «МЕЖДУ» и есть «ОДИНОЧЕСТВО»? Может быть, оно так и называется?.. И несет в себе бесконечное страдание...

* * *

Пустота...

Как отец, потерявший ребенка на шумном базаре, я озираюсь по сторонам – нет моего сына! Нет!!! В глаза лезут незнакомые, чужие и – хуже того! – до отвращения омерзительные рожи... Я жадно всматриваюсь в них, **я ищущу**, и... сердце мое замирает от нестерпимой боли! Кидаясь во все стороны, высматриваю в толпе только одно лицо – **родное мне лицо! ГДЕ ЖЕ ОНО? ГДЕ?!** Осталось только вонзить пальцы в свою грудь и вырвать сердце! И таким образом избавиться от непереносимой, терзающей муки!..

Какая жуткая боль! Я проваливаюсь в ее глубокую западню и – падаю, падаю, падаю... Руки мои – вилы – ищут, во что бы вонзиться, за что зацепиться! И, наконец, они выбирают... карандаш: и я пишу, пишу, пишу...

* * *

Временами душа моя, мое Внутреннее скрытое и непостижимое «Я», словно лаская и целуя, оболакивает меня, тянет в свои неизведанные глубины. И тогда мое Внешнее «Я» неподвижно застывает перед ним, как жаба, остолбеневшая под гипнозом змеиных глаз. А «глубины» зовут, затягивают, манят... И если говорить честно, этот «процесс» мне очень и очень приятен. Он позволяет забытья, отрешиться от бесконечных проблем материального мира, и потому мне не хочется «покидать свою душу», не хочется возвращаться к жестоким реалиям бытия.

Но что делать? Жизнь есть жизнь: она диктует свои правила, заставляя каждого из нас заботиться о личном повседневном существовании. Волей-неволей, приходится мириться со своей долей и все-таки «покидать» манящие глубины сладких грез. Без настроения и сил я возвращаюсь

в реальный мир, где у всех одна дорога, где все мечутся, носятся, обивают пороги, добывая свой хлеб насущный. В этом мире и я превращаюсь в «одного из всех», и меня терзают те же желания и страсти, и я – раб каждодневного существования. Я не лучше других и не хуже. Но именно это для меня тяжелее всего, страшнее всего, потому что, искренне и глубоко страдая, я чувствую, что разрываюсь на куски, что я **разрушаюсь!** Сущность моя превращается в поле брани, на котором две моих части, два моих «Я» – Внутреннее и Внешнее – скрещивают шпаги в жестоком и непримиримом бою. Кого бы ни ранило – страдаю я! Кто бы ни победил, побежденным оказываюсь я! «У нас один путь – согласие!» – кричу я в отчаянии, однако...

* * *

Мои неудачи в материальном мире от моей Внутренней сущности, моего Внутреннего «Я». А та беда моя, что не становлюсь я дервишем и не следую до конца по Пути Любви за великим отшельником Машрабом, – это «Я» меня Внешнего, уверенного в том, что и материальная сторона жизни необходима человеку. Я не пошел по пути аскетов. И хотя в минуты сильного душевного волнения никого не признаю и гроша ломаного не дам за весь этот мир, а лишь качаюсь на волнах загадочных широт и тянусь куда-то или к кому-то с неудержимым и непобедимым желанием, с тоской и волнением, я знаю, что все равно наступит момент «слома», и я, «взяв себя в руки», «вернусь» в этот бранный мир. Этот «момент слома» – период оцепенения – и есть для меня некий переход из одного мира в другой. В этот «момент» я могу быть резким, могу повздорить с окружающими, в частности, со своей женой. Безусловно, она (как, в общем-то, и все вокруг), желает видеть меня только в образе моего Внешнего «Я», поскольку в этом «образе» ее муж переживает за свою семью, бегает на базар за покупками, занимается хозяйством, зарабатывает деньги, суетится вокруг нее и ребенка, одним словом, в поте лица сво-

его «творит мир», который можно «пощупать руками». И ведь этот «Я» действительно Я!...

Так что же для меня важнее всего? Каким делом мне заняться? Чему посвятить свою жизнь, силу своего разума и таланта, пыл своего сердца? С одной стороны, я вроде бы твердо знаю, чего хочу в этой жизни, с другой стороны, нет. Более того, я все чаще прихожу к выводу о том, что все (ну или почти все!), что до сих пор казалось мне неоспоримо правильным, — на деле является спорным и даже фальшивым. Меня это мучает! Мне хочется найти ответы на многие и многие вопросы! И тогда я избираю единственно приемлемый для меня Путь: я буду писать обо всем так, как оно есть; я беру на себя смелость прямо взглянуть в ужасающее, покрытое синяками и кровоподтеками лицо Истине, и... будь что будет.

* * *

Мурашки бегут по моему телу, и сущность моя «растворяется»... Я не просто счастлив — я сам есть счастье! Я ни в ком и ни в чем не нуждаюсь. Наступает упоительный миг — и я сливаюсь с моим Внутренним «Я», с моей душой. Я разрываю цепи, связующие меня с материальным миром, и передо мной возникает огромное пространство. Но, к сожалению, я совершенно не понимаю «языка» этого «пространства» и очень, очень боюсь, что оно превратится во всепоглощающую Пустоту...

Протяни же мне руку, Боже!..

* * *

Уже давно душа моя ищет уединения. Но не с целью сбежать от людей и стать отшельником, нет, ни в коем случае! Скорее для того, чтобы «освободить сосуд», излить «печали и радости своего сердца»! Но видно все не судьба, и я мечусь в замешательстве, не зная, как приступить к

¹ Саратон — рак (смертельная болезнь).

выполнению этой задачи. То я, как наполненный воздухом шарик в руках малыша, рвусь в небо и с нетерпением жду, когда «малыш» отпустит нить и... освободит меня, то жажду «сравить воздух» и вернуться на землю, чтобы вдоволь насладиться ею. И в такой момент мне кажется: коснутся ноги мои земли, и стану я самым могущественным из людей! Мечты... Истина же заключается в том, что повис я между небом и землей, что я опять МЕЖДУ....

* * *

Я не один, меня тысячи, миллионы! И от этого все мои страдания. Сколько живу, все сгораю от желания собрать воедино все разбросанные части Многоликого Меня. Господи, Боже мой, только Ты и можешь помочь мне в этом! Но, где же ты, Господи? В поисках Тебя я весь мир перевернул с ног на голову! Бессмысленные поиски, но нет сил у меня прекратить их, потому что, как только желаю отрешиться от духовного и жить только «материальным», – Ты вновь смущаешь мою душу. Господи, Ты ли испытываешь меня, или судьба моя злосчастлива? – не знаю...

* * *

Покачиваясь в колыбели печальной мелодии, сглотнул я, как бы пытаясь скрыть волнение, и снова ощутил в горле знакомую боль. В голове пронеслось: «Лишь бы не саратон¹!». Но вместо страха ощутил в своем сердце удивительный покой и поразился: Боже мой! Что же есть такого в моей душе, что перед этим «таким» даже жизнь моя для меня незначительна?! Почему я не бросаю все свои дела, чтобы немедленно заняться своим здоровьем? Что препятствует мне в этом? Кто же этот тот, кто делает мою жизнь такой невзрачной и ничтожной? Кто?!..

* * *

Лежу, ласкаю свою жену и с удовлетворением осознаю, что мы оба испытываем от нашей близости огромную, ис-

тинную радость! И вдруг, в момент непередаваемого наслаждения, из меня вырывается **НЕКТО** – вырывается из моей груди, отделяется, отдаляется, смотрит на нас, лежащих, и... горько жалеет нас! Нет, не только нас, он жалеет всех мужчин и женщин, все человечество, искренне считающее, что именно интимная близость и есть ни с чем не сравнимая вершина блаженства! Внезапно я ощущаю **ЕГО** брезгливость ко всему роду людскому, к жалкой участи приговоренных блаженствовать именно «таким путем» и жить именно «таким образом». Потом **ОН** отдаляется... тает... и последнее, что я ощущаю, – его презрительно-равнодушный взгляд...

* * *

Лето!

Вечер!

Я – на пятом этаже. Открыл окно и жадно вдыхаю наполненный прохладой воздух. «Стартовавшая» под напором ветра «волна» густой зеленой рощи, подобно морской волне, вздымаясь и опадая, «бьется о берег» – прямо у моих ног. Живительная прохлада ласкает меня, нежит мою душу, а взор мой, наслаждаясь, «обнимает» полную красавицу луну, царствующую на небе. Любуясь волшебным ликом надвигающейся ночи, я вдруг почувствовал, что теряю душевное равновесие, хмелею. Сердце стало захлебываться от прилива эмоций, и я осознал тщетность усилий выразить «в слове» всю полноту, все непередаваемые нюансы и краски потрясающего, неповторимого великолепия природы!

Эти строки появились лишь спустя неделю, когда я смог, наконец, осмыслить свое состояние и описать (и то лишь весьма приблизительно!) упоительное очарование того удивительного вечера.

Тихо покачивая вершинами, роща купается в лунных лучах. Я люблюсь красотой этой рощи, и сердце мое волнуется и трепещет. В этом магическом пейзаже я ощущаю

удивительную ЧИСТОТУ, и в душе моей тут же рождается желание стать частью этой рощи, превратиться в дерево, озаренное небесным сиянием.

И вдруг, мне становится неуютно, нехорошо... Появляется странное, гнетущее ощущение дискомфорта: будто прилипло ко мне что-то и источает неприятный запах. Стыдно!.. Я мчусь в ванную, принимаю душ – не помогает! Не помогает потому, что я четко и ясно осознаю, насколько выше и чище меня эта роща, кружащаяся в суфийской молитве «самое» под аккомпанемент лунного луча. И в сердце моем растет, усиливается желание продлить жизнь, став этой рощей – ее деревом, или хотя бы веточкой, или, на худой конец, листком.

«И это тот «Я», который гордо трубит на весь мир о величии Человека!», – такая мысль с быстротой молнии проносится в моей голове, вонзается кинжалом в мое сердце и... застревает в нем.

* * *

До каких же пор мне ходить в этом «рабском образе»? Я уже вконец измучился! Сколько еще должен жить я, ожидая Тебя, мечтая вернуться к Тебе, молиться Тебе и, наконец, стать частицей Тебя, Твоей Вечности?! Надоело! Меня уже давно тяготят мои метания, мои вечные поиски «смысла жизни»! Боже! Я не могу найти самого себя! Меня нет! Где же Я? Внутренне я осознаю себя «разбитым» на тысячи мелких кусочков. Какой из этих «кусочков» истинный Я? Кто я такой? Человек ли я, который каждое утро взывает к Тебе с мольбой о чистой жизни и клянется избегать греха? Или же лицемер, не умеющий сдержать свою клятву даже до вечера?! Лицемер, который, прикрываясь «своей правдой», прячась за нее, пускается днем во все тяжкие, а ночью не находит себе покоя, мучается, страдает, ворочается в постели до следующего утра. Кто же я на самом деле? Очковтиратель, не имеющий за душой ничего, кроме завышенных претензий на высокие научные титулы и жажды «признания в вечности»,

или действительно ученый, не мыслящий своей жизни без свершений и открытий, приобретений и потерь, получения и расширения знаний? Кто я? В моей душе живут тысячи, миллионы бойцов, и происходят тысячи, миллионы сражений: вот только где Я? На чьей Я стороне?

О Господи! Я потерял себя. Я совсем «измельчал», растворился среди ничтожных житейских забот, которыми сыт по горло. Не имея сил вырваться из этого «рабского омут», я опротивел сам себе. В бесконечной круговерти суеты, не зная ни отдыха, ни перерыва, я бесконечно выполняю какие-то обязанности, решаю какие-то проблемы... — какая тоска! Согласись, обидно всю жизнь, подобно «запрограммированному» муравью, сновать по «прочерченным» дорожкам, чтобы однажды просто... взять и умереть. Нет, что-то во всем этом не так! И вот что я скажу: этот мир — мир который я знаю — не есть **Истинная Производная Всего Твоего Могущества, Господи!** А я жажду увидеть и познать **Истинное!**

* * *

...Я так и не смог утолить своей печали! **ОН** заставил скитаться меня, как бездомную собаку; «ударив» по рукам, лишил работы; жарким дуновением своим разбудил мою душу и изгнал из нее мирские желания. Глаза мои ввалились оттого, что сумел я увидеть **ЕГО ИСПЕПЕЛЯЮЩИЙ ОГОНЬ!** Эй, друг, если ты не ощущаешь в своей душе подобного жара, не приближайся ко мне!..

* * *

Я все понимаю, все ощущаю на вкус. Я словно внимательный зритель, наслаждающийся театральной постановкой. Но самое интересное заключается в том, что я не только зритель, но одновременно и актер, занятый в этой постановке. Получается так: будучи зрителем, я пристально наблюдаю за игрой актера **N**, а, будучи актером, всем существом своим остро ощущаю взгляд зрителя **N**. Я как в

западне. Мне жаль меня и того, и другого, и зрителя, и актера. И вновь возникает вопрос: кто же «из них» истинный Я? Неужели желание человека «**быть самим собой**» не угодно Богу? Как же так? Почему? Ведь Бог сам по себе неотделим от меня! Точнее, я неотделим от Бога! Может быть, именно эта «тоскующая часть меня» и есть «кусочек Всевышнего» во мне?.. Не знаю... Я ужасно устал, и все-таки порою моя кровь начинает бешено струиться по жилам, и в сердце загорается жажда бунта...

* * *

Эй, соловей, заливающийся в цветнике! Возможно, тоска рождается в душе человека оттого, что не дано ему быть таким, как ты? О, если бы мог человек уподобиться тебе, чтобы, забыв свои многочисленные горести и печали, «слиться» воедино с природой, став чарующей слух трелью, — может быть, тогда не тосковал бы он так сурово, не сходил бы с ума от дум, терзающих сердце! Сущность человека — скопление «горестных наслоений» страданий, обид, боли, ненависти, злобы, зависти, отчаяния... — результат трудной жизни, тяжкого труда. А сердце человека — раскаленная топка, в которой бушует огонь, пожирающий его жизнь! (может быть, это и есть АД?).

Пой, соловей, пой! Дай мне насладиться твоим дивным голосом так, чтобы, забывшись хоть на миг, всем существом своим ощутить удивительное состояние свободы! Чем выше ты берешь ноту, тем легче и радостней становится у меня на сердце, и, наконец, наступает миг, когда, опьяненный твоим пением, я «сливаюсь» с тобой, и грезится, что это уже не ты, а я вывожу невысказанные сладчайшие рулады! (может быть, это и есть РАЙ?)

Иногда во сне я вижу себя поющим, берущим высокие и чистые ноты. И вновь я как бы раздваиваюсь и смотрю на себя «со стороны», и внимательно слушаю собственное пение, с облегчением и радостью ощущая, как дробится и «тает» ледяная глыба печали в моем сердце. Пою и... слу-

шаю. Проснувшись, ощущаю потрясающую легкость во всем теле и радость в душе. Увы, только во сне человек, чье бодрствующее сознание опутано тысячами условностей, может парить свободной птицей!

Эй, соловей, чья звонкая трель звучит из бело-розовой пены цветущего урюка! Пой! Пой так, чтобы я, ЧЕЛОВЕК, считающийся венцом вселенной, возжаждал уподобиться тебе, чтобы, замороженный твоей песней, пропал бы в ее страстном огне, как мифическая саламандра!

* * *

В желудке у меня – прямо под грудной клеткой – затаилась язва. Временами она изводит меня так, что хочется вонзить пальцы в грудь и выдрать ее! и вышвырнуть вон!.. Последнее время часто думаю о смерти. Неужели мучающая меня болезнь и есть приговор судьбы? Что бы там ни было, но сейчас я испытываю страстное желание писать, «снять копию» с самого себя, «отделив» свои мысли, свое духовное «Я» от разрушающегося тела, и таким путем продлить угасающую жизнь.

«ЖАЖДА ЖИЗНИ – альфа и омега всего сущего на земле», – шепчу я сам себе...

* * *

Нет, я живу, я чувствую и вновь с трепещущим сердцем складываю сбивчивые и несуразные строки. Но чувства мои вновь с привкусом горечи. Я подавлен и уничтожен. Радость, почему ты так редко посещаешь мое сердце? Лишь в горестных стонах – мое утешение, потому что снова все дороги ведут только к НЕЙ (любимая, я стремлюсь к тебе, я желаю тебя!..).

«Женщина создана из ребра мужчины, и только при «воссоединении частей» возможно ощущение ИСТИННОГО ЕДИНСТВА, СОЮЗА, СЧАСТЬЯ!», – так утверждают в моем сознании наставления из духовных книг...

У меня масса дел, но за что бы я ни взялся, везде и во

всем вижу только ЕЕ! Я вконец извелся... Моя любовь — это мое мучение, моя болезнь! Я пациент, «зараженный» вирусом губительной страсти, несчастный раб, которому не под силу разорвать сковывающие его цепи.

Увы, на земле много подобных мне «рабов», мечты которых зациклены на одном — на обладании любимой женщиной! Однако, бесстрастно проанализировав свое состояние, я все-таки отдаю себе отчет в том, что в отличие от «многих» еще способен контролировать свои чувства и поступки, и потому прекрасно понимаю: **воссоединение с НЕЙ равносильно... потере.**

Я был влюблен в Весну! Весна позволила мне прикоснуться к ее шелковистым кудрям... и что же потом? А потом я начал скучать...

* * *

Насколько это больно и горько — сгореть в твоём огне, настолько и сладостно. Это равносильно печали разлуки. Разлука входит в сердце человека с болью, но в то же время она готовит в нём почву для будущей встречи, а значит, и будущей радости. Не могут быть сладостными свидания без разлук. А сладость разлуки — в муках сердца и ожидании встречи. Именно так я люблю тебя — радостно и печально. Ты — прекрасный тиран, отобравший мою свободу! Ты — страдание, дарующее мне блаженство!

Я тоскую по тебе, и я ощущаю: причина моей тоски в том, что во мне есть частичка тебя. Сам того не осознавая, я «выкрал» ее у тебя в чудесные минуты нашей близости, и теперь твой образ — часть меня, моей души. И какие бы ветра не леденили мое сердце, ты согреваешь его, ты снова появляешься на моем жизненном пути и... снова подчиняешь меня себе.

Может быть, это обидно, будучи сильным и крепким мужчиной, жить, ощущая свою полную зависимость от приказов «маленькой страны», — собственного естества, своего тела? Унизительно превратиться в раба слабой женщины! Может быть... Но факт остается фактом: в присут-

ствии ЖЕНЩИНЫ я только влюбленный мужчина, потерявший рассудок и волю. Сильный и беззащитный одновременно. И это приводит меня... в изумление!

Днем я чувствую твое дыхание, ночью ощущаю тебя в своих снах. Зачем ты преследуешь меня? Зачем уничтожаешь? Ты – словно чума, а я – будто изнуренный больной, согреваемый слабой надеждой выжить по воле счастливого случая. Душа моя настолько истомилась в тисках бесконечных переживаний, что, вконец измученный, я жажду получить свободу! Нет больше сил выносить страдания, имя которым – ТЫ! Какая ирония, какое горькое счастье – лишиться рассудка и бродить «по пустыне жизни», подобно легендарному Меджуну. А я чувствую, что «теряю себя», и это ощущение поселяет в моем сердце страх! Это чувство подобно тому, которое испытывает больной от прикосновения к его телу лезвия хирурга, пытающегося удалить нарыв. Может, ты и есть то «лезвие», и мое «излечение», действительно, в тебе?! Может, и вправду, лишь потеряв себя, я обрету, наконец, покой и счастье? Но тогда... тогда чьим же будет это счастье? – мое или... Я не знаю.

Человек не может одновременно так любить и так ненавидеть! А, может быть, МОЖЕТ! Не знаю. Не могу понять, кто ты для меня: мой стремительный взлет или... сокрушительное падение?

Неужели возможно до такой степени попасть под влияние женских чар? Вроде бы я не восемнадцатилетний романтичный и неопытный паренек! Тогда откуда во мне эта потерянная, слабость, опустошение?... Неужто наши души действительно «куски божественного магнита», с невероятной силой притягивающиеся друг к другу? Ну что в тебе «такого», что заставляет меня вот так сходить с ума? Нет ответа на этот вопрос, но зависимость тяжела для меня: она убивает, и поэтому порой в моей душе рождается жуткое желание уничтожить тебя, распылить на мелкие кусочки, чтобы не мучила ты меня больше, не изводила...

Чувства...

Подумав, — «а ну, что будет?» — я стал «исследовать» свои ощущения, эмоции, желания, пытаясь глубинно осмыслить их, «рассмотреть» и с одной, и с другой стороны. Ничего не получилось! Опыт не удался: все растекалось, путалось, ускользало... Разозлившись, я «схватил» свои чувства «за уши» и, загнав, как зайцев, «в клетку», сделал еще одну попытку рассортировать все по полочкам, все объяснить, оценить, описать... Я нагромоздил пласты строк, осмысливая абстракцию, называемую «чувством»:

«Упоительно и страстно целуя женщину, мужчина воспринимал себя тяжело больным, а свои поцелуи — единственным средством, способным избавить его от подобного состояния. Вдруг женщина требовательно прошептала: «Скажи мне что-нибудь!». Мужчина молча покачал головой: к чему слова? Но тут же подумал: «Может быть, ей это необходимо — «слышать» его чувства — и тихо произнес: «Я люблю тебя!». Женщина брезгливо поморщилась: «Какая «дежурная», затасканная фраза! Ты, верно, считаешь меня пятнадцатилетней девочкой, способной раскраснеться и затрепетать от одного только слова «люблю». Неужели не можешь придумать ничего оригинальнее?!»

Они расстались. Время шло. Неловкость осталась. Одно время мужчина избегал встреч с этой женщиной, и когда судьба вновь свела их вместе, не обнял, не приласкал ее, но... но неожиданно почувствовал: их сдержанность, их попытка равнодушия стали перерождаться... в страсть. Поначалу это отразилось в глазах: состоялось красноречивое объяснение на языке взглядов. Затем оба стали уделять особое внимание своим словам, скрывая в любой невинной фразе намек, потаенный смысл, подтекст. При их первой близости все, в основном, сводилось «к постели», и сердца сковывал холод и недовольство друг другом. Теперь все измени-

лось: подобно подросткам, тайно передающим друг другу любовные записки в томах «солидных» книг, они начали «обмениваться»... словами, в которых разгорался и разгорался, достигая своего апогея, жаркий костер вновь рождающегося истинного чувства. Согретье этим «костром», мужчина и женщина ощущали непередаваемую, особую окрыленность души!

Однажды они услышали песню на английском языке. Глядя в глаза мужчине, женщина начала переводить текст:

*Словно рыба, выброшенная на берег
волною, бьюсь.*

*Рядом, рядом со мною мой океан -
тянусь.*

К небу подпрыгну – прохладу волны вдохну.

*Лишь к воде,
лишь к тебе,*

лишь к свободе своей стремлюсь!..

И сердце мужчины «взорвалось»! Не обращая никакого внимания на проходящих мимо людей, он уверенно шагнул к **СВОЕЙ ЖЕНЩИНЕ**, легко поднял ее на руки и... крепко поцеловал в губы. В этот удивительный, потрясающий миг его ощущения были гораздо сильнее, искреннее и ярче слов, прозвучавших когда-то пустой «дежурной фразой»: «Я люблю тебя!».

«Получается, чем дальше разлука, чем больше препятствий для встреч, тем сильнее разгорается огонь любви? Неужели нечто, вспыхивающее временами в глубине ее глаз (где-то на самом дне их!), завораживающее и притягивающее, и есть то, что я воспринимаю как один из ликов Создателя? И именно это держит меня в плену? А может быть, это всего лишь мираж твоих колдовских чар, женщина? Или буйная фантазия моих чувств, будоражащих душу? Неужели я могу так жалко обманываться?

– Ладно, хватит заниматься самокопанием, надо закончить «любовную историю»! Далее-то, что было?

Дальше... женщина была растеряна и встревожена, как ребенок, с нетерпением ожидающий свою мать. Она доверчиво прильнула к любимому и прошептала: «Как же ты меня измучил!». Обжигая ее ухо горячим дыханием, мужчина тихо ответил: «Только ТЫ так безумно волнуешь меня! Только в минуты наших встреч я по-настоящему живу! Только когда ТЫ рядом – я не одинок!».

Женщина подняла голову, внимательно посмотрела в глаза мужчины и... поверила ему. На ее ресницах засверкали слезы...

* * *

Песня, доносившаяся издалека, стала постепенно приближаться, и, наконец, зазвучала над самым моим ухом. Я открыл глаза и увидел свет, и свет тот жил, сливаясь со звуками чарующей песни. Моё внимание привлекло движение на ворсе ковра: странная игра света и тени... словно кувырывается группа ребятшек. Я поискал глазами «источник» этой светотени и увидел за окном огромное дерево, пронизанное лучами солнца. Поднявшись, подошел к окну и хотел отодвинуть занавеску, но вдруг понял, что и она «принимает участие» в этой «игре»: колышется, трепещет, отражаясь на ковре, и... поразился этому. Зачарованный, я вновь посмотрел на солнце, созревающее диковинными плодами на ветвях дерева. До меня доносился тихий шелест листвы, колеблемой нежным ветерком. Тогда я поспешно распахнул ставни и... ощутил себя рядом с деревом. Как влюбленный Меджунун, любующийся своей Лейлой, я ласкал это дерево взглядом – от подножия ствола до самых кончиков прекрасной кроны. Погрузившись в мир своих грез, я забылся, отрешился от всего окружающего и вдруг, ощутив внезапный внутренний порыв, бросился в объятия прекрасного дерева и, дрожа, с нежностью прильнул щекой к его теплому стволу...

Где-то «внутри меня» зазвучало «пение» муэдзина, призывающего к молитве...

* * *

Снова дождь... Он тревожит... Он шелестит в моей душе обрывками воспоминаний, накатывая волнами сладкой боли. Я снова рассеян, и мысли мои в беспорядке, я снова не могу «найти себя»...

В душе моей много «миров». Я пытаюсь осмыслить их, осознать, но они, словно зыбкие тени, тают, ускользают мучают меня. Моя любимая женщина – тень: вроде бы она есть, а вроде бы ее и нет. В тени превращаются и близкие, родные мне люди, по которым я очень скучаю, но... ехать к ним не хочу. Почему? Не знаю. Я пытаюсь осмыслить эту ситуацию, которая явно противоречит здравой логике, но самоанализ заводит меня в тупик: мысли путаются, и я, как слепой, потерявший свой посох, пытаюсь двигаться на ощупь, но... быстро устаю. Меня можно сравнить и с человеком, опоздавшим на свой корабль и оставшимся в полном одиночестве на пустынном берегу. Эти ассоциации поселяют в душе уныние, рождают ощущение тоски, потерянности, безразличия... Я «выпадаю из жизни», замираю...

Но вот мои уши снова начинают воспринимать звуки, я снова слышу тихий, печальный и ласковый шелест и ощущаю его согревающее тепло. ДОЖДЬ! Это шумит ДОЖДЬ! Я «оживаю», вскакиваю, сбрасываю с себя оцепенение и бурно радуюсь, словно смертник, ускользнувший от топора палача. Я ликую – ДОЖДЬ! Какое ты чудо, ДОЖДЬ! «Цепляясь» за «шелест», выбегаю на улицу... В моем сердце жажда жизни и страстная надежда на чудо! В душе желание уехать куда-нибудь, далеко-далеко...

Побродив по улицам, я «остыл», промок, почувствовал голод и... вернулся в свою квартиру. И снова в душе ощущение потерянности и тоски... и на глазах – слезы.

* * *

Послушай! – обратился я к своему внутреннему «Я», – Чего тебе надо? Что ты бесконечно мотаешь меня из стороны в сторону, бросаешь то в огонь, то в воду? Зачем так

люто терзаешь, мучаешь? Чего тебе не хватает? В мечтах – паришь в облаках, а что на деле? То ли нестыковка фантазий и реалий приводит тебя к столь печальным результатам, то ли твоя неутолимая жажда все постичь, все прочувствовать, все испробовать... На собственной шкуре!

Когда же ты покончишь с бесконечными метаниями между «идеальным» и «реальным», «возвышенным» и «приземленным», чтобы (наконец-то!) «слились» воедино две враждующие «половинки» моей души? Мне надоело «раздваиваться»! Надоело спорить с самим собой! До каких пор ТЫ будешь идти наперекор МНЕ? Наступит ли для меня счастливое время мира, согласия и единения с самим собой?

Пока что – только споры, только вечные сомнения, только откровенная полярность позиций! Я устал. И когда это все кончится? Когда?!..

* * *

Твой образ, возникнув в моем сознании, «запер меня в клетку». Если бы не сила воли, то мой разум оказался бы на грани безумства, и тогда прославился бы я как Меджунун нашего века. Но в современном мире безумие не в чести, и я изо всех сил стараюсь «соответствовать», тогда как в «мире собственной души» уже давно скитаюсь, потерянный и неприкаянный, страдая по ТЕБЕ.

ТЫ «разметала» меня, разбила вдребезги мой разум, заполненный столь необходимыми для человека реалиями: стремлениями, планами, честолюбивыми желаниями... ТЫ заставила меня безоговорочно принять твою программу жизни, лишённую какой бы то ни было материальной конкретики. Получается, любовь к тебе – препятствие на пути к достижению моих целей! Но, может быть, ТЫ и есть самая высокая моя цель? Самое заветное мое желание? Не знаю...

ЛЮБОВЬ поработила мой разум, потому что ЕЙ мало

места только в моем сердце. Это чувство – безжалостный завоеватель, а я – покоренная страна.

Я подобен пламени, жаркие языки которого рвутся к небу – к ТЕБЕ, ЛЮБИМАЯ! Если мои глаза «теряют тебя», я мгновенно начинаю мучиться так, словно теряю самого себя. И все кажется мне, что ТЫ – нечто неуловимое, что ты отдаляешься от меня куда-то... в вечность. Мои мысли о ТЕБЕ – грустная песня, беспрестанно звучащая в самой глубине души. И чем больше наслаждаюсь я, слушая эту песню, тем больше страдаю, и чем больше страдаю, тем сильнее наслаждаюсь своим страданием. Замкнутый круг!

Появись ТЫ, и я упаду к ТВОИМ ногам. О Боже, где же мое достоинство, моя гордость и моя честь? Вся моя жизнь сгорела дотла на жертвенном костре этой любви, потому и мысли мои – только о НЕЙ? А ведь я давал обещание молиться только Тебе, Всевышний! Где же теперь они, мои обеты и обещания? Где вера моя, поддерживавшая душу? За что мне такое наказание? Зачем Ты, Всевышний, столкнул меня с противником, который бесконечно сильнее меня? Почему, зная, что я потерплю поражение, Ты все-таки принудил меня к неравному бою, призывая: «Одержжи победу!». Или Ты издеваешься надо мной?

Я, сильный мужчина, оказался слаб перед великой силой Любви и теперь плачу от своего бессилия. «Я должен был победить!», – кричу я в отчаянии. Эй, подзвездный мир, посмотри на меня, а посмотрев, воздай мне хвалу! И похвали меня не за то, что я выиграл неравный бой, а за то, что проиграл сражение, и теперь не знаю – радоваться мне или горевать.

Передо мной во весь свой высокий рост вытянулся день, в котором не будет тебя. Он вырос на моей и без того неровной дороге, как гора, как препятствие. И я должен осилить эту «гору»!

Любимая, ты словно Родина: окажусь вдали – погибаю от тоски по тебе! Любимая, ты словно пламя: приближаюсь к тебе и... сгораю дотла! ТЫ заполняешь все уголки

моего сердца! Каждый раз, при встрече с ТОБОЙ, я волнуюсь, как мальчишка при первом свидании...

Когда я целую тебя, то забываю обо всем на свете и... жажду быть бессмертным! А ведь смерть, — как утверждают Мудрые, — является одной из непреложных «целей» человека? И человек должен понимать, что жизнь его есть только подготовка к смерти, к отчету перед Всевышним?

Наверное, так, но, думая о тебе, я забываю об этом! Радость свидания с тобой стирает в моей душе возвышенные и грустные мысли о Вечном. Мы любим друг друга, и я верю: даже Смерть не разъединит нас, поскольку ТАМ души наши сольются и станут единым целым.

Наконец-то я вырвался с работы! Теперь на какое-то время абсолютно свободен, и смогу, наконец, сосредоточиться «на себе», на своих переживаниях, смогу спокойно излить свою душу, в которой столько всего накопело и наболело! Сейчас я ощущаю себя немым, которому — вдруг! — по милости Божьей! — дано заговорить! Душа звенит! Теперь я разбушуюсь, разольюсь, как вода, пробившая тысячелетнюю плотину!

А ну, найдутся ли УШИ, которые захотят вслушаться в мощные звуки моей «бушующей воды»?

* * *

Что, мое бедное сердце, ты опять попалошь? И снова в тот же самый капкан: бессонница, терзания, беспокойство... А ведь тебе уже почти тридцать! И все-таки ты уже в который раз спотыкаешься об один и тот же колышек? Где же твой жизненный опыт, твои мудрые выводы?

Во всех своих словах, сказанных и написанных, да, практически, и во всех своих действиях я стараюсь исходить из реалий жизни, стараюсь все объективно и логически осмысливать. Очень стараюсь, но спотыкаюсь об одно «НО»...

О, мое бедное сердце, кто позволил тебе ПОЛЮБИТЬ? Кто позволил тебе взойти на этот костер бесконечных стра-

даний? И где они теперь – моя воля и моя объективность? Любовь – чудесная сказка, мечта! А реалии жизни – вот они: с одной стороны – семья, дети; с другой – нищета, скалящая свои зубы...

Тебе, о мое бедное сердце, не под силу стать Меджнуном, чтобы «скитаться по пустыне любви», да и нет у тебя убежденности в том, что и ее сердце захочет стать «безумным» и последовать за тобой в этих скитаниях! Но не смотря ни на что, ты любишь ее, ты желаешь ее, ты стремишься к ней! Ах, если бы мой разум сжалился надо мной и... покинул бы меня! Лишившись его, я бы избавился и от многих мучений. Но, нет! Хотя в груди моей и полыхает уничтожающий меня огонь, я не потерял рассудка. Может, именно в этом и кроется вся беда моя?

Цепи разума мешают мне действовать необдуманно; холодная логика разума жалит, как змея или скорпион. Я кручусь, верчусь, извиваюсь, стараюсь найти выход из безвыходной ситуации, но... не могу разорвать крепкие кольца этой «цепи», не могу до конца противостоять здравому смыслу. А ЛЮБОВЬ призывает отринуть этот самый «смысл»!

О, женщина! Как же я, такой сильный и уверенный мужчина, дошел до того, что ПОТЕРЯЛ СЕБЯ В ТЕБЕ? И как же я теперь страдаю из-за этого? На долгие месяцы (а, может быть, и годы!) я выбыл из строя: я разбит, я запутался, я сбит с толку, но ОТРЕЧЬСЯ ОТ ТЕБЯ – выше моих сил! О, Боже, зачем Ты так коварно вмешался в мою жизнь! Да разве бы я сам, по доброй воле, вошел в этот колдовской и запутанный «лабиринт любви»?!

О, Аллах, какое мучение! О, моя душа!.. О, моя свободная воля!..

* * *

По непонятной причине я с неприязнью рассматриваю себя в зеркало, рассматриваю как какую-то малопривлекательную вещь. Морщусь, но упорно вглядываюсь в свое отражение, и мое придирчивое внимание к собственной пер-

соне растет, как у ювелира, строго оценивающего необычный камень. «А ведь когда-нибудь я умру? – вдруг проговорил я сам себе. – И не будет этого отражения в зеркале...». Потом волной нахлынула другая мысль: «Но пока то вот он я – жив, здоров! Значит, следует ЖИТЬ, следует загрузить работой свой крепкий «организм-машину»!

И тут мне страстно захотелось, подобно бесправному рабу, трудиться много и тяжело: бросаться в огонь и в воду, бегать, метаться, справляться с любой непосильной работой, изнурять свое тело до тех пор, пока оно не рассыплется в прах, не «разлетится на куски»!

Странные мысли! Хватит! Собственные ассоциации опротивели мне, как продажная женщина, которая «интересна» только до утра.

Внезапно я ощутил холодный ветер, пробравший меня до костей. А ведь мне плохо. Мне очень плохо. Я «присмотрелся» к себе и понял, что совершенно, абсолютно беззащитен. Я потерял работу. Но только сейчас, разглядывая себя в зеркало, окончательно осознал, что это значит – ПОТЕРЯТЬ РАБОТУ! Оказывается, работа – это теплая шуба, надежно защищающая в лютый холод от любых жизненных невзгод. А я эту «шубу» потерял и чувствовал сейчас себя так, будто меня вышвырнули на убийственный мороз.

И ведь я не одинок в своей беде... Я только один из многих...

С ненавистью и ожесточением смотрю на себя в зеркало. Да, стоит, стоит до смерти замучить себя работой! Вот только заполучить бы ее еще...

Мысли делают странный скачок, и... я ощущаю страстное желание заполучить... длинноногую блондинку...

* * *

Любимая, мне необходимо видеть тебя, говорить с тобой (все равно о чем!), слушать тебя, молчать с тобой... Мне необходимо быть рядом, чтобы время от времени

тонуть в бездонном океане твоих глаз, ощущать теплые и нежные биоволны твоего тела! Наши встречи дают мне силу быть готовым к любой борьбе, к любым жизненным испытаниям! Ты – тот колоссальный энергетический заряд, который рождает желание ЖИТЬ! О, если бы ты только знала, как много ты для меня значишь и... как мучаешь меня!

О, Аллах, Ты слышишь меня, видишь меня, ведаешь о моих страданиях. Ты в моей душе и в моем теле, ты – мудрый правитель моей жизни, моих радостей и горестей, услышь меня, помоги мне! Благодаря тебе я обладаю талантом ПИСАТЬ, умением излагать свои мысли и чувства на бумаге. Это Ты, знающий обо мне ВСЕ, водишь моим пером. Но, Всевышний, в то же время я ощущаю и то, как Ты бесконечно, бесконечно далек от меня! Так далек, что иной раз меня начинают терзать горькие и страшные мысли о том, что, либо я не существую для Тебя, либо – Тебя нет...

О, горе мне!.. Что я пишу! Какую очередную беду навлекаю на свою бедную, неразумную голову? Почему меня все время терзают сомнения?

Не нужно мне было писать эти строки.

* * *

Мой сын умер в мучениях... Перед его смертью врачи вытащили все иглы из хрупкого, маленького тела, и сказали: «Скоро он скончается, и вы сможете забрать его». Меня потрясло то, КАК они держались, будто возвращали нам ребенка живым и здоровым. Хотелось растерзать их, прибить, но, взяв себя в руки, я взмолился Всевышнему (на все воля Твоя, Господи!) и как мог постарался сдержать свое горе и свою боль.

А ребенок все не умирал... А мы сидели и ждали... Долго сидели и долго ждали, часа два-три, не помню...

Вдруг малыш широко раскрыл глаза и посмотрел на меня, посмотрел с таким ужасом, как будто я стою на берегу, а его уносит бешеный поток черной и страшной реки.

Душа моя перевернулась. В горле застрял крик боли и отчаяния. Впервые в жизни я понял, что такое быть готовым к самопожертвованию. Все, все отдал бы я сейчас за жизнь своего ребенка! Все! Но это было не в моей власти, и я стоял над ним, потерянный и беспомощный, ощущая бесконечную, терзающую душу вину...

Вернулись домой и стали готовиться к погребальной церемонии. Перед тем, как омыть тело малыша, женщины спросили его имя, сказали, что нехорошо ему уходить «туда» безымянным. А мы не успели дать ему имя. Я всегда мечтал иметь сына по имени Мухаммад. Всевышний дал мне сына и... отобрал его. Но если я сейчас дам ему, умершему, ЭТО ИМЯ, то у меня уже никогда, никогда не будет сына по имени Мухаммад. Мгновение я терзался, не имея сил принять решение, жалея имя, но потом, не вынеся собственных подлых мыслей, громко выкрикнул: «МУХАММАД! Моего сына зовут МУХАММАД!» Я крикнул это с какой-то злобой прямо в лицо женщинам, омывающим покойников и сейчас пристально смотревшим мне в рот в ожидании ответа. Потом я обошел всех и каждому по отдельности сообщил: «Мухаммад, имя моего сына Мухаммад!». Все плакали и причитали. Даже из глаз посторонних людей катились искренние слезы сочувствия страшному горю. Вот только у меня – отца ребенка – глаза были совершенно сухими. Я не мог плакать. Слезы «сгорели» во мне. Так и ходил, суетился, хлопотал – бестолковый, бессмысленный, уничтоженный...

Ближе к вечеру люди разошлись, и во дворе остались только члены семьи. Я сидел, бездумно уставившись в воду говорливого арыка, отблескивающего серебром в лунных лучах. Вдруг сердце мое сжалось, и боль моя черным фонтаном вырвалась из наболевшего нутра и разворотила мою душу. И я заплакал. Я плакал долго и безутешно. Никогда не плакал я ТАК, и не дай Бог, еще раз в жизни ТАК плакать! Мое горе, как мощное течение, уносило меня куда-то, и я ничего не видел и ничего не воспринимал вокруг. Я полностью отдался на волю скорбного «течения» – моего

плача – и оно несло и несло меня на своих волнах. Слезы немного успокоили, облегчили душу. Они текли и текли по моим щекам горько-соленым ручьем, будто вместе со своим горем, своей бедой я собирался выплакать и свое сердце. Раскачиваясь из стороны в сторону в такт своему стону, я таял, растворяясь в своем горе, постигая великую силу плача, превышающего радость смеха. И мне хотелось вечно носиться по волнам этого плача, потому что он «соединил» меня с моим умершим сыном Мухаммадом. В этот момент я не променял бы свой горький плач на все блага и сокровища мира...

Но постепенно, независимо от моего желания, мои всхлипы стали затихать и, наконец, растворились, исчезли, оставив в душе ощущение мертвой тишины. А я сидел и думал, что теперь уже никогда не смогу плакать, что я уже выплакал все слезы, отпущенные мне Судьбой. Сидел и тихо бормотал про себя: «Вот так, сынок, вот так... Вот и все, что могут сделать для тебя люди... Вот и все, на что способен даже самый близкий тебе человек – твой отец! Прости, сынок, не в силах людей было сохранить тебе жизнь! И я не смог сделать этого. Прости, родной! Пусть светлой и чистой будет память о тебе, сынок! Пусть Аллах будет с тобой там, на небесах, сынок, пусть Он помилует тебя...».

Потом я встал и поплелся в сторону кухни, где хлопотала у очага моя бабушка...

* * *

Ну и кто ж ты, наконец, позорище? Где твоя хваленая индивидуальность, неповторимое «Я», твоя «цельная натура»? Ты раздробился и измельчал. Внешне вроде бы выглядишь как победитель, а на самом деле – жалкий побежденный! «Внутри» тебя ничего нет: ни прямых линий, ни ломаных контуров, ни многоточий – ничего! Ты пуст, как страна, убившая своего поэта. В сердце твоём пусто. Думается, что если бы это было в твоих силах, ты немедлен-

но заполнил бы эту пустоту, и тогда не страдал бы так, не переживал бы столь сильно по поводу своего «утраченного содержания». Но, увы! В запасе у тебя не осталось ничего, что помогло бы подняться и вновь ощутить себя НЕПОВТОРИМОЙ ЛИЧНОСТЬЮ. Ничего! Ты так ничтожен, что теперь даже отщепенец между твоих ног не станет подчиняться твоей воле.

Если бы ты еще не рисовался так явно, тогда куда бы ни шло. А то ведь все пытаешься выставить себя напоказ. Ну и каков результат? Если бы хоть кто-нибудь заинтересовался твоей персоной, то тогда уже было бы не так обидно, но – увы! – «заинтересовавшихся» не нашлось. Поглядеть на тебя, так ты сконфужен, как девица, вышедшая на улицу торговать своим телом и... не заполучившая ни одного клиента. Никто не только не окинул оценивающим взглядом, но даже не оглянулся! Впору залиться слезами по поводу своего бедственного положения. Ну что же, кричи, стони, вопи, выплескивай обиды, нагноившиеся внутри тебя...

Да... тяжелые дни. Но стоит ли унывать? Можно посмотреть на все это с другой точки зрения, даже пофилософствовать, сказав себе: все пройдет! И эти тяжелые дни тоже пройдут. Время не только судья, но и целитель. Тот, кто наслал болезнь, тот даст и средство излечить ее.

Боже, зачем ты так мучаешь меня? Зачем Тебе это представление? Я – покорный раб твой. Почему же Ты не сжалишься надо мной, не помилуешь меня в моей немощи?

Но... может быть, я чего-то не понимаю? Может быть, именно в наказании Твое милосердие ко мне, а я, грешный, осмеливаюсь укорять Тебя? Прости меня, Всевышний! Секи – я буду целовать Твои плети; волокни меня связанного по колючим шипам – я буду благословлять пути, вонзившиеся в мое тело; направь на меня гнев Свой – я подчинюсь Тебе, но... позволь мне остаться таким, каков я есть: грешным и... кающимся, сомневающимся в Тебе и... стремящимся к Твоей Истине. Только не отвергай меня, Боже!

* * *

Душа моя, уяснила ли ты, в конце концов, что на свете важнее всего ЖИЗНЬ?

ЖИЗНЬ превыше литературы, искусства, науки...

ЖИЗНЬ – величайшая ценность, дарованная человеку!

ЖИЗНЬ – кровь, бегущая по венам, стук сердца, сила, наполняющая мышцы...

И что же странного тогда может показаться в том, что я считаю великим счастьем вдыхать полной грудью чистый и ароматный воздух благоухающего сада? Что для меня встреча с красавицей Весной – **НОВЫМ ВИТКОМ ЖИЗНИ, ИСТИННЫМ НАЧАЛОМ НАЧАЛ** – есть непередаваемое блаженство, заставляющее радоваться и трепетать мою душу! Ну что может быть прекрасней этой встречи?!

Итак, продолжу начатую мысль: ЖИЗНЬ превыше всякой власти, почестей, славы и богатства!

Когда я постигаю эту МУДРОСТЬ, то ощущаю ДЫХАНИЕ АЛЛАХА!

В такие минуты моя бессмертная душа окрыляет мое смертное тело! И тогда я говорю себе: так что же тебе еще нужно, глупец? Ты ЖИВ – и ты ШАХ, ты ЖИВ – и ты ПОЭТ!

* * *

И снова то же состояние: после того, как с криком или стоном завершаю «любовную игру» с женщиной, ощущаю гнетущую пустоту. В глазах закипают слезы, в душе тлеет горькая обида, и рождается странное желание каким-то образом компенсировать нечто «утраченное». В душе все переворачивается. Женщину, которую буквально несколько минут назад боготворил, сейчас жажду раздавить и выбросить, как таракана. Господи, что со мной? Я мучительно осознаю, что после каждой близости лишаюсь чего-то очень и очень ценного и что теряю это «ценное» безвозвратно! И, тем не менее, через некоторое время пожирающий огонь

желания вновь закипает в моей крови. И огонь этот подобен неугасимой страсти азартного игрока, рвущегося к картам: игрок точно знает, что проиграет, но все равно снова и снова испытывает свою судьбу. Так и я в очередной раз с головой бросаюсь в омут, имя которому «женщина».

«Эта тяга естественна, — говорю я сам себе, — это свидетельство моего физического здоровья». И не надо ничего накручивать! Но тогда почему же близость с женщиной в итоге рождает пустоту и сомнения? И вообще, что такое сладострастие в жизни мужчины? Некий особый «элемент», дарующий жизненную силу и прекрасное настроение, или же это тяжкий грех, источник горечи, заполняющей душу? Ведь эта горечь появляется порой даже тогда, когда ласкаешь собственную жену! Отчего так? Может быть, она рождается от мучительного осознания того, что в результате любовных утех может родиться на свет ребенок, и что этот ребенок будет обречен жить в нашем мире, полном боли и страдания? Не знаю. У меня нет ответа на эти вопросы, но они очень мучают меня.

Стон вырывается и рассеивается, как сыпь на языке. И... страсть покидает меня, оставляя пустоту, боль и усталость в душе. Перед тем как заснуть, ощущаю вкус поцелуя Лунной Ночи и вижу блики-следы от прикосновения ее нежных губ к стеклу моего окна. Засыпаю и... просыпаюсь, согретый мягким лунным сиянием, чарующим мое сердце. Прислушиваюсь — тишина... Только играют, просачиваясь в комнату, мягкие нежно-золотистые лучи: переливаются, переплетаются, рассеиваются, наслаиваются друг на друга, создавая сказочную мозаику... Колдовство лунной ночи, красоту которой невозможно описать, можно только увидеть и почувствовать сердцем!

Луна — вот чудесная возлюбленная, с которой всегда хорошо, которая очаровывает, манит, завораживает, и я тоскую по ней, как странник по заповедной стране. О, как эта страна прекрасна! Это мир мечты и фантазий, это мой «остров сокровищ», мое убежище на «черный день».

Не знаю, как вы, но я, постоянно вращаясь среди людей, ощущаю иной раз острую, нет, жгучую необходимость сбежать от них, спрятаться, скрыться! Вот тогда-то по лунному лучу я и отправляюсь на свой «остров». И не важно, что это путешествие может состояться только в моих мечтах...

* * *

Я уже давно безработный. В моем положении угнетает все и, прежде всего, заботы о пропитании. Сижу дома, взаперти, тупо уставившись в выпученные глаза своей участи. Вроде бы я свободен, но «такая свобода» убивает! Да и желудок бунтует и требует (именно требует!), чтобы я немедленно подумал о нем...

Если сейчас я сяду писать о своей жизни, то дам ей самую ужасную характеристику, подберу самые черные метафоры и аллегории, вынесу самый жесткий приговор, какой зачитывают только закоренелым и опасным преступникам. Так я сейчас воспринимаю свою жизнь!

И думаю, что такое состояние бывает не у меня одного. Если кто-нибудь из читателей найдет в моих строках созвучие своему собственному настроению, думаю, он, безусловно, поймет мое страстное желание в «определенные моменты» выказаться сочным матом по поводу окружающих «бытовых реалий». С таким читателем мы станем товарищами по несчастью, заблудившимися в пустыне одиночества и неудач.

Но если это так, то получается уже другой поворот судьбы! Получается, что я не одинок, и у меня есть товарищи по несчастью! В таком случае, может быть, стоит попробовать свои силы в борьбе с негативами жизни? Возможно, опять Я, нет, теперь уже МЫ! снова потерпим поражение в битве за СВОЙ ИДЕАЛ, но на то ведь мы и представители рода человеческого, чтобы вечно бороться за что-то! Человек силен, если не чувствует себя одиноким, если имеет рядом с собой друзей, а за собой – последователей. Тогда он и на смерть пойдет с гордо поднятой головой! Говорят же: «На миру и смерть красна!»

Но... не буду я СЕЙЧАС писать о своей жизни. Просто хорошо знаю, что если заговорит человек, чувствующий острую боль от занозы, сидящей в его пальце, то он не сможет пойти дальше жалоб и причитаний. Поэтому, несмотря на мое паршивое настроение, заставляющее рассматривать окружающий мир сквозь черные очки, я все-таки не унываю. Где-то, в глубине моей души горит огонек искренней веры в то, что я обязательно прорвусь сквозь «черноту» своих неудач и сумею ощутить не только горечь, но и потрясающую сладость жизни. Обязательно сумею! Поэтому независимо от всех моих печалей и забот я все-таки всегда БУДУ ВОСПЕВАТЬ ЖИЗНЬ! РАТОВАТЬ ЗА ЖИЗНЬ! ГОЛОСОВАТЬ ЗА ЖИЗНЬ!

* * *

Ранее утро. Я открыл глаза и посмотрел за окно: там только-только просыпалось солнце, и дерево, растущее около дома, неторопливо омывало свои длинные ветви-косы в его искрящихся золотом лучах. С веселым гомоном – чирикай, «переговариваясь» – суетились в сверкающей пышной кроне беззаботные птицы.

Обычно, проснувшись, я тут же встаю и подхожу к окну, чтобы насладиться чудесным утренним пейзажем, но сегодня... Сегодня я продолжал лежать в постели. Я был подавлен и жалок. При другом настроении я бы в это время уже летел по улице, спеша на стадион для того, чтобы как следует побегать, размять тело. И вся эта чудесная утренняя процедура, как всегда, доставила бы мне огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие! Потренировавшись, вернулся бы домой и, обливаясь в душе холодной водой, с радостью думал бы о том, что ЖИЗНЬ – ЕЕ ДВИЖЕНИЕ И РИТМ – УДИВИТЕЛЬНОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ! Я полюбовался бы своими сильными и крепкими мышцами, а потом стоял бы у открытого окна и вдыхал чудесный утренний воздух, в каждом вдохе ощущая ПОТРЕСАЮЩИЙ ВКУС ЖИЗНИ!

Так было... вчера.

Что же изменилось сегодня? Отчего так заледенело, за-
ныло, затосковало мое сердце? Отчего погрузилось в омут
безразличия? Что в моей жизни «не так», чего недостает?
Вроде бы все есть: и семья, и ребенок. Есть и многочислен-
ная родня, и верные товарищи, и цель в жизни. Все есть! Тогда
откуда же это тоскливое состояние, терзающее и изматываю-
щее мою душу? Что же я, словно дивана¹, скручивающийся
от любви к Аллаху, «разбиваюсь» на куски и не могу «собрать»
себя? И самое страшное во всем этом то, что я не понимаю —
чего жаждет моя душа, чем мается, что ищет? И чувствую,
что все мои попытки понять это — напрасны.

Мои вопросы подобны старым девам, доживающим
свою жизнь без мужа. Как «девы», втайне мучаясь, ходят
со склоненной головой, так и они, изводя меня, не позволя-
ют «распрявиться» и получить исчерпывающие и столь
необходимые мне ответы. Они яростно атакуют меня, раз-
бивая на куски мою сущность, мое сознание. Мучительное
состояние! Такое ощущение, будто ДУША МОЯ старает-
ся поведать мне ЧТО-ТО на своем «потаенном языке», а я
— никудышный — не могу понять ЕЕ. Не могу и... боюсь, и
потому воспринимаю ЕЕ сейчас как ворону, которая своим
жутким карканьем призывает на мою голову ледящую
зимнюю стужу — новые испытания и беды...

Кар — кар — кар...

* * *

У меня прекрасное настроение! Я приторно любезен со
всеми окружающими. (Позже, осознав ЭТО, я устыдился,
а до ЭТОГО ходил, безмерно наслаждаясь своим чудесно
легким состоянием, как человек, который долгое время не
мылся, измучился, а потом — вдруг! — получил возможность
искупаться, очиститься!)

По дороге домой я ощущал страстную потребность ска-

¹ Дивана — странный, сумасшедший, юродивый, одержимый
духами.

зять совершенно посторонним мне людям какие-нибудь хороши и добрые слова.

Перешагнув порог дома, расцеловал жену и, взяв у нее из рук маленького сына, стал подбрасывать его к потолку. Улыбаясь, жена удивленно спрашивает:

– Что с вами? Почему вы такой веселый? Мы едем в кишлак?

А я чувствую, как мое прекрасное настроение передается и ей.

– Нет! – многозначительно улыбаюсь я..

– Тогда отчего же вы такой радостный? – переспрашивает она, и в ее голосе сквозят любопытство и нетерпение.

Я полагаю, что ломаться излишне (да и не к лицу мне!) и торжественно объявляю:

– Жена! Я устроился на работу!

И еще раз медленно и четко:

– Я УСТРОИЛСЯ НА РАБОТУ!

Проговорил и тут же почувствовал, как внутри меня будто что-то оборвалось, защемило и... затихло. Радость моя стала гаснуть...

Я прошел на кухню, открыл окно, за которым уже хозяйничала ночь, и оперся на подоконник. В голове моей роились насмешливые и грустные мысли:

– Вот так-так! Получается, причина моей радости, достигающей небес, заключается лишь в том, что Я НАШЕЛ РАБОТУ? В этом причина моего необыкновенного эйфорического состояния? Ну и ну! Хорошо, нашел работу (делов-то!), а доволен, как распоследний грешник, которому Аллах разом отпустил все грехи! Отыскал место, где ежемесячно будут выделять средства для «наполнения моего желудка», и уже теряю разум от счастья, словно заранее получил путевку в рай! Боже мой! Ну не ничтожны ли мои восторги?

На кухню вошла жена:

– Ах, отец³, поздравляю вас! И куда же вы устрои-

³ Супруги, имеющие детей, обращаются друг к другу, используя слова: «отец» и «мать».

лись? Хорошая ли работа? А какая зарплата? Ну, расскажите же, расскажите...

Но мне уже не хочется ничего рассказывать. Я отрывочно отвечаю на задаваемые вопросы, страстно желая при этом, чтобы она поскорее вышла, и оставила меня одного, прячущего свой грустный взгляд в объятиях ночи...

* * *

Какие только мысли не посещают меня! Моя голова словно караван-сарай, а мои думы похожи на постоянно сменяющих друг друга богатых, осыпанных драгоценностями, постояльцев. Какие-то мысли я успеваю запечатлеть на бумаге, какие-то нет, потому что не всегда есть возможность записать их. Они пролетают ослепительными молниями, озаряя своды моей души, или, подобно звездам, освещающим ночное небо, мерцают, загораются и гаснут, исчезая в бездонных глубинах бесконечного пространства.

Мысли рождают счастливое состояние души: воскрешая прошлое, они пробуждают и сладкие, и горькие чувства и, пронизывая мою сущность, снова теряются, тают, исчезают...

Я соткан из мыслей, точнее из грешных и благородных помыслов, определяющих мое бытие. Счастье МЫСЛИТЬ, а значит СОЗИДАТЬ, СОЗДАВАТЬ и есть КРАСОТА, окрыляющая душу. Необъяснимая, неразгаданная сила этой КРАСОТЫ подобна... УЛЫБКЕ, которая вдруг – с последним вздохом – появляется и застывает на губах уходящего из жизни человека (даже если этот человек был несчастен «в миру», и ни одна его мечта не сбылась!).

Потрясающая энергия этой КРАСОТЫ проявляется в безграничных возможностях искусства и литературы! И я благодарен тебе, Боже, за то, что подобная энергия питает и мою сущность, рождая МЫСЛИ, помогающие мне ЖИТЬ и ТВОРИТЬ!

И снова один только твой вид – повод для моих мучений! Только излив тебе боль своей исстрадавшейся души, я могу найти успокоение? О, чистый лист бумаги! Поистине, ты мой самый верный и преданный друг!

Твой белый лик для меня, как образ возлюбленной! Ты заставляешь трепетать мое бедное сердце. Бывают в моей жизни такие минуты, когда я – бедняга – ощущаю себя совершенно одиноким, никому не нужным, никем не понятым... И только ты всегда рядом со мной! Вот и сейчас ты – единственная отрада для моей измученной души, мой очаг, моя Родина. Ну что ж, тогда выслушай меня. Я вылью в искренних строках все, что накопилось в моем сердце:

Всевышний обрек меня на вечный поиск, вечные сомнения и – как результат – вечное духовное одиночество. Мы, люди, много говорим о возвышенном, справедливом, светлом, любим призывать к добродетели и чистоте помыслов, но на своем ПУТИ я не встретил ни одного человека, который смог бы подняться над гнусными реалиями жизни, смог бы не испачкаться в мыльной и грязной пене нашего суетного бытия. Если присмотреться к сути каждого, то за благородным и красивым «фасадом» обязательно «проявится» гнильца, мерзкая и страшная «рожа».

Боже! Разве я не прав? Зададим простой вопрос: есть ли на свете ИСТИНА и СПРАВЕДЛИВОСТЬ? Затруднительно ответить однозначно, но что точно на свете есть, так это Истина откровенного насилия Сильных над Слабыми, вседозволенности Сильных и беззащитности Слабых. ТАКАЯ ИСТИНА действительно существует. Все остальное – мараж, омерзительное в своей циничности лицедейство.

Головорезы, «компенсируя» свои преступления, время от времени бросают монеты в чаши нищих. Помолится, бросил нищему «на пропитание» и... очистился, и можно дальше вершить свои грязные дела. А через некоторое время (если того требуют личные интересы!) можно спокойно перерезать

плотку тем же самым нищим, которых недавно щедро одаривал деньгами. Вот она – ИСТИНА нашего мира.

О горе! Этот несовершенный и жестокий мир создал Ты, Боже, и только в Твоей власти изменить его! А я, раб твой, и слаб, и немощен, и сам грешен. Иной раз мне кажется, что без «указания свыше» человек не в состоянии даже потереться как следует.

Ты, Всевышний, повелеваешь и добром и злом в этом мире, но вовсе не так, как категорично утверждают полуграмотные священнослужители и недалекие ученые: «От Бога – совершенство, от человека – бесчестие». Нет, не так! Все – от Бога! Все зависит только от Него!

Боже, я, раб Твой, по мнению недоучек священнослужителей являюсь явным мятежником, поскольку вхожу в категорию «сомневающихся». Да, я во многом сомневаюсь, я постоянно ищу ответы на многочисленные вопросы, которые мучают и жгут мою душу, но Я НЕ ДВУЛИЧЕН и Я НЕ ЛИЦЕМЕР! Я знаю, что так же грешен и несовершенен, как многие, но, поднимаясь и падая, я упорно ИЩУ свой ПУТЬ к ИСТИНЕ и СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Следуя Всевышнему, я «все» приемлю и стараюсь быть искренним в оценке этого «всего», стараюсь объективно осмыслить окружающий меня мир и самого себя в этом мире, стараюсь в «своем слове» не прикрывать грязь парчой. И пусть назовут меня «неверным», неискренним, пусть завистники и лицемеры обвинят меня во всех смертных грехах, но я то знаю, что никогда не отрекусь от своих поисков Истины.

И Ты, Всевышний, тоже знаешь это!

* * *

Эй, окружающий меня мир – вот он Я! И я дерзко думаю, что ты не стоишь и мгновения моего волнения, поскольку именно я, Человек, есть Истинная Ценность Вселенной! По сути дела, без МЕНЯ нет и ТЕБЯ! Без меня все твои духовные книги – никому не нужные сказки, разгово-

ры о Боге – чепуха! Что такое Талмуд или Коран без Человека? Ничто. Только проникнув в Его сердце, они обретают уникальный смысл и значимость.

О, как я разговорился! Пожалуй, достаточно! Да и кому нужна моя искренность и моя правдивость? Кому они принесут пользу? После таких дерзких слов шея, на которую навесят ожерелье из проклятий, будет моей, а головы, которые спрячутся за моей спиной, будут чужими. Мне в спину итак уже тычут религиозные и светские ученые-недоучки. Ну что ж, пусть простят меня, если я в пылу своей ярости случайно нарушил их душевное равновесие. Но... взглянули бы они на себя ЧЕСТНО и так же честно постарались бы ответить лежащему перед ними листу бумаги: неужели я ошибаюсь в своей трактовке значимости Человека в нашем мире? Думаю, что нет.

Я могу от многого отказаться, но не могу отречься от ГОЛОСА СВОЕГО СЕРДЦА. И если уж невозможно откровенно и честно беседовать с окружающими, то... буду изливать душу зарослям камыша! Вот прямо сейчас и начну.

Что же я могу поделаться, если для меня самая высокая ценность в этом мире – честно и откровенно беседовать со своим сердцем? И если МИР всеми силами нацеливается на то, чтобы лишить меня этой возможности, то я не приемлю ТАКОГО МИРА! И я не буду льстить этому МИРУ, чтобы показаться лучше, чем я есть на самом деле. И не буду славословить его, утверждая, что все в нем прекрасно и хорошо! Пусть поют ему дифирамбы, вкусившие рая на этой земле! А я независимо ни от чего воскликну:

– О, мой Аллах! Мир, созданный Тобой, несовершенен! В нем не установлена Твоя Справедливость. В этом мире я, как и многие другие люди, познал страшную утрату и нестерпимую боль.

Потом преклоню колени и со слезами взмолюсь:

– Прости меня, Всевышний, за мои вечные сомнения, но так уж я устроен. И... я тоже Твое Творение! Во имя моей искренней любви к Тебе прости меня, бесчестного и бес-

путного, испорченного, как все в этом мире! Подобно другим грешным, я тоже жду и боюсь Твоего справедливого и строгого суда. И сердце мое бьется гулко и тревожно...

Горе мне! Все утомительно: принимать пищу – утомительно, и блевать – утомительно тоже. Господи, за что мне это! Посмотри на меня, Боже! Вот он я, один из рабов Твоих, пешеход на дороге Твоей, явился к Тебе, дрожа и трепеща, и приволок свою, переполненную грехом сущность. И моей исстрадавшейся душе нужно НЕ НАКАЗАНИЕ, а ИСЦЕЛЕНИЕ! Я уже наказан, поскольку нет большего мучения, чем жестокая и бестолковая суета нашего мира, а может быть, это и есть ад? Видимо, да, поскольку человечество само творит этот ад на земле!

Помышляя о месте шаха, визирь всю ночь не смыкает глаз, придумывая новые коварные и подлые интриги.

Сердца двух друзей отравлены завистью и ненавистью, поскольку не в силах перенести успехи друг друга!

Мощное оружие, атомный монстр, созданный гением человека, раскалывает и уничтожает вселенную.

Погибающая природа: заходящее солнце, как рана, брызнувшая кровью; ночь в траурных одеждах, бьющая ножом в спину дня.

Все негативы, несчастья и беды мира – это несмыслимые следы убийств, совершенных человечеством в его неутолимой и беспринципной жажде удобной, благоустроенной и сытой жизни! А инстинкт жизни, как гвоздь, пробивший подошву в башмаке: прокалывая и раня ногу человека, он мучает его, приковывая к себе все внимание! Ну и что же теперь делать бедному человеку, если нет у него возможности избавиться от этого «гвоздя», тем более что он заложен в него самой природой! Порочный круг.

Ну все, хватит философствовать! Если сейчас откроется дверь и ко мне войдет семнадцатилетняя красавица-пери, то я, по всей видимости, моментально забуду все свои «высокие мысли», все свои проклятия несовершенству этого мира, и начну легко и галантно любезничать с ней.

Вот так, дорогой читатель! Осознаешь ли ты, какова цена

СЛОВАМ писателя? Как видишь, он и выплескивает на чистый лист бумаги свое настроение. Понимаешь ли ты теперь, что ни один из шедевров искусства не создан специально для тебя, поскольку каждый на этой земле пьет воду из родника личной заинтересованности! Не признавать этой Истины есть ложь и лицедейство.

Грех правит миром. Вот передо мной, на постели, спит моя красавица жена. А я, несмотря на пробуждающееся желание, не приближаюсь к ней, а с интересом наблюдаю за чужими красавицами, проходящими под окном моего дома, и... тоскую по ним, готовый целовать их следы. Вот такие черти сидят в моей душе! В то же время все окружающие считают меня исключительно добропорядочным человеком, и я не хочу, чтобы мнение обо мне было другим, поскольку мне, как и многим на этой земле, приятны похвалы.

Все это так – НО! – лживость и лицемерие убивают мою душу, привнося в нее разлад и тягостные мучения. И как же мне жить с этим, Господи?!..

* * *

Недавно мне приснился сон. Сейчас я не смогу точно вспомнить – что именно мне снилось? – но до сих пор живо чувство, с которым я проснулся. А проснулся я, ощущая себя грешником, изгнанным в чужой и суровый мир за какое-то совершенное мной преступление. И проснулся я с тягостным ощущением, что «мир моего сна» и есть Истинная моя Родина, а реальный мир – лишь место ужасной ссылки, место моего наказания!

Осмысливая это ощущение, прекрасно понимаю, что все это лишь сон – просто сон! – но... почему-то страдаю, тоскую, и душа моя рвется к чему-то далекому, неясному, настоящему родному и... потерянному мной.

Хватаюсь за перо и пытаюсь анализировать свое состояние, свои чувства. Разве окружающий мир мне совершенно чужд? Ведь он – моя собственная вселенная, которую я строю уже почти тридцать лет! Здесь мои родители, семья,

друзья. Здесь моя любимая работа и... мое творчество, мои произведения, сотканые из личного опыта радостей и бед. Все правильно, все хорошо, но почему же тогда на сердце-то так тяжело? Почему оно мучается и горит желанием вернуться в какой-то другой мир, увиденный во сне?

Нечто тягостное начинает переполнять меня, мне плохо, но я никак не могу выbleвать это отвратительное «нечто». Собственное состояние ассоциируется у меня с клубком запутанных нитей, и я – как умею! – тяну и тяну эти нити, пытаюсь распутать. А клубок все не уменьшается, будто я и не прикасаюсь к нему вовсе. Но я упрям в своем желании – распутать! – и потому (повторюсь!) подобен человеку, которого мучает тошнота, и он изо всех сил жаждет избавиться от того, чем наполнен его желудок.

Но, может быть, не стоит спешить «с избавлением»? Может быть, моя спешка равносильна... стремлению к смерти?

Сосредоточиваюсь, беру себя в руки... Уф!... Я слишком долго топтался вокруг своих ощущений и, увлекшись поисками нового подхода к их «расшифровке», потерял цель. И сейчас эта «потеря» сидит во мне гвоздем, рождая ощущение того, что... пойманная рыба вдруг выскользнула из рук, оставив незадачливого рыбака в разочаровании и печали.

* * *

Жена моя, немного успокоившись после высказанных мне с жаром и болью горьких слов, подняла сына на руки и вышла на улицу. Причиной «брошенных» мне в лицо обвинений послужило то, что я не смог купить ВЕЩЬ, которую ей очень хотелось иметь. А я остался дома, стараясь успокоиться и... понять свою жену.

Природе человека свойственна жажда обладания все новыми и новыми вещами и стремление хвастать ими перед другими людьми. Приобретенная вещь на какое-то время подавляет в человеке беспокоящие его негативные ощущения, приносит видимость облегчения, уверенности, радости. Я ведь и сам неоднократно ощущал подобное!

Ладно, оставим пока тему вещизма, поскольку это особая тема для разговора. Но вот что меня беспокоит сейчас (и особенно после горячей беседы с женой!) – так это ограниченность моих материальных возможностей. Малоприятная тема для размышления. Да, я не богат – ничего не поделаешь! Человеку (как он ни старайся, ни бейся, ни крутись!) не дано добиться большего, чем определено ему Богом, который «отмеривает» судьбу всем: и нам, и нашим отцам, и нашим дедам. Здесь не помогут никакие МЕРЫ и никакой РАЗУМ. Можно надеяться только на милость Создателя!

Хорошо тому, к кому благоволит судьба, кто получил солидное наследство и вместе с ним – трамплин к достижению заветных желаний! А если нет, что тогда? Тогда вся жизнь – это достойная борьба за достойное выживание. Однако не секрет, что методы «достойной борьбы» в процессе получения «серьезного капитала» срываются крайне редко, зато срывает другое: нож в спину. Но подобный путь не для меня.

Поделившись мыслями с бумагой, я подошел к окну и выглянул на улицу: до меня донесся шум большого города. Наползала темнота – время, когда вечер расставляет свои коварные сети. Деревья, растущие рядом с моим домом, накинули на плечи разноцветные шелковые халаты и замерли, словно в ожидании чего-то. Подобно стрелам, летящим над полем битвы, пронзительные трели сверчков пронизывали пространство. Я смотрел и слушал... Слушал и смотрел... Беспокойное состояние, вызванное капризами моей жены, прошло; я слился душой с прекрасным миром природы за моим окном и ощутил прилив радости.

Внизу, по суетливой улице бесконечным потоком движутся машины: спешат, летят, торопятся, резко сигнализируют, обгоняя друг друга. Вид этого потока почему-то раздражает меня, как... как липкая паутина, по воле бродячего ветерка летящая прямо в лицо. И еще: мне почему-то жаль этот суетливый поток...

Ночью я так и не смог заснуть. Пытался, но меня раз-

будила тихая «песня» шелестящих в ночи деревьев. Я лежал и долго-долго слушал ее... И понял я в эту бессонную ночь, что все песни, слышанные мною до сегодняшнего дня – ничто в сравнении с шумом рощицы за окном. Я был околдован этим шумом. Из глубины моей зачарованной души вырвалась и понесла меня куда-то стремительная волна моего смятения, моей тоски, моих желаний...

О, если бы я был композитором, то посвятил бы свою жизнь созданию одной единственной песни, и всякий, кто слушал бы ее – слышал бы голоса деревьев, «поющих» в эту ночь за моим окном!

И вдруг захотелось мне создать такую песню, чтобы сердце забилося тревожно и гулко, чтобы, отбросив мелкую суетность повседневных дел, броситься в объятия чудесной рощи, слиться с ней, став ЕЕ ПЕСНЕЙ. И преклонив колени пред Аллахом, заплакать и возблагодарить Его за то, что подарил Он нам, смертным, Великую Песнь Природы, в которой заключен смысл всего...

* * *

Сегодня меня в буквальном смысле чуть не стошнило от физиономий некоторых писателей, и я сбежал домой. Мне трудно дышать в затхлой атмосфере, насаждаемой отдельными «деятелями» литературы и искусства, истратившими годы своей жизни на амбициозное самоутверждение, на добывание должностей, почестей, прибылей, живущих в ненависти и зависти, в бесконечном копании ям друг другу.

Размышляя о подобных «деятелях», я пришел к однозначному выводу: очень важно быть ПОРЯДОЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ! По сути дела, это самое высокое «звание» на земле, но, к сожалению, люди, по-настоящему достойные его встречались мне так же редко, как и счастливые мгновения в моей жизни, и это дало пищу для очередных размышлений.

Я вспомнил одного известного писателя, который, стоя

за кафедрой, мог долго и нудно говорить о достоинствах своих «великих произведений», доводя слушателей до температуры плавления. В конце затяжного монолога он всегда с грустью добавлял: «К сожалению, мало кто читает мои книги. Наш народ превращается в животных, у людей нет должного научного и культурного уровня!».

Действительно, уровень решает многое, в том числе, и уровень произведения. Можно сказать, что каждое словесное творение подобно живому организму – дереву, животному, человеку... Оно имеет свои уникальные признаки, свою структуру. И функционирует оно, как живой организм. С одной стороны, когда читаешь чью-то книгу, то ощущаешь себя так, будто беседуешь с незнакомым тебе человеком и постепенно узнаешь его, открываешь тайны его души. С другой стороны, нельзя же вступать в беседу с кем попало, с первым встречным. Даже имея такую возможность, человек не будет этого делать. Мы сближаемся с людьми выборочно, и, только выбрав, приближаем к себе. У каждого из нас свой вкус, свое представление о зле и добре, о кривде и правде; у каждого свой менталитет. Чужие советы тут впустую. В человеческих симпатиях и антипатиях царит полная демократия: каждый отдает свой голос за того, кто ему действительно по сердцу. В результате, как **ЧИТАТЕЛЬ НАХОДИТ СВОЮ КНИГУ**, так и **КНИГА НАХОДИТ СВОЕГО ЧИТАТЕЛЯ**.

Если исходить из этих умозаключений, то становится искренне жаль вышеупомянутого писателя, который всеми правдами и неправдами стремится «быть изданным» и «известным». В условиях нашей рыночной экономики он напоминает торгаша, громко рекламирующего качество продаваемой им жвачки. Ладно, пусть рекламирует, но, если действительно считает себя одаренным писателем, то пусть и выполняет свою работу на совесть, на достойном для серьезной литературы уровне. К сожалению, пока ничего достойного этот «деятель» не создал, поэтому я и не вижу большой разницы между ним и торгашом с рынка.

Эй, братишка или сестренка, неведомо в каком глухом кишлаке взявшиеся за перо! Покачиваясь в колыбели своих фантазий и грез, откройте глаза! Взгляните на мир с реальных позиций! Оцените увиденное объективно и тогда поймете, что многие слишком часто мелькающие на телеэкране, сияющие, как кинозвезды, с обложек своих книг «великие писатели» на самом деле всего лишь амбициозные и самонадеянные крикуны. Поймите, что гораздо лучше и достойнее на этой земле быть просто хорошим человеком, чем бездарным и агрессивным в своей бездарности деятелем искусства! Всмотритесь в истинное обличье этих щеголеватых нищих, любой ценой рвущихся к вершине славы (подчеркиваю: любой!). Их суть – тщеславие, притворяющееся скромностью. Смотрите, юные дарования, и делайте соответствующие выводы! Если жажда творить действительно горит в вашей душе, тогда будьте писателями, поэтами, художниками – **НО! ХОРОШИМИ, ДОСТОЙНЫМИ, ЧЕСТНЫМИ!** Чтобы стать таковыми, нужно вложить в свое творение душу, нужно суметь привнести в литературу нечто **СВОЕ**, неординарное, неповторимое. И еще: подобно солнцу, которое, появляясь на небе, разрывает завесу мрака, нужно уметь говорить **ПРАВДУ**, разрывая ошейник лжи. Это очень трудно! Но в противном случае вас ожидает печальная участь: превратиться в грязный поток никому не нужной словесной шелухи.

Думайте! Выбирайте!

Порой писатели (в том числе и я!) по многим причинам «наполняют» свои произведения невероятной ложью, пытаясь очаровать тебя, читатель, своим фальшивым подвижничеством. Не всему верьте! Творческие замыслы рождаются подчас от безысходности положения (например, от бедности, нищеты!). Желая вырваться из этой безысходности, писатель может выдумать что угодно, но подчас скатывается в обычное пустословие, стараясь преподнести его как очередной шедевр...

Да, бедность заставляет подчас (вопреки собственной

совести) «торговать словом», «лицемерить словом» в надежде угодить, прославиться и дорваться, наконец, до достойных гонимых.

Бедность не порок, но... и не достоинство.

Это пощечина, которой Аллах отметил лицо своего раба (все равно как меня наградил лысиной). Одни принимают эту «пощечину» как дар, другие – как наказание. Это трудноизлечимая болезнь. Это как приказ: «подставь нагую грудь под летящую в твою сторону пулю!».

Бедность – это палач, ежедневно казнящий тебя.

Бедность – это лекарство, которое ты не смог купить своему умирающему сыну. Это полные надежды глаза твоей беременной жены, пожелавшей дефицитных, дорогих продуктов, и теперь с беспокойством ожидающей твоего возвращения с рынка.

Бедность – это боль, мучение, горе... Оно безысходно в своей непоправимости, совсем как тело, оставшееся в результате несчастного случая без рук и без ног.

Бедность – это пламя, застывшее в твоей груди, это несостоявшаяся любовь, обездоленность, обида...

Бедность подобна слепоте: не отпустит того, кого поймает! Это черная кошка, пробегающая между отцом и сыном, или братьями, или супругами...

Бедность – это печаль, стон, крик, одиночество... Пока ты жив, она не оставит тебя в покое. Подобно наемному убийце, получившему большие деньги за твою голову, она крадется, ожидая удобного момента для рокового удара.

Бедность опасна для творца, поскольку может уничтожить его как индивидуальность. Именно нужда заставляет приспособливаться, лгать, торговать своей совестью, а значит, и своим словом. В результате и появляются творения, которые можно назвать «пустословием».

Но даже бедность не преграда для Истинного ТВОРЦА! Она может сковать кандалами его руки и ноги, но не сможет уничтожить величие его сердца и дерзость его разума, а значит и величие, и дерзость его СЛОВА.

Она не сможет препятствовать общению человека с... солнцем.

Она не может помешать СВИДАНИЮ ЧЕЛОВЕКА С ЧЕЛОВЕКОМ, а именно это и есть источник творчества для настоящего писателя.

* * *

Утром, когда по вечно склоненным в молитве вершинам деревьев рассыпались сорок тысяч золотых прядей, сплетенных из солнечных лучей, птицы, захлебываясь от радости, защебетали и разбудили меня. Я вышел на улицу и отправился в ближайший сад, чтобы посидеть на траве. Я люблю сидеть на траве. Когда смотришь снизу вверх на деревья, то они кажутся гигантскими зелеными кинжалами, воткнутыми в голубое лоно неба и случайно забытыми в нем. Ветви качаются, кружатся, сливаются, завораживают... И уже невозможно отделить небо от деревьев, деревья от птиц, птиц от рассыпающихся солнечных лучей и все это вместе... от меня. И моя голова тоже кружится, тело становится легким... Закрыв глаза, я отрешаюсь от всего...

...А когда прихожу в себя, то ощущаю, что душа моя подобна крепкому яблоку, вымытому в прозрачной ледяной воде, такая она звонкая, чистая, свежая!

Возвращаясь домой, с радостью понимаю, что не пропустил время утренней молитвы, потому что сейчас здесь, в саду, всем существом своим беседовал с Богом...

* * *

Я проснулся и как обычно «прислушался» к самому себе, по привычке анализируя свое состояние. Кажется, на этот раз все в полном порядке: ни грамма усталости, сознание ясное, тело бодрое. Прекрасно! Свое чудесное утреннее настроение я «встретил» так, как встречают любимую девушку – с надеждой, радостью, волнением...

Так... следует непременно воспользоваться таким «возвышенным состоянием» собственной души и тела! В насто-

ящий момент я принадлежу самому себе: я есть Я! Редкое сочетание и редкое счастье! Вот именно, СЧАСТЬЕ, о котором не надо думать, мечтать, тосковать, потому что вот оно – во мне и со мной! В каждом моем вдохе и выдохе!

Записав это, я увидел, что тетрадь закончилась, и швырнул ее в огонь. Потом взял новую и положил на стол.

(О, если бы я так и поступил! Если бы только был способен поступить именно так!..)

* * *

Мне в виде некой аллегории приснилось... совершенно готовое произведение – с глубоким смыслом, продуманной композицией, интригующим сюжетом... Прекрасно! Не надо ломать голову, чтобы СОЧИНЯТЬ. Всего и делов-то – переложил готовый текст, запечатлевшийся в полусонном сознании, на бумагу. И все!

Да, иногда со мной случается такое и, говоря по совести, такой дар неба радует меня. Приятно сознавать, что мне дано счастье общения с «необычным миром».

Правда, иногда сон, воспринимаемый мною как сюжет, бывает неприятен, тревожен, горек. «Лучше бы мне это не снилось!», – шепчу я тогда сам себе.

Так однажды привиделось мне, что бегу я по полю, а поле это – место жестокой битвы. Кровавое поле! И не счастье людей, мечущихся в этом кровавом побоище! Крики, стоны, леденящий кровь звон мечей. Все смешалось! Безумный страх сдавил мое сердце. Краем глаза вижу, как стрела настигает бегущего рядом со мной человека и вонзается ему прямо между лопаток, прошивая насквозь. Он падает, а я, оглянувшись, вижу, как его утягивают куда-то за веревку, привязанную к смертоносной стреле. Охваченный ужасом, мчусь вперед, не разбирая дороги, и вдруг... чувствую, что начался резкий подъем в гору. В ту же секунду понимаю: мне во что бы то ни стало надо добраться до вершины этой горы! Обязательно надо добраться! Это единственный шанс спасти свою жизнь! С ожесточением

хватаясь за выступы крутого подъема и остервенело лезу вверх. А вокруг меня творится жуткое: многих из тех, кто подобно мне пытался взобраться на гору, зацепили стрелы смерти и утащили в никуда. Сердце мое бешено бьется, я задыхаюсь... В голове стучит только одна мысль: «Сейчас... вот сейчас настанет и мой черед, и в мою спину вонзится жуткая стрела смерти!».

В то же время, каким-то другим своим сознанием, я понимаю, что все это – ничто, мираж, что всего этого ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! И стрела меня задеть НЕ МОЖЕТ, потому что тогда я... ПРОСНУСЬ!

Понимаю, но... продолжаю метаться в своем странном мучительном сне. Измаявшись, преодолеваю, наконец, тяжелое препятствие и оказываюсь на спасительной вершине! Слава Богу! Но... что я вижу? А вижу я, что оказался на каком-то огромном и ровном, как стол, плоскогорье! Я теряюсь. Страх сжимает мое сердце, потому что со всех сторон на меня снова кидаются, но уже не люди, а дикие звери. И я снова мечусь между жизнью и смертью и снова бегу, бегу, бегу, бегу...

И вновь передо мной вырастает крутой и тяжелый подъем; и вновь я взбираюсь по нему и чувствую, вижу, слышу, как несчетное количество людей, ползущих следом за мной, становится добычей кровожадных хищников. И снова мне удается покорить неприступную вершину! Поднимаюсь, пытаюсь перевести дух, и... тут же падаю от удара лезвия, задевшего мою ногу. И снова с ужасом слышу чей-то топот! И пока этот жуткий звук не достиг апогея, выпрямляюсь и...

И снова вдали, на самом конце поля, вижу очередную вершину. И снова упрямо стремлюсь к ней в надежде остаться живым.

Бегу и чувствую, что силы оставляют меня; бегу и понимаю, что новая вершина не спасение, а лишь продолжение жестокого марафона; бегу и ощущаю дыхание наступающей меня смерти...

О, Всевышний! Разве это не аллегорическое представление о жизни, подаренной Тобой человеку? Бесконечные трудности, страхи, лишения и бесконечная борьба с ними! Преодоление их!

Размышляя о своем сне, я понимаю его так: отвесная стена и вершина лжеспасения – это ночь, а огромная площадь, раскинувшаяся до следующей вершины, – это день, который надо «пройти»... Воины и хищники – это жизненные невзгоды, рвущие мое тело на части. И все эти муки ради чего? Ответ прост: ради пропитания, ради хлеба насущного! Разве не так? Так. Именно так. Вот и мечется от одной вершины к другой моя загнанная жестокими преследователями Душа!

Тяжелый сон... Сон, которому, вероятно, можно найти тысячи толкований, но... но я ощущаю и понимаю его именно так, как описал, и под этим «подписываюсь».

* * *

Я проснулся, слившись с лунным светом. Плавающие вокруг меня пылинки сплетались, кружились, возникали и таяли, словно переливы музыки, доносившейся «откуда-то» – может быть, со дна моей души. Мой дух (до того бродивший неведомо где!), подобно покорному слуге, мгновенно возникающему по первому зову хозяина, вернулся в мое брненное тело; сознание мое прояснилось, и я понял, что еще рано, нет, точнее, что еще очень поздно. Взглянув на часы, которые тикали на стене, посылая окружающему миру стабильную информацию о своем существовании, и, рассмотрев циферблат, я понял, что стрелки подкатывают к часу ночи. Следовало снова погрузиться в сон, и я, крепко смежив веки, изо всех сил постарался заснуть, но... тщетно! Я лежал и злился, и думал о том, что мне рано вставать, что у меня завтра тяжелый рабочий день и потому надо обязательно (обязательно!) уснуть, но... но ничего не получалось. Бессонница победила!

Я лежал, «рассматривая» танец лунных бликов в темноте моей комнаты. Вдруг мне показалось, что прямо из моей груди начал сочиться свет, пробиваясь лучами звезды, рас-

сеивающей завесу тяжелых туч. Этот странный свет «приковал» меня к себе. Теперь все свои силы, напрасно растрачиваемые на попытку «заснуть», я направил на «изучение» удивительного сияния. Непонятного! Пугающего! Рождающего ощущение «зависимости» от него! Чтобы избавиться от этого ощущения, я поднялся и сел. Сияние, слившись с лунными лучами, потянуло меня к окну, и... я тронулся в путь. Оказавшись у раскрытого окна, увидел лампу, сиявшую в самом центре зеленой зоны, расположившейся прямо у моего дома. Ее сияние то тонуло в волнах темной шелестящей листвы парка, то снова ярко вспыхивало, искажаясь и «танцуя», создавая причудливую игру светотени.

Сердце мое билось тревожно и глухо, в горле будто застрял комок. Мне казалось, что лунный свет, смешавшись с «моим светом», расплывается, увеличивается, поглощает и комнату, и меня, и окно, и рошу с «танцующей лампой»...

Внезапно во мне как будто что-то «щелкнуло», и... я перестал ощущать себя! Боже, где я?!..

ПУСТОТА – небытие? Глупости! ПУСТОТА – бытие, но человек чужд ее природе. Точнее ОНА чужда природе человека. Пустота может пугать, создавая ощущение холода, тоски, одиночества, скуки, но... ОНА же может дать и ощущение свободного полета души! Тогда как ТЕСНОТА, запирающая тебя в ограниченное пространство, забитое нужными и ненужными бытовыми вещами, убивает этот полет.

Тесная моя лачуга – мой дом – до отказа набита предметами обихода, необходимыми в хозяйстве. Негде пройти. Глаза устают, и нервы напряжены от скученности вещей, расставленных чуть ли не на каждом шагу. Все это страшно раздражает, и я срываю свое раздражение на близком мне человеке. Этим человеком, естественно, оказывается моя жена. Осмысливая наши ссоры, я, наконец, понимаю: нам не хватает ПРОСТРАНСТВА ПУСТОТЫ, РАССТОЯНИЯ!

Усмехаюсь. Странно устроен человек! То он дико боится пустоты, ассоциирующейся у него с одиночеством, то тоскует по ней, утомленный теснотой жизни. И, тем не ме-

нее, теперь я твердо знаю: до тех пор пока не будет установлено определенного «РАССТОЯНИЯ» между мной и шкафом, мной и столом, мной и моей женой, мной и моими детьми..., «здание моего бытия» будет непрочным.

Странно, что раньше я не вникал в это, не осознавал особой ценности ПУСТОТЫ, позволяющей (хоть на какое-то время!) быть самим собой. Это было моим маленьким открытием.

С той поры прошло какое-то время, однако стремление к обособленности так и не пропало во мне. Оно зовет меня уединиться, отрешиться от всего мелкого и ненужного, от «тесноты вещей» и... писать, писать, писать...

Я попробовал отказаться от сочинительства, но... потерпел жестокое поражение. Это было равносильно тому, чтобы отказаться от самого себя. Я стал плохо себя чувствовать, стал нервничать и метаться, как раненный в грудь боец, дергаться и изнемогать, как больной, у которого перехватило дыхание. Вот таким было мое состояние.

Я с трудом стал выполнять свои ежедневные обязанности. Меня давила ТЕСНОТА. Мне было плохо на работе, но, приходя домой, я тоже не мог восстановить свои силы. В доме не было тишины и покоя, которого так жаждала моя душа. Сын капризничал и, бывало, плакал ночи напролет. Беспокойный и резкий визг младенца словно выдергивал из меня душу! Хотелось сбежать, но... бежать было некуда, и я оставался рядом с ним и со своей женой. Бессонные ночи. Нервы. Ссоры. Мне было очень тяжело, мне нужна была определенная атмосфера для работы, атмосфера творческая и раскрепощенная. Я привык быть свободным в своих желаниях! И вдруг! – я лишился этой возможности! Теперь мои дни и ночи попадали в прямую зависимость от настроения малыша, и... я страшно нервничал и мучился. Если раньше в доме правило мое настроение, то с того момента, как родился сын, он стал полновластным хозяином в доме. Я же теперь стал похож на собаку, лежащую у порога: бросят хлеб – ем, нет – так и лежу, выпучив глаза. То есть,

если сын спит или гуляет, забравшись на ручки к маме, то я имею возможность писать (если, конечно, меня посетит вдохновение – капризное божество!), а если нет – то нет! Вот от этой «неволи» и происходит вся моя раздражительность, потому что нет у меня возможности самому создавать «необходимый климат» в собственном доме! Я все время «на побегушках» у сына и, естественно, у его матери, своей жены. Я живу в ТЕСНОТЕ, которая убивает мою душу!

Боже мой! Что я пишу! С кем конкурирую? С собственным сыном? С родной кровиночкой, которую сам вымолил у Бога!? Делю власть с младенцем?! Маразм.

Невольно в голове всплыл Фрейд, и я тут же подумал, что интересно было бы развить эту тему, осмыслить его «теории» применимо к самому себе.

Потрясенный своими мыслями, занимаюсь самокопанием. После многих вопросов и ответов (честного диалога с самим собой) прихожу к очевидному решению и пытаюсь сформулировать его так: дух обособлен, он жаждет воли и независимости. Его стремление к свободе входит в конфликт с ограничениями и рамками нашего быта и бытия. Именно поэтому человек способен насмерть переругаться с самыми близкими ему людьми и даже навсегда порвать с ними. Дух царит на «неприкосновенном пространстве», на нейтральной территории. Ему нужна особая ПУСТОТА, которую он будет заполнять сам, по собственному желанию и усмотрению, не признавая ничьего руководства, никакого насилия. Он проводит черту, за которую не должны переступить ни жена, ни дети, ни родители, ни близкие, ни друзья... Никто! В противном случае Дух не остановится даже перед тем, чтобы отречься от них – ото всех!

* * *

Эй, сердце! Выплесни все, что в тебе накопело, на этот клочок белой бумаги! Может, этот «клочок», подобно кладбищу, похоронит, поглотит всю твою боль. Эй, голова! «Бей-

ся» об этот «клочок», который может быть твердым, подобно камню! Эй, душа! Ведь не слова, а дыхание свое ты пригвоздила к этому листу!

Сколько бы я не метался по жизни в поисках «чего-то», я все равно вновь и вновь возвращаюсь к стопке листов на моем письменном столе. Видимо, нет мне иного пути в этой жизни! Видимо, это и есть моя участь – ПИСАТЬ! Значит, надо смириться. Надо «жениться» на этих завораживающих клочках бумаги и верно служить им до конца своих дней.

«А ведь ты болен, тяжело болен, – говорю я сам себе. – И льется из твоей груди, смешавшись с кровью, вечная печаль. Что же тебе все нейдет? Чего не хватает? Неужели только маленький клочок бумаги способен «остановить кровотечение» – утешить твою боль? Неужели только в творчестве твое успокоение, твое единственное средство от неизлечимой болезни!»

Получается, творчество – это исход, куда бегут от безысходности? Оно – мираж победы, возникающий в сознании несчастного побежденного, задавленного и забитого реалиями жизни. Поэтому тот, кто способен излить свои мысли и чувства на бумаге, неудержимо стремится к этому желанному миражу, который сам же и создает. Значит, писать – это бить кинжалом в собственное сердце?

И это стало смыслом моей жизни!

Жажду «ТВОРИТЬ» можно уподобить весеннему небу, затянутому тяжелыми грозowymi тучами. Задыхаясь под этой плотной завесой, небо рвется, вспарываясь молнией, грохочет гром, и с шумом льется проливной дождь. И молния, и гроза, и дождь несут успокоение и очищение природе, освобождают ее от накопившейся энергии.

Подобный процесс происходит и в душе писателя. Когда он ПИШЕТ, он не способен уже ни на что другое! Он не видит и не слышит ничего вокруг себя! И только когда душа его, подобно грозovому небу, освобождается, пролившись благодатными строками, он начинает воспринимать окружающее. Отложив перо, ощущает себя готовым вернуться

к сложным реалиям жизни: заработать на кусок хлеба или... или завоевать мир! «Почему бы нет? Если постараюсь, то все получится!», – запальчиво говорит он сам себе, отказавшись от ложной скромности. Но тут же понимает: все получится у него только на бумаге, только в выдуманном мире миражей.

Творчество – вечная дорога, которая зовет, манит, волнует, уводит...

Не дает успокоиться!

Куда бы я ни пошел, ни поехал, ни поплыл – нигде не могу причалить, нигде не могу остановиться. Какая-то сила вновь и вновь неудержимо манит меня вдаль – странствовать. И я снова собираюсь в дорогу. И вновь сердце мое трепещет в страстной надежде найти свою заветную мечту! После долгих и тяжелых испытаний я добираюсь, наконец, до намеченного рубежа. Бесконечно славлю Аллаха! Волнуюсь. В глазах моих блестят слезы. В течение какого-то срока я и вправду ощущаю себя человеком, достигшим цели, добившимся своего!

Но... проходит время, и в сердце моем снова возникает трещина. Она разрастается, превращаясь в пропасть. И я вновь маюсь, вновь страдаю и понимаю, что в обязательном порядке должен чем-то заполнить эту пропасть, иначе она... поглотит меня. И снова я отправляюсь в путь, и снова стегаю и стегаю своего коня... А конь этот – моя жизнь – то встает на дыбы, норовя скинуть, то мчится стрелой вперед...

* * *

В сердце мое проник холодный и ясный свет ночи и... разбудил меня. В комнате дымился лунный столб, а в моем еще не проснувшемся сознании мельтешила какая-то сумбурная муть. Мир шелестел, шумел, колыхался, шуршал вместе с могучим деревом, раскачивающимся в такт порывам ветра прямо за моим окном. Луна, раскинувшая над миром золотую паутину, важно демонстрировала свой «профиль», ассоциируясь в моем сознании с гордой поэтессой, позирующей худож-

нику. Любуясь ею, я нашел и другое возвышенное сравнение: ночь – прекрасная принцесса, а луна – волшебная птица счастья, присевшая на кончик ее звездной короны.

Вот так и рождается песня, мелодия которой уже звучит внутри меня, в моей душе. Нет, эта мелодия и есть моя душа!

Я встал и выглянул в открытое окно: улица полна сияния. В парке толпятся деревья, шелестят, задумчиво покачивая вершинами, ведут неспешную беседу. Темноту ночи украшают жемчужные нити лунных лучей. Нет пустоты, а есть пространство, заполненное призрачным светом и нежно-ласкающими звуками лиственного шума. Как бы мне хотелось слиться с этой прекрасной ночью и, став лунным лучом, скользить по шелестящим кронам деревьев, обнимать и целовать их...

Я прислушиваюсь к себе, точнее, к мотиву песни, звучащему во мне, мотиву, рожденному красотой волшебной ночи. Я пытаюсь осмыслить свое состояние, и в моем сознании неожиданно рождается слово ТОСКА... Почему именно это слово? Почему, любуясь миром за моим окном, я томлюсь и страдаю? И – вдруг! – я нахожу ответ, я понимаю: мир природы потрясающе прекрасен и... столь же потрясающе равнодушен. Ко мне равнодушен, к моим мыслям, мечтам, страданиям, переживаниям... Я ему безразличен, я для него не существую.

Осознав это, остро ощущаю полнейшее одиночество среди величественной красоты бархатно-звездной ночи и вздрагиваю от понимания того, что Безразличие (а, возможно, даже Жестокость) являются несомненными составляющими этой Красоты.

Противоречивые мысли начинают терзать мою душу. И тем не менее, несмотря на мои грустные выводы, я точно знаю, что не смогу вырвать из сердца любовь к этому миру. Неважно, что я не существую для него, главное, что он существует для меня, и именно это делает нас с ним единым целым.

Ночь таинственна. Она представляется мне сейчас несравненной по красоте шестнадцатилетней скромной девушкой. Тщетно пытаться проникнуть в тайны, хранимые в ее сердце! Она все равно не откроет их. Что ж, Красавица Ночь, будем жить с тобой долгой единой жизнью и, может быть, когда-нибудь я смогу хоть что-то понять в твоих звездных тайнах.

Время шло, таяли минуты и... таяла ночь. Вместе с ней мы входили в розовый рассвет, гасивший и звезды, и лунные лучи. Птицы уже начинали петь свои утренние песни, и тревожил сердце спокойный и величественный голос муэдзина...

Я вернулся в свою уютную постель и, не колеблясь, нырнул... в серебряный сон, продлив, таким образом, сказочное очарование угасающей ночи.

* * *

Иной раз мне кажется, что моя жизнь – это сон. И вроде бы я с любопытством смотрю этот сон, прекрасно понимая, что могу и проснуться, но... не просыпаюсь. И тогда создается такое ощущение, что я смотрю демонстрируемый по телевизору бесконечный сериал. Подчас кажется, что все это не про меня, что жизнь героя из сна никак меня не касается, не затрагивает моих интересов.

Боже мой, как же мне надоела моя жизнь, протекающая словно в тумане! Как я устал от череды агонизирующих дней, заполненных бесконечной суетной погоней за личной выгодой, личным благополучием, личными интересами! Иной раз в сердце рождается ненависть ко всей бесполой жизненной мишуре, и тогда хочется поскорее «проснуться» – «проснуться» и «забыть» весь этот бессмысленный и нелепый сон!

Однако реальность окружающего отрезвляет меня, утверждая: нет, это не сон, это явь! Это та жизнь, которая дарована тебе, и она пролетает, исчезает, тает... Она проносится, словно снаряд, выпущенный из дула мощного орудия, и подчас этот «снаряд» вдребезги разбивает твои дерзкие стремления, желания, мечты. Планируешь одно, а в

итоге... Получив порцию очередного разочарования, растерянно озираешься по сторонам, стараясь найти причину своего невезения, анализируешь, мучишься...

Вот так я и существую, не умея по-настоящему, твердо «опереться» на реалии нашей жизни. Все время не успеваю что-то сделать, осмыслить, сказать, а жизнь тем временем проходит... Кажется, только вчера я был ребенком, а сегодня – вон уже мой собственный ребенок сладко сопит в кроватке. Все настолько быстро, что временами я даже сомневаюсь: **МОЯ ЛИ ЭТО ЖИЗНЬ? Может быть, НЕ МОЯ?** Может быть, я действительно сплю и смотрю сон о жизни некоего героя N, стараясь наблюдать за ним спокойно и отстраненно? Может быть, именно поэтому временами я совершенно не боюсь смерти и искренне чувствую себя готовым к тому, чтобы в одно мгновение потерять все, что сумел «скопить» за время своего земного существования? Причем, потерять это «все» без сожаления, легко! И тогда в моей голове рождается вопрос: **если все, что так дорого для меня в этой жизни действительно принадлежало бы мне, разве смог бы я относиться к этому «всему» с таким пренебрежением?**

Я не могу дать однозначного ответа на этот вопрос. В минуты подобного осмысления своего земного существования я становлюсь беззащитным, как страна, которую покинули воины, отправившиеся в далекий поход. И тогда я начинаю воспринимать самого себя как бы со стороны, начинаю копаться в своих «отношениях» с этим миром, начинаю мучиться, страдать, пытаюсь осмыслить и понять.

Вот в такие «возвышенные» минуты меня и подстерегают неудачи, и я тут же становлюсь похожим на ребенка, потерявшего свою мать. В такой страшной ситуации все помыслы ребенка связаны только с одним – найти маму! – и потому он перестает правильно воспринимать окружающий его мир. Вот так и я провожу добрую половину своей жизни в поисках «потерянной мамы», то есть ответов на свои безответные вопросы. И боюсь, и мечусь, и делаю

ошибки, и трачу время, отпущенное мне Всевышним. И тает моя жизнь... И не получается из меня человека, живущего только проблемами этого мира, поскольку я странно воспринимаю его, «этот мир», поскольку часть моей жизни протекает как бы вне его пределов, и мне не всегда интересны его земные проблемы и радости. Я попадаю под власть своего «героя из сна», а он – в вечных «поисках мамы» – мечется, мучится, скитается, сомневается, ищет...

* * *

До недавнего времени, просыпаясь утром, я всем существом своим ощущал свой «внутренний рост». Я чувствовал, как взрослою, совершенствуюсь, обретаю нужный жизненный опыт. И от этого в сердце моем жила светлая радость. И вдруг, в один миг неприятного озарения, я ощутил совершенно другое: страх и горечь! В этот миг я с ужасом осознал, что, **СОВЕРШЕНСТВУЯСЬ – РАЗРУШАЮСЬ!**

Мною не случайно выделено слово «разрушаюсь», поскольку именно ОНО наиболее точно соответствует определению того процесса, который травмировал мое сознание. Теперь, пробуждаясь ото сна, я чувствую, что где-то в моей душе оборвалась какая-то струна, и сердце мое пусто, подобно осиротелому дому. Встаю, смотрюсь в зеркало: вроде бы я все тот же «Я», но душа моя не обманывается внешним сходством. Улучив удобный момент, «опускаюсь на дно своего беспокойства» и ясно вижу (и прихожу от этого в ужас!), что моя жизнь не стыкуется с моей мечтой о моей жизни, что во мне и со мной что-то не так, потому что я... разрушаюсь.

Последнее время подобные невеселые мысли довольно часто посещают мою бедную голову. Каждый раз, когда они снова и снова наступают на меня, я внимательно всматриваюсь в них, видя за ними свое второе, разрушающееся Я. В такие минуты у меня невольно возникает ощущение, что «Я совершенствующийся» и «Я разрушающийся» внима-

тельно рассматривают друг друга и чуть ли не справляются о состоянии дел и здоровья. В то же время они ОБА, несомненно, знают, кто из них в конечном итоге одержит победу, кто кого уничтожит. Конечно, это будет мое второе, «разрушающееся Я». Оно мудрее, оно сильнее, за ним стоит непобедимое Время, отсчитывающее срок моей жизни.

Но, несмотря на неравенство сил, мое «совершенствующееся Я» еще достаточно активно, и оно, безусловно, понимает: для того, чтобы удержаться на коне, следует не бояться, не дрожать, не трястись, а, напротив, если уж РАЗРУШАТЬСЯ, то делать это мужественно и красиво. Более того, запечатлеть сам процесс разрушения, сделав его достоянием литературы и таким образом все превратив... в игру.

Жизнь и есть игра, в которой практически все можно поставить на кон. Однако то ли из самолюбия, то ли из осторожности я не тороплюсь быстро и глупо израсходовать отпущенное мне время. В меру своих сил и способностей я препятствую своему «разрушению». В меру своих сил и способностей я шлифую свое «совершенствование».

Но я понимаю и другое: сама ЖИЗНЬ, в ее чистом эквиваленте, несравненно выше и дороже любых «совершенствований», любых желаний, даже таких, как стать Истинным Поэтом или Великим Правителем. Да, я это понимаю.

В результате я не поэт и не правитель. Я – просто – бродяжничаю...

* * *

Литература... Мгновения озарения! Мгновения творчества! В эти мгновения я ощущаю себя вольной птицей, вырвавшейся из клетки и устремившейся к недоступным взору горизонтам. Я лечу, я легко и дерзко парю в заоблачных высях до тех пор, пока крылья мои не устанут и дыхание не пресекается, и только тогда, когда чувствую, что вдоволь наслаждался своими мечтами и фантазиями, осознаю: пора возвращаться в клетку, где есть зерно и вода. Желание «вер-

нуться» зависит только от меня, и оно приходит только в тот момент, когда уже ни моя сущность, ни душа моя не желают больше парить. Это миг усталости и опустошения. «Хватит!» – говорит мне мой внутренний голос, и я с радостью соглашаюсь с ним, потому что получил от полета все, что хотел получить.

Вот такая она – моя творческая жизнь. Слово «литература» и «полет» для меня синонимы. В моменты своего «парения» я – творец, я неповторим и уникален! В любое другое время – ничем не отличаюсь от толпы: я безлик, я сродни пьяни, валяющейся на улице. В такие минуты моего «безличия» меня спокойно можно запрягать в телегу... вместо лошади.

* * *

Я резко повернулся к своей жене, которая, не переводя дыхания, кричала и ругалась так, что в какую-то секунду во мне вспыхнуло страстное желание кинуться к ней, оторвать голову и выбросить к чертовой матери, как незрелую дыню!

С ужасом осознав свое желание, немедленно гашу в себе агрессию и злобу. Господи, и как только такие мысли могут приходиться в мою голову? Ведь я же интеллигентный, воспитанный человек? Неужели до сих пор где-то в глубине нашего сознания живет первобытная сущность, способная на звериную жестокость? Страшно это осознавать, но, увы! – констатирую это как факт. Именно в такие «неуправляемые» моменты человек может мгновенно сбросить с себя все, приобретенное им за долгие века своего развития: культуру, просвещенность, духовность... – ВСЕ! – превратившись в клокочущий стукоток ярости и злобы. Получается, за тысячи лет своего «восхождения и совершенствования» человек так по-настоящему и не стал Человеком?

А жена все трещала и трещала, как сорока. А я изо всех сил сдерживал себя, чтобы не распустить руки, и лишь злобно пялился на нее, ощущая отвращение и поражаясь тому, как резко изменилась эта женщина, которая еще недавно была

такой красивой, милой, обаятельной... Неужели жестокая мельница нашего проблемного бытия так перемолола ее, превратив в ворчливую и вечно чем-то недовольную эгоистку?

Пытаюсь осмыслить наши отношения и понимаю, что злорадия, кипящая в моем сердце, наглядно демонстрирует только одно: я ничуть не лучше своей жены. Но, сознавая негативы своего характера и злясь на себя за это, я в то же время не хочу мириться с негативами ее характера! Я ощущаю, что сейчас мне очень плохо рядом с ней, и с ужасом думаю о том, что уже ничего, ничего нельзя изменить, что я приговорен жить «со всем этим», что я должен смириться.

Молча, стиснув зубы, слушаю жену, ощущая, как внутри меня бушует страшный ураган. Еще секунда – и ураган вырывается наружу, сливаясь с моим криком ужаса, бессилия и отвращения! Пошатываясь, подхожу к двери спальни и, открыв ее ударом кулака, бросаюсь на постель. Господи, как же мне погано! Как ноет и болит мое сердце!

Долго лежу на кровати, ощущая себя совершенно разбитым, понимая, что не в силах ни успокоиться, ни объективно проанализировать ситуацию и прийти к какому-либо выводу. Лежу и нервно верчусь с одного бока на другой, и жалуясь Аллаху и на самого себя, и на свою жену... да и вообще на все человечество, безусловно, заслуживающее наказания Всевышнего.

Прошло несколько дней...

Жену, с которой помирился, и сына, которого я безумно люблю и за которого, не раздумывая, отдам жизнь, отправил в дальние края, в гости к родителям. Осознав, что остался дома один, я вдруг испытал огромное облегчение и искреннюю радость. Но тут же по давней привычке анализировать собственные чувства спросил себя: «Как же так? Уехали самые родные мне люди, а я радуюсь, хотя, по сути дела, должен был бы страдать от разлуки с ними?»

Еще и еще раз осмысливаю ситуацию, пытаюсь объяснить истоки своей бурной радости, пьянящей кровь не хуже дорогого вина. Прислушиваюсь к себе, разглядываю сам

себя, дегустирую свое состояние и, наконец, где-то в глубине себя ощущаю ответ, который из области эмоций в конечном итоге переплавляется в такие слова:

В ГЛАЗАХ ВОЛКА, ПОПАВШЕГО В КАПКАН И ОТ БЕЗЫСХОДНОСТИ ПЕРЕГРЫЗШЕГО СОБСТВЕННУЮ ЛАПУ, ГОРИТ ПЛАМЯ РАДОСТИ, А В ЕГО ВОЕ, ПОЛНОМ СТРАДАНИЯ, ЗВУЧИТ ГИМН СВОБОДЕ, КОТОРАЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!

* * *

Прошло более десяти дней с тех пор, как я остался один. Но я до сих пор не могу окончательно прийти в себя и как следует собраться с мыслями. Так случилось, что жизнь моя резко изменилась после женитьбы и особенно после рождения сына. И я живу, не умея смириться с тем, что прежний, привычный для меня баланс между моим душевным миром и миром реальным нарушился, и что перевес явно на стороне «мира реального». У меня больше нет возможности, отстраняясь от всего, улетать в мир сладких грез и фантазий, нет возможности вольно дышать и творить. Нет столь необходимого мне равновесия, а реальность убивает грезы! В результате я, как рыба, выброшенная на берег, бьюсь и задыхаюсь.

Вслушиваюсь в самого себя, в горестный стон своего сердца и понимаю: Мне необходимо **ОДИНОЧЕСТВО!** Уже не первый раз я прихожу к этому выводу. Да, мне необходима определенная дистанция не только между мной и моей семьей, но и между мной и всем светом вообще. Только так я смогу вернуть себе утерянное равновесие.

Скульптору необходимо огромное свободное пространство, обеспечивающее возможность вдохновенно ваять, творить. И мне тоже, подобно скульптору, необходимо **СВОБОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО!** Поэтому, посадив в поезд жену и сына и вернувшись в пустую квартиру, я вознес слова искренней благодарности Аллаху. Я был уверен, что разлука заполнит **ПУСТОТУ**, возникшую между нами, что на-

ступит день, когда я, страшно соскучившись и истосковавшись, сам, как на крыльях, полечу к милым моему сердцу людям. Просто мне иногда надо побыть одному для того, чтобы ощутить себя не просто человеком, но творческой личностью, свободной и раскрепощенной!

Однако после десяти дней разлуки это ощущение так и не пришло. Я брожу как потерянный, ощущая себя то ли нищим, внезапно ставшим королем, то ли наоборот, королем, внезапно превратившимся в нищего. И я вновь не знаю, что предпринять для того, чтобы вернуть себе столь желанное равновесие.

Каждый вечер, ложась в постель, я, как в добрые старые времена, ставлю будильник на шесть утра и твердо решаю: «Завтра встану пораньше, пробегусь с удовольствием, подышу зимним холодным воздухом, а потом, бодрый и разгоряченный, искупаюсь под душем, ощущая свое сильное и здоровое тело, поиграю мускулами. Вкусно позавтракав, сяду читать и писать. Затем в приподнятом настроении отправлюсь на работу...».

Мечты! Просто мечты! Ничего у меня не происходит «завтра». Даже пронзительный, впивающийся в уши звон будильника не в состоянии сдвинуть меня, пригвожденного к теплой, уютной постели. Проснувшись, я мучаюсь от того, что не нахожу в себе ни сил, ни желания побороть свою вялость, апатию. Это мерзкое состояние, подобно болезни, укрепилось в моем теле. Валяюсь в кровати и ощущаю себя насекомым, попавшим в прочные, хорошо сплетенные сети жуткого паука, насекомым, обессилевшим от тщетных попыток вырваться из липкой и прочной паутины.

Что же получается? Вот я сейчас вроде бы и одинок и свободен, но почему-то не могу по-настоящему ощутить эту свободу! Нет чувства легкости, радости, парения! Как был в клетке, так в клетке и остался. Что же мне делать? В чем мое спасение? Может быть, я обрету желанную свободу, постигая пути духовного развития и совершенствования? Может быть...

О, Боже, помоги мне в этом!..

Подспудно человек всегда ждет чуда, ждет и верит, что это чудо – когда-нибудь! – обязательно произойдет. Без этой веры, пусть немного наивной и детской, человек не смог бы вынести всех тягот и мук жизни. Без этой веры он бы просто угас, пропал...

Вера в чудо! Как только она покидает человека, происходит катастрофа, рушится вся его жизнь. Этот страшный удар можно сравнить с болезнью, которая долго сидела и зрела где-то внутри организма, а потом, набрав силу, мгновенно вырвалась наружу и принесла боль, тоску, страх и угнетенное состояние.

Когда между Человеком и Чудом возникает непреодолимая преграда, то жизнь мгновенно превращается в сплошное мучение, теряет смысл. И тогда Человеку кажется, что зло непобедимо в этом мире, добро бессильно перед темными и страшными силами, и везде и во всем доминируют мрачные тени и пугающие призраки. Порой он начинает сомневаться даже в самых дорогих и близких его сердцу людях, поскольку и в них видит причину своих бед и несчастий, своего угнетенного и подавленного состояния. И тогда рождается отчуждение, несущее с собой пустоту, озлобленность, недовольство всем миром. Человек, потерявший веру в чудо, а значит, и веру в самого себя, не способен «пустить» в свое сердце ни родных, ни любимых, ни друзей. В подобные минуты тяжкого душевного состояния он не доверится никому! Даже родной матери! Конечно, он мучается, понимая весь ужас своего ОТЧУЖДЕНИЯ, которое, подобно черной кошке, перебежало его дорогу и... обрекло на страдания и одиночество.

Стараясь выбраться из черного омуты своего безверия, человек пытается найти **что-нибудь такое**, что помогло бы ему снова обрести веру в чудо, а значит, и веру в жизнь и в самого себя.

Пустота убивает, разрушая надежды. Она проглатывает человека, как жуткое мифическое чудовище. И наступа-

ет момент, когда Человек начинает ненавидеть самого себя, ненавидеть за то, что не смог противостоять негативам жизни, сломался, сдался без боя, потеряв веру в чудо. И кажется тогда, что всему в его жизни наступил конец! Горький, страшный и бесславный конец!

Но только начинает Человек гибнуть, мучаясь от осознания своей никчемности и бессилия, как вдруг... приходит спасение – рушится «непреодолимая преграда», и Чудо снова являет ему свой светлый лик, и жизнь снова наполняется радостью и светом, и дерзкие мечты тревожат сердце, и все начинается сначала...

* * *

Сколько помню себя, я жду помощи не от людей, а от Тебя! Сколько помню себя, все мои мучения, как и радости, от Тебя!

Вот уже двадцать восемь лет живу я на белом свете – Слава Тебе! Я похож на путника, который, отправившись в дорогу, четко определил свой конечный пункт, поставил перед собой грандиозную цель и теперь изо всех сил стремится достичь ее, преодолевая тысячи трудностей. Прошло двадцать восемь лет, но и намек нет на то, что я достиг своего «пункта». Иной раз мне кажется, что я просто топчусь на месте. Прекрасно знаю, что конечная цель это ПОСТИЖЕНИЕ ТЕБЯ, но я не знаю – КАКОВ ТЫ, КТО ТЫ! Я знаю, что Образ Создателя недоступен человеческому пониманию, и тем не менее, мне, дерзкому, хочется ПРЕДСТАВИТЬ, ПОНЯТЬ и ПОСТИЧЬ! Ведь я – крохотная часть Его Вечной Сущности, и поэтому иногда, в минуты горького отчаяния, с болью взываю к Создателю: «Забери меня! Положи конец моим мучениям!». Может быть, ТАМ, слившись с Бесконечным и Великим, я пойму, наконец, – кто я есть на самом деле, точнее, кем я был на бренной земле?

Я пытаюсь наполнить свое существование особым смыслом, придумываю себе грандиозные цели, и, стремясь достичь их, бреду и бреду пересохшей пустыней своего трудно-

го Пути, мучась вопросом: «С чем я приду к финалу моей жизни?». Добраться-то до этого «финала» я, безусловно, доберусь, как и любой смертный на этой земле, но смогу ли я сказать о себе, что прожил жизнь достойно, со смыслом?

Так, хватит... голова уже трещит от этих дум! И тем не менее (о, Боже!), я все пишу и пишу, торопясь выплеснуть свои мысли на белый лист бумаги и таким образом понять собственную душу в ее жгучей жажде запретного познания. Ведь что я только не делал, и с кем только не спорил, стараясь найти ответы на свои многочисленные безответные вопросы. Я впадал в крайности, я был и праведником, и грешником. Сколько раз нарушал я нормы закона и приличия в угоду собственной страсти и собственному настроению! Я поднимался и падал, и теперь моя душа похожа на решето. И все это происходило и происходит со мной только потому, что я жажду понять и постичь Тебя, Господи! В своих страстных поисках я мечусь, страдаю, совершаю ошибки, грешу и... отдаляюсь от Тебя.

Но, может быть, это не так, может быть, именно благодаря совершенным мною ошибкам и грехам я и понял многое, и многое пережил, и, таким образом, напротив, стал ближе к Тебе, Создатель?.. Может быть...

Мне нет дела до людей. Никто их них не смог по-настоящему стать мне ни добрым другом, ни серьезным врагом. Только Твоя помощь нужна мне, только через Тебя откроется для меня Нечто Непостижимое, и я получу, наконец, ответы на мучащие меня вопросы. Только Ты, о, Создатель Вселенной, сложишь в цельную картину мозаику моей мятежной души...

* * *

Я начинаю понимать, что мне необходимо либо много и неустанно трудиться, чтобы претворить в жизнь намеченные мною цели, либо окончательно отказаться от моих дерзких и смелых мечтаний, с детских лет выделявших меня из толпы сверстников. Холодная логика разума говорит мне:

«Твои мечты подобны недоступным звездам, не мучай себя, забудь о них!». Но мой упрямый дух твердо отвечает: «Нет!».

Размышления о «споре» духа и разума приводят меня к следующему неутешительному выводу: выходит, что общая панорама моей жизни – это безликая, серая рутина ежедневной заботы о пропитании. По сути дела, я не выкладываюсь в полную силу, чтобы достичь поставленных целей, не стараюсь как следует. Но и Судьба моя не торопится пересадить меня на ретивого, необъезженного коня удачи и риска. Может быть, в этом проявляется ее милость ко мне. Может быть... но ясно одно: я оказался на перепутье жизненных дорог, на этом перепутье и живу. Я похож на человека, мечтающего покорить вершину исполинской горы, но не имеющего силы выйти даже за ворота своего уютного садика, чтобы начать это дерзкое восхождение. Так и бегут мои дни, похожие друг на друга, дни, складывающиеся из бесконечно повторяющихся проблем и забот. Безликость стала сутью моего существования. Мне стали сниться безликие сны о безликих людях и безликих делах... Все дальше и дальше отдалается от меня мир моих дерзких мечтаний – его заслоняет занавес безликости каждодневной пустой суеты...

Правда, порой мне кажется: нет! я еще смогу сделать НЕЧТО ВЕЛИКОЕ! Я еще смогу ЗАВОЕВАТЬ МИР И БРОСИТЬ ЕГО К НОГАМ АЛЛАХА! Я еще смогу...

О, Боже! где мечты и где дела, творимые мною?!..

* * *

Человек одинок. Его счастье – хоть на мгновение забыть об этом! Свидание мужчины и женщины – только очередной побег от одиночества, но как только проходит сладость единения, место человека вновь оказывается на прежнем привале отчуждения и пустоты. Как только стихают страсти, он тут же понимает, что не сумел убежать от самого себя! Точнее, остался наедине с самим собой! Подобные «внутренние» ощущения «присутствуют» и в наших отношениях с род-

ственниками, друзьями, потому что никого и никогда человек не пустит в тайники своей души. Вот и получается, что даже самые близкие люди, по сути дела, ничего до конца не знают друг о друге и, значит, они все-таки чужие друг другу. Вот почему снова и снова осмысливаешь тот факт, что человеку нелегко прожить жизнь без обиды на весь этот мир, без горького осознания своего одиночества...

Одиночество, иглой вонзившееся в мою душу, – мой единственный спутник на протяжении многих лет. И чем старше я становлюсь, тем сильнее я это ощущаю и тем тяжелее становится на сердце. Никогда еще не был я так подавлен, никогда еще не жил с обостренным ожиданием ЧЕГО-ТО, что ворвется в меня и разнесет вдребезги мое одиночество! Но – увы! – пока этого чуда не произошло, и я живу с тяжким грузом, навалившимся на меня, как свора саранчи, пожирающей все вокруг. Еще никогда не метался я так по тупикам жизни, беспомощно и жалобно бляя, как несмышлениш ягненок, потерявший свою мать. Еще никогда печаль не оседала в моей душе таким толстым и душным слоем пыли, убивая меня! Но самое страшное заключается в том, что я четко и ясно осознаю весь процесс этого жуткого «убиения», происходящий во мне.

Господи, если бы в момент моей острой тоски ворвалась ко мне банда хулиганов, чтобы ограбить меня, я бы благословил их появление и приветил бы их, как дорогих гостей. Я бы вознес благодарность Аллаху за то, что они спасли меня от нестерпимой боли одиночества, и с удовольствием отдал бы им любую вещь, которую бы они пожелали. Но... ни звука не слышно. Никто не ломится в мою дверь. А я сижу и прислушиваюсь, ловя себя на мысли, что похож сейчас на мальчика из кишлака, который, проснувшись, обнаружил, что остался совершенно один в огромном доме. Все ушли на свадьбу, пока он спал, и забыли про него, и теперь он с криком отчаяния и страха мечется по комнатам в поисках своих близких...

Горькие размышления об одиночестве разбредили горь-

кие мысли о жене и маленьком сыне. Куда они уехали? Почему не приезжают, не пишут? Как так получилось, что между мной и ими образовалась страшная пустота? Ведь еще совсем недавно мы были с женой единым целым, как тело и душа! Почему же теперь это единение исчезло? Всю свою совместную жизнь мы делили с ней и горести, и радости! Горел наш очаг, согревая и сближая нас, и вдруг – погас... И в сердце у меня холодно и пусто, и я погружаюсь в свое одиночество, как в зыбкую трясиину...

Мне нужна помощь! Слышите? Мне нужна помощь! Я не справлюсь один со своим одиночеством, я умру, утонув в мертвой тишине собственного дома, торчащего в самом центре города!..

Не знаю, сколько раз солнце и луна пробежали по небесному лику, преследуя друг друга. Я жил как в трансе, я, как робот, ездил на работу и возвращался назад, в свой пустой дом, четко осознавая только одно: одиночество пожирает меня. И не знаю, чем бы все кончилось, если бы однажды, вернувшись домой после работы, я не увидел прикрепленную к двери записку. Увидел – и в сердце моем затрепетала надежда!.. Сорвав дрожащими руками бумажный клочок, я прочитал: «Отец, я пошла в садик за нашим малышом. Если Вы вернетесь с работы пораньше, начните резать морковь, будем готовить плов». Подпись...

И состояние безграничного счастья!

* * *

– Нет! Так не пойдет! Надо все начать сначала! Я еще не проиграл! Я еще бодр, жив и полон энергии! И завтра, с утра, я докажу это всем и, прежде всего, самому себе!

С этими дерзкими мыслями я поставил будильник на шесть часов и улегся в постель...

Будильник трезвонил так беспокойно и громко, как будто пытался предотвратить какую-то неприятность. Проснуться-то от этого трезвона я проснулся, но, как ни старался, не смог оторвать свою тяжелую голову от мягкой и

уютной подушки. Казалось, тело мое буквально приклеено к кровати. Вспомнились вечерние мысли о том, что с утра я всем «докажу!», и тут же погасли. Я даже не захотел сосредотачиваться на них и просто буркнул: «А иди оно все!» — и погрузился в сон...

Когда я снова открыл глаза, в комнате плескался яркий солнечный свет, а с улицы доносился разноголосый шум машин. Я посмотрел на часы — ё-моё! — десятый час! Опять опоздал на работу! Опять придется стиснув зубы выслушивать нелестное мнение начальства о моей недисциплинированной персоне...

Господи, ну что мне делать? Как мне избавиться от этого бессмысленного существования? Почему я ощущаю вялость в теле и пустоту в душе? Что же мне, в конце концов, надо от этой жизни? Почему я живу с постоянным ощущением неудовлетворенности и ожидания чего-то? Почему моим спутником по жизни стало одиночество? Почему?!

Я не знаю...

* * *

И снова сон... И снова новые ощущения... И изумление...

Во сне прекрасная девушка целовала меня, целовала крепко и страстно и при этом плакала и тихо шептала слова благодарности... И пока она целовала меня, я, как это не покажется странным, наблюдал за тем, как она «освобождалась от какого-то великого страдания». Это невозможно описать словами, но я это не просто чувствовал, я это видел. В этот странный момент я и сам «раздвоился»: одна часть меня хмелела и таяла от страстных и горячих объятий, другая — как бы со стороны и с интересом наблюдала за всей этой пикантной сценой.

И тут я понял, что я знаю эту девушку, что она из далекой поры моей юности, и когда-то была безумно влюблена в меня. О ее чувствах ко мне я знал на протяжении многих лет, но, скажем так, не проявил ответной благосклонности, хотя прекрасно знал, что она искренне любит и мучится, и

надеется... Знал об этом, хотя она никогда не признавалась мне в своей любви.

И вот, наконец, призналась. Но призналась во сне! Возможно, подспудно на протяжении многих лет я жаждал этого признания, хотя и не сделал сам первого шага. Возможно, именно поэтому мне и приснился столь яркий, необычный сон.

Прильнув ко мне, она целовала и целовала меня, и я столь же страстно отвечал на ее поцелуи. И я глядел на нее и не мог наглядеться! И сердце мое ликовало! И возникло пьянящее ощущение «растворения» друг в друге – ощущение потрясающего счастья! Может быть, именно это и называется слиянием душ, когда рушатся все преграды и все условности! Божественный полет любви!

О, чудесная реальность волшебного сновидения!

Проснувшись, я ощутил страстное желание увидеть эту девушку, встретиться с ней и... целовать ее. Целовать так, как это было во сне...

ГДЕ ЖЕ ТЫ, МИЛАЯ, ОТЗОВИСЬ!

* * *

Еще мальчиком, лет двенадцати – тринадцати, я впервые услышал эту удивительную печальную песню, и душа моя отозвалась на нее, выплеснулась тяжелыми вздохами, как будто меня коснулось горе. Я по-настоящему страдал, слушая эту песню, и, по всей видимости, боль этого страдания так и осталась в моей душе, затаилась в ней на долгие годы.

Прошло много лет, и совершенно случайно я вновь услышал ту же печальную песню, и вновь горечью и тоской наполнилась моя душа. Сейчас, когда за плечами годы, когда уже много пережито и прожито, подобная реакция на песню вполне закономерна, но тогда, в двенадцать лет, как я мог ощутить всю глубину ее тоски? Я был окружен любовью и заботой родителей, братьев, сестер, я не ведал, что такое печаль, и вдруг вот так глубоко не просто понял, но ощутил пронзительную трагичность этой песни. Почему когда-то

моя детская душа так отозвалась на нее, что до сих пор память хранит ту тоску и боль? Почему? Не знаю. Не могу ответить на этот вопрос. Может быть, мое детское сердце предчувствовало все те невзгоды, беды и испытания, которые выпадут на мою долю? Может быть...

А может быть, это плачет душа, разлученная с Аллахом?

Не знаю...

* * *

Раньше, лишь только эта женщина возникала в моем воображении, как по телу тут же пробегала сладкая дрожь, и сердце трепетало. И вот... все в прошлом. Но почему так быстро? Почему? Вроде бы еще совсем недавно во мне вспыхивал неистовый огонь, и я раскалялся и плавился, как медь в жерле печи. Неужели это была всего лишь физиологическая страсть мужчины, стремящегося во что бы то ни стало овладеть желанной женщиной? Может быть и так. Ну что ж, в этом ведь нет ничего плохого. Это естественно, это один из самых древних и в то же время самых молодых законов жизни! Так стоит ли тогда удивляться и ужасаться? По всей видимости, нет.

Но тогда почему я с таким удивлением рассматриваю лицо женщины, которая до недавнего времени так властвовала надо мной? Почему ломаю голову над тем, что сегодня, сейчас, никак не реагирую на нее...

Анализирую свои ощущения и чувствую, что теперь место прежней безрассудной и сжигающей меня страсти занял интерес к ней как к человеку. Я вижу перед собой просто милую женщину – воплощение слабости, создание, которое является рабыней собственной природы. Моя страсть к ней прошла, и она никогда уже не сможет больше подчинить себе мою душу. Но остались теплые чувства и интерес нового узнавания.

Я разглядываю ее лицо: почему-то оно напоминает мне особый сорт яблок с красноватыми полосками. Нахожу это сравнение странным и сам удивляюсь этому.

Знания не уменьшают страданий, а только увеличивают их. «Горе от ума», как сказал когда-то классик.

Я снова мучусь...

Мой строптивый, неугомонный дух то тянет меня в полет в заоблачные выси, то повергает в ад, обрекая на нестерпимые мучения. И, тем не менее, я счастлив, что подвержен таким полярным порывам, потому что именно они позволяют мне в полной мере ощутить себя Человеком. Кем бы я был, не будь во мне этой неуспокоенности, этой вечной жажды познаний? Безликим существом с убогими запросами? Нет, это не по мне. Я счастлив, что Всевышний дал мне вкусить и сладость величия, и горечь страданий. Я счастлив, что порой мучусь, как нищий бродяга, «заблудившийся» в этой жизни, как безумный дивана...

Я хорошо знаю, что спасение мое не во мне и не в действительности, окружающей меня, а во взаимодействии этих двух уникальных начал.

Я много ошибался, но по мере того, как рос мой жизненный опыт, углублялся и мой анализ жизни, и тогда многие мои ошибки либо таяли, либо утопали в недрах весомых причин...

Я сделал много добрых дел, но, вспоминая сейчас эти «дела» я не вижу в них повода для самовосхваления, поскольку добро человек совершает, прежде всего, ради самого себя, ради своей души. Это то, с чем каждый из нас в свой час встанет перед Всевышним. Так что и хвалиться здесь нечем.

Если внимательно присмотришься к другу, идущему рядом с тобой, заметишь, что его дружба исчезает, как тусклый свет лампочки, растворяющийся во всемогущем сиянии солнца, как капля в могучей волне океана.

Если внимательно присмотришься к своему врагу, то тоже ощутишь пустоту.

Все ничто. Все преходяще в этом мире.

Подобные мысли порождают много вопросов: Бог наделил меня солнцем в душе на мое счастье или на мою

беду? Почему меня все волнует? Почему все мое существо постоянно жаждет сильных эмоциональных встрясок, подобных тем, которые испытываешь прикасаясь к груди невинной девушки? Почему я рвусь повеситься на столбах этого чувства! Почему я все время жду чуда и высматриваю тропинку к нему среди густых зарослей труднопроходимых джунглей жизни? Почему?..

* * *

Эй, Ты – Тот, кто в последнее время «творит» самые жуткие мгновения моей жизни, когда дыхание перехватывает и кажется: вот-вот и остановится сердце! Кто ТЫ, живущий во мне и находящий спасение и успокоение только в перо и бумаге? Что будешь делать Ты в тот роковой момент, когда и перо не поможет тебе облегчить душу, подавить жестокую боль в сердце? Что?! Ведь для тебя это будет подобно тому, как если бы исчез воздух, которым ты дышишь! И тогда – отлетит твоя душа от брэнного тела. И тогда – это будет смерть. Получается, ты раб пера и бумаги и нет для тебя иного выхода, как только ПИСАТЬ! И если исчезнет этот дар – исчезнешь и ты.

Получается так. Это реалии моей жизни.

Иногда мне кажется, что где-то там, впереди, подобно голодному дракону, лежит и ждет меня какая-то беда. Иначе, отчего на сердце такая муть, такая тоска, такая тревога? Бывают моменты, когда я не решаюсь посмотреть в зеркало (кто же осмелится взглянуть в глаза вселенской печали? да если еще эти глаза так молоды! да к тому же еще и твои собственные!). Мои чувства иссохли, как листья растения, изнывающего без воды в пустыне...

Но вот что самое страшное: иногда подобную печаль я улавливаю и в глазах собственного сына – годовалого младенца! И вот тогда я, действительно, прихожу в ужас!..

Ладно, мне уже двадцать восемь. Я уже что-то повидал в этой жизни! Она меня уже «поучила»! Уже легла на мои плечи тяжким грузом. Но мой маленький несмышлениш сын, который еще ничего не мог ни повидать, ни испытать?! Откуда в глубине его чистых и невинных глаз тень этой вселенской печали, омрачающей радость жизни?! Откуда? Я не могу понять! Я не могу успокоиться! Порой мне хочется закричать, завопить и, защищая своего младенца, броситься на самого Бога!

Успокоившись, поедом ем себя за столь дерзкие мысли, и, встав на колени, смиренно прошу прощения у Создателя.

Но тревожные мысли все равно остаются.

Когда мама приезжает навестить нас, она всегда, как бы между прочим, обязательно добавит, обращаясь ко мне и моей жене: «Вы молоды, у вас еще будет много-много сыновей и дочерей!» Такое благословение очень нравится моей супруге. А я молчу. Я не произношу ни звука, словно и не слышу доброго пожелания. И молчу я потому, что боюсь поведать этим женщинам свои тревожные мысли, которые гнетут мой ум и мое сердце. Да если только я выскажу им **свои мысли**, они будут для них, как удар палицы по голове! Ни мать, ни жена никогда не поймут меня! А я не смогу объяснить им, что для меня рождение еще одного ребенка – это мучительная ответственность! Это вопрос жизни и смерти! Это от того что меня обуревают бесконечные сомнения, принимающие форму тревожных мыслей: не явлюсь ли я «причиной» не только зарождения новой жизни, но и «причиной» всех тех будущих мучений, через которые этой «новой жизни» придется пройти, поскольку таков жестокий закон природы, закон нашего земного бытия? Мы думаем, что дали жизнь младенцу, но на самом деле, не подарили ли мы ему тяжкий путь испытаний, печали и уныния? Не «наградили» ли мы его бесконечными заботами о животе своем, круглом, как маленькая дыня? Даря жизнь, не обрекаем ли мы на смерть?

Об какую же стену биться мне головой, чтобы избавиться от таких жестких и неудобных мыслей, терзающих меня, не дающих мне покоя?

Вот моя мама... Ее пальцы растрескались и покрылись мозолями из-за каждодневных и бесконечных житейских хлопот. Ее руки огрубели, как руки мужчины, добывающего уголь в шахте. Невольно я сравниваю мамини руки со своими, холеными, «городскими», и искренне расстраиваюсь. И лицо моей мамы – все в трещинках бесчисленных морщин – потускнело и состарилось. Ей немногим за пятьдесят, а она уже сгорбилась, как восьмидесятилетняя старушка. Но и это ладно. Мучительный вопрос заключается для меня в том, что получила моя мать взамен своих многочисленных страданий, тягот, волнений? Что видела она в этой жизни, кроме вечного труда и вечного недостатка, вечных забот и вечной печали? Может быть, ее счастье в том, что у нее много сыновей? Но даже я – один из самых удачливых ее детей – не чувствую себя счастливым! Тогда получается, что все счастье моей матушки есть лишь улыбка обманчивого миража?!

Тогда что же такое «быть счастливым»? Не значит ли это быть обманутым и какое-то время жить «в обмане», не ведая об этом?

Не знаю... не знаю... А все, что я знаю, недостаточно для того, чтобы успокоить мою душу, развеять мои сомнения. И я сомневаюсь! Я до сих пор сомневаюсь в том, что знания помогут людям когда-нибудь сделать человека по-настоящему СЧАСТЛИВЫМ, уничтожив НЕСЧАСТЬЕ, заложенное в него самой природой. Нет, я не пессимист и не сторонник нытья и печали, просто я далек от фальшивого и несостоятельного оптимизма...

...Когда-то, будучи влюбленным, я словно парил в облаках. Любуясь прелестным обликом возлюбленной, я забывал обо всех своих горестях и печалях, я избавлялся от вечно терзающих меня тревог и забот! И если бы потребовалось отдать жизнь за мою любимую – я сделал бы это в ту же секунду, не задумываясь ни на миг! Более того, **я был бы счастлив сделать это!** И я готов был кричать о своей любви на весь мир!

А теперь? А теперь я люблю тихо. И никому из возлюбленных не обещаю свою душу. И не витаю в облаках.

Если кто-то из них, глядя мне в глаза и дрожа в экстазе, говорит: «Ты – все, что у меня есть, ты – мой мир и моя душа! Без тебя я никто!», – я с удовольствием слушаю эти слова (никогда не издеваюсь и не смеюсь!), но «про себя» холодно констатирую, что человек обманывает сам себя, верит в свой обман, счастлив своим обманом. Я разучился верить словам – и словам женщин, прежде всего, – но я не препятствую сиюминутному полету счастливого обмана. И раз женщина ощущает себя счастливой со мной в этот миг – пусть так и будет, пусть она искренне верит в свои мечты!

Появлением ребенка – новой Жизни! – человек как бы дает пощечину Смерти и ощущает иллюзию облегчения, хотя подспудно и осознает свое несомненное бессилие перед Ней.

Сладкий обман! Ребенок пришел в жизнь и... сделал первый шаг к смерти. Это жестокая реальность, и ничего нельзя изменить!

Когда-то я был ловким и расторопным малым, влюбчивым и мечтательным. Куда же все это делось? Почему я так жалок сегодня? Нет, не внешне – выгляжу я прекрасно: бодр, свеж, энергичен. А вот «внутри меня» все разрушено, как в стране, пережившей страшную сорокалетнюю войну! Слишком рано я перестал обманываться. Слишком рано я начал объективно, холодно и жестко анализировать окру-

жающую меня жизнь, и теперь не знаю: что кроется для меня в этом даре – счастье или беда? Иногда мне хочется обмануться, хочется забыть обо всем на свете и быть бездумно и безумно счастливым, утопая в сладких мечтах. Но, увы! Я не могу быть таким!

По этой причине я не могу решиться иметь много детей (как мечтают об этом моя мать и моя жена, и как это принято у нас в народе). Я до сих пор помню свое состояние в тот момент, когда родился второй сын: я запомнил тот ужас, который прокрался в мою душу и отравил мою радость. Я вдруг четко осознал, что моему младенцу придется жить в несправедливом, равнодушно-жестоком мире, и тогда наша суетная жизнь привиделась мне огромным, миллионноглавым, все пожирающим драконом. Какой же я Человек, если, «**видя этого дракона**», я буду вновь и вновь дарить ему живые души, вынужденные вступать с ним в неравный поединок?!..

О, мой друг! Все контраргументы, возникшие в твоей душе, доступны и моему разуму. Я прекрасно знаю, что ислам призывает к многодетности. И я не буду спорить о том, что жизнь человека складывается по воле Божьей.

И тем не менее, мои страдания обоснованы.

Человек всю жизнь живет на распутье: одной ногой он вроде бы твердо стоит в этом брэнном мире, но другой «провисает» над бездонной пропастью небытия. Человек живет: радуется и печалится, любит и ненавидит, творит добрые и злые дела, строит грандиозные дерзкие планы, но в итоге – он все равно приговорен, он все равно исчезнет в черной бездне смерти. И все его сомнения, страдания и страхи от того, что он никогда не узнает – какова эта пропасть? – потому что никто и никогда не возвращался оттуда... Никто и никогда.

* * *

Проснулся, но лежу не шевелясь. Все тело онемело. Я только что вынырнул из мира моего сна и еще не в состоянии до конца избавиться от его иллюзорных миражей, еще не готов к восприятию реального мира. Но процесс пробуждения идет, тикают часы, отсчитывая секунды, а я начинаю видеть окружающее: огромную комнату, свет весеннего солнца, льющийся в мое окно, разные вещи... Сознание мое окончательно прояснилось, уши открылись, и нос ощутил запах цветущего весеннего мира, бурлящего за окном.

С годами я все более и более внимателен ко всему, что окружает меня. Я стал иначе ощущать запахи, воспринимать звуки, цвета и формы. Я стал видеть и замечать то, на что раньше не обращал никакого внимания. Я стал не просто понимать, но **ощущать** всю красоту того, что воплотилось в слове ЖИЗНЬ...

* * *

Как бы я ни напрягался в этой жизни, я все равно чувствую, что, в конце концов, меня ждет поражение! Тогда почему же я вновь и вновь сражаюсь? Почему вновь и вновь надеюсь на победу? Любая победа иллюзорна, ее как бы и нет, и я это прекрасно понимаю, но почему-то, встречая новое утро, снова и снова молюсь о том, чтобы одержать очередную победу, снова и снова рвусь в бой. И — о Боже! — как противоречивы, как напряженны и велики чувства, которые бурлят в моей душе в эти минуты!

Любопытное все-таки существо — человек. Зная, что в конечном итоге все равно будет побежден, и, в свой час, уйдя в землю, станет просто землей, он не только не вешает нос, но, напротив, постоянно рвется в бой, с азартом игрока добываясь очередной победы! И я точно такой же! И спрашивается: где же я снова и снова беру для этого силы?

«Я не могу жить вместе с ней и не могу жить без нее...»

Это не только слова Бабура или Кафки, это вопль моего собственного сердца! И если бы они не высказали эту мысль, то ее, безусловно, высказал бы я. Ведь вся моя жизнь – это **перепутье!** Я живу в вечной раздвоенности и не знаю, как мне избавиться от этого состояния! Что же мне делать, несчастному, если сама судьба так определила мой путь, если эта строка стала болью моего сердца, и эта боль напоминает о себе при каждом моем вдохе и выдохе. Ведь я, действительно, **не могу жить без тебя и не могу с тобой!** И что же мне делать? Мне некому даже излить свою боль, кроме как листу бумаги, кровоточащему, как мое сердце.

ОНА для меня не просто женщина, и в то же время именно **ЖЕНЩИНА** – удивительная и неповторимая! ОНА для меня – все, ради чего стоит жить на этой земле! Но – и в этом весь парадокс! – моя безумная страсть к НЕЙ пугает меня, потому что я боюсь потерять свою свободу, потерять самого себя. Порой противоречивость чувств, бурлящих во мне, перехватывает горло, и я начинаю задыхаться так, как будто мне не хватает воздуха.

Я не могу жить без тебя, но не могу и с тобой!

Вечное перепутье – вечная боль! Остается только пожалеть о том, что я родился на свет Божий!

Господи, как я устал от самого себя, от своей трагической раздвоенности, которую невольно переплавляю в поэму!..

Этот день навсегда запечатлелся в моей памяти, сынок...

Мы купили тебе новые ботинки. Надев их, ты в первый раз отправился в дальний путь – в кишлак. По пути к вокзалу ты все старался вырваться из моих рук, плакал, просил, чтобы тебе разрешили идти самому. Наконец, я опу-

тила тебя на землю, и ты, протянув к небу свои маленькие ладошки, бросился вперед, звонко крича, смеясь и привлекая к себе внимание прохожих. Тогда тебе было всего лишь год и четыре месяца. Не слушая папу и маму, пытавшихся снова взять тебя на руки, ты самостоятельно семенил своими маленькими резвыми ножками. И вдруг, в этот миг я увидела в тебе Особую Личность, Особого Человека и ощутила смешанное чувство радости и удивления, и на душе моей стало так хорошо и так светло! И жизнь вдруг обрела для меня новый смысл – и все это благодаря тебе, сынок!

За этот счастливый миг я благодарна судьбе, которая вдруг приласкала меня, перебросив мою душу с берега страдания на берег радости. Все мои заржавевшие печали и горести разлетелись в прах, и я вознесла славу Аллаху!..

* * *

Я стараюсь обуздать свои страсти и усмирить свое бунтарство. Я говорю себе: «Еще есть время», – и обманываю себя этим, словно ребенка, и успокаиваю свое беспокойное сердце...

Но внутри меня бушует вулкан! И мне хочется крикнуть: придет ли, наконец, тот священный момент, когда я смогу громко сказать СЛОВО ПРАВДЫ? Когда смогу плюнуть на черные замыслы старой ведьмы – нашей жизни? Когда смогу смело и без оглядок заглянуть в собственную душу и понять, наконец, чего она жаждет, к чему стремится?

Время уходит... Большая часть жизни уже прожита... И здоровье сдает... А я все не могу НАЙТИ САМОГО СЕБЯ! Я влечу и влечу груз каждодневного серого существования, и это убивает меня. Я не хочу быть безликой толпой! Я хочу найти СОБСТВЕННОЕ «Я»! И... не могу сделать этого.

Все смешалось, опошлилось, исказилось... Я ощущаю, что живу в мире лжи... Но тогда почему я не протестую, не бушую, не гремлю цепями, не стараюсь разбудить миры?! Почему?

НЕ ЗНАЮ...

* * *

Ты для меня ВСЕ: моя свобода, мое бытие и небытие – все это Ты! Ты – это то, что придает величие моей жизни! Ты это то, что лишает меня всего, разрушая и обращая в руины! Если я одерживаю победу, то причина тому – Ты! Если я терплю поражение – то и в этом Твоя вина! Сладкие волнения, которые владеют мною в грезах сна – это Ты! Тягостные мучения моей бессонницы – тоже Ты!..

Вот только я не знаю: кто Ты?!..

* * *

Волнение страсти затихает, и сердце, гулко и часто бившее кулаком в стенку моей грудной клетки, тоже потихоньку утихомиривается. Забытые в момент сильного душевного волнения недуги тела и бесконечные заботы начинают снова терзать меня, возвращая в горькую реальность бытия, и я снова начинаю мучиться, переживать, страдать... Я уже не могу уснуть и ворочаюсь с боку на бок так, что начинает ломить все тело. И уже кажется мне, что и глаза мои ввалились, и я стал похож на старика, ищущего по ночам свой сон, и что эта мучительная ночь никогда не разрешится спасительным рассветом. А рядом тихо сопит моя жена, и я завидую ее спокойному, глубокому сну. Счастливая!

Наконец, понимаю: больше не усну. Встаю и волочусь в другую комнату, в проклятые владения пера и бумаги. Как же мне все это надоело! Как измотала меня моя участь, моя невезучая судьба, поставившая мою жизнь в полную зависимость от карандаша и бумаги! И если завтра опубликуют то, что я сейчас поверяю этой бумаге, то люди будут с наслаждением читать о муках моего сердца. Такова психология основной массы людей, со страстным любопытством постигающих чью-то боль, чьи-то страдания. Это именно так. Но пишу я не для того, чтобы доставить наслаждение кому-то, описывая свои невзгоды, а для того, чтобы самому не сойти с ума, не умереть от необъясни-

мой и неизбежной тоски. Я выливаю свои муки на бумагу из чистого инстинкта самосохранения.

Я ПИШУ, ЧТОБЫ ЖИТЬ!

Бумага и перо для меня – выход из безвыходного положения! Писать – для человека, не знающего, куда себя деть от многочисленных обид, – значит успокаиваться, обретать самого себя. И я пишу... Я бьюсь головой о стену, вырастающую из вороха исписанной мной белой бумаги. Так мне кажется, так я это ощущаю...

Ах, если бы я никогда не писал! Ведь жажда излить свою душу в письме – это как болезнь! Это тяжело. Ведь все, о чем я пишу – это отражение волшебного сна моей жизни, той жизни, которой я не могу жить в реальном мире, но которая живет во мне! И в этом моя мука! Получается, что по-настоящему я живу только в своих записях, только на листе бумаги!

А смог бы я жить и не писать? Быть независимым от своего пера? Был бы я тогда по-настоящему счастлив? Если честно, то не могу даже представить себе такой жизни! Да, я все время мечусь между двух огней, мне все время чего-то недостает, меня постоянно что-то мучит, но ведь это и есть ЖИЗНЬ! Я ставлю перед собой цель и стремлюсь к ней, а достигнув, все начинаю сначала и снова мучусь, страдаю, тоскую, взлетаю и падаю... Вечный поиск истины – вот то зерно, которое в течение всей жизни растет и растет в душе Человека! И если человек губит в себе этот росток, то можно ли считать его Человеком?

«Подожди, подожди, – обратился я к самому себе, – что же это получается? И писать для меня – мука и не писать – тоже мука! И страдания мои, как и страдания любого человека, закономерны, в противном случае человек уже не Человек, а просто безликое, серое, бездушно-равнодушное «нечто». Получается, желанный покой и «ровное состояние» счастья ведут к пустоте и духовной смерти?

Господи, прости меня, но до чего же все сложно в этой жизни! Клубок сплошных противоречий! Все, с меня хватит: вот так философствуя можно окончательно запутаться, потеряв последний «кончик нити». Я и так живу в состоянии вечной неуспокоенности и вечного поиска, а утонув в неразрешимых противоречиях жизни, можно и вообще сбиться с пути...

* * *

Рев машины, словно желая поглотить меня, все приближался и приближался, наводя ужас... Что-то ярко вспыхнуло в моем сознании, и я «увидел» себя «повисшим» между явью и сном. Мой дух, мое сознание, мой разум – все находилось в состоянии странного оцепенения. Где-то в глубине «застывшего» меня, в невесомых пустотах летала какая-то паутина... Я уже оторвался ото сна, но еще не шагнул в мир реалий. Я провис «между», осознавая это «между» как некую основу, некий корень всех моих страданий, кружащих меня, как щепку в водовороте реки. «Неужели именно это и есть истинное состояние человека? Некая квинтэссенция его сущности?» – холодно сверкая, этот вопрос, словно разящий меч, наполнял страхом мое сердце...

Рев машины нарастал, надвигался, угрожая поглотить, раздавить, уничтожить, и, спасаясь от него, я с усилием вырвался из своего тревожного состояния полусна полубодствования.

Из-за окна доносился гул машин. Брезжило утро, а я, порвав липкую «паутину сна», лежал в своей родной кровати. Из соседней комнаты доносился смех моей жены и сына. Все вставало на свои места. Я снова был самим собой – осязаемым и реальным, со своими заботами и делами, со своими родственниками и друзьями... и искренне порадовался этому. Но в то же время где-то в глубине души остался привкус горечи, затаилось состояние тревоги: все равно, жизнь – это мираж. Все, что кажется таким близким

и реальным, на самом деле неуловимо далеко и иллюзорно. Ничего нет постоянного в этой жизни, все преходяще... Я ощутил вкус невесомого «между». Я СУЩЕСТВОВАЛ В ЭТОМ «МЕЖДУ»! К сожалению ли, или к счастью – не знаю...

* * *

По мере того, как я взрослою, я и приобретаю, и теряю. Приобрел я то, что научился отличать «белое» от «черного», хорошее от плохого. А потери мои в том, что в сложном водовороте нашей очень непростой жизни иной раз и не знаешь, как применить эти знания, чтобы не потерять в себе Человека.

Бог судья всем нам! Но иногда он кажется бесконечно далеким, и я снова и снова задыхаюсь от нанесенных мне несправедливых обид и я начинаю искать целебное средство от своей боли не в бездонных и далеких небесах, а ближе, на Земле, среди людей... у людей... Даже ты, моя любовь – некогда лекарство от всех моих горестей и печалей – даже ты куда-то запропастилась! Что же со мной произошло, что ты покинула меня? А ведь без любви холодно жить на свете. Нет, ты вроде бы и есть, но уже не окрыляешь мою душу надеждой! Почему? Неужели я так изменился, что уже не стою тебя? Ведь было же время, когда один только взгляд прекрасных глаз «переворачивал» в моей душе «все миры», и я, окрыленный, парил в небесах, подобный вольным птицам. За тебя, моя любовь, я готов был ринуться в бой, сметая любого противника! И, самое главное, я не только чувствовал себя победителем – я побеждал! Я верил в свои силы! И жизнь моя казалась мне прекрасной и вечной! И не было страха перед смертью, потому что я жил, благословляя и жизнь и смерть. Я был словно стрела, неуклонно летящая к своей Великой Цели. Я был...

Почему же все в прошедшем времени? Печально...

Жизнь моя – мост, связующий мое тело, живущее только в реальном мире, и мою душу – крохотную часть незримого, но ВЕЛИКОГО ВСЕЛЕНСКОГО НЕЧТО. Не отсюда ли моя вечная раздвоенность и моя вечная тоска?!

Эта мысль, точнее, ощущение внутреннего дуализма, каждый раз является для меня причиной новых и новых вспышек сложных и противоречивых размышлений, тяжелых и смутных переживаний. Осмысление себя одновременно «смертным и бесконечным» – кружит голову, пьянит, дурманит не хуже водки или анаши, поскольку именно в результате подобного «парения мыслей» во мне и пробуждается «НЕЧТО», дремавшее доселе глубоко в подсознании, и это «НЕЧТО» выхватывает меня из грубого реального мира и, отрывая от всех бесконечно-бессмысленных забот и дел, уносит далеко-далеко, в свои недоступные человеческому разуму просторы.

Вот так произошло и сейчас: я провалился в бездну между «сознанием» и пугающе-манящим «миражом», я застрял в этом «между», один, без помощи и без опоры. Один конец моста, связующий меня с реальным миром, отдалился, растворился и исчез. Даже самые близкие мне люди – моя жена и мой сын, – находящиеся где-то рядом, только смутно присутствовали в моем сознании, постепенно отдаляясь и тая в каких-то минувших эпохах, становясь частью полузабытого сна. Создавалось такое ощущение, что перед моими глазами натянули плотный занавес, и этот занавес отсек меня от мира, частью которого я был, в котором присутствовал, жил, существовал... А дорога, ведущая меня к другому концу моста, была закрыта тем таинственно-белым занавесом, за которым я не ощущал ничего, кроме полного и абсолютного отрицания моего прежнего, «реального» мира.

Подобное состояние для меня не ново. Я переживал его сотни раз и каждый раз – в различных формах. И

каждый раз я жаждал проникнуть в его глубины и – наконец! – познать Великую Тайну Мироздания! Но, увы!... Видимо, это не дано простому смертному, и мне остается только просить и просить Аллаха ниспослать мне эту милость!

В то же время в моей голове мелькает мысль: если тайна мироздания будет раскрыта, то ведь я и на нее стану смотреть «с безразличием» и тут же буду вновь жаждать нового познания, стремиться к новым неведомым мирам. Так уж устроен человек...

* * *

– Человек одинок! – сказал я одной из женщин, любимых мною.

– Не согласна! – тут же ответила она.

– Свидание – это вечный бег от одиночества, жажда избавления от него хотя бы на какое-то время, – продолжал я развивать свою мысль. – Но, в результате, – снова разлука, снова одиночество, снова мучения, печаль, тоска, обиды, то есть все то, что имеет в нашей жизни начало, но, к сожалению, не имеет конца, и мы...

– Ерунда! – оборвала она меня. – Полная ерунда! Мои дети – вот моя защита от одиночества! А кроме них, у меня есть родители, родственники, подруги, друзья. Я не одинока! – качнула она головой, и, как бы уверяя саму себя, еще раз с нажимом повторила, – Я НЕ ОДИНОКА!

– У меня тоже есть все те, кого перечислила ты! Я тоже очень люблю и своих родных, и своих друзей. Ради них я готов на многое – на все, если это необходимо. Но – понимаешь ли? – в глубине моего сердца нет чувства полного единства, полной гармонии и общности с ними. Нет! Где-то там, в глубине души, я все равно один. Я одинок! Понимаешь ли ты это?! – вновь с болью переспросил я. – И я думаю, что именно так воспринимают себя многие, очень многие люди на земле. И не в этом ли таится трагедия человека?!

Человек сам приходит в этот мир и сам покидает его, в полном одиночестве. Перед лицом Судьбы мы все одиноки... – и неужели ты не ощущаешь этого? – напрягся я.

Но женщина, не вслушиваясь в мои слова, тараторила свое, отстаивая личное мнение:

– Я не подвластна таким чувствам! Во мне преобладает чувство единства, общности, а не одиночества! Странные у тебя мысли!

– Ну почему же «странные»? – не сдавался я, – только Встреча может уберечь человека от пронизывающего ветра одиночества: свидание с любимой, беседа с другом... Я – пустыня, я лежу пересохший. А ты – капелька дождя, упавшая с лазурного неба! И эта капелька оживляет пустыню! И она покрывается буйной зеленью и расцветает. Пусть не надолго, но расцветает! В подобном единении людей друг с другом – вся радость жизни!

Когда я вглядываюсь в твое лицо, целую и ласкаю тебя, то ликую, как нищий, неожиданно ставший принцем. В этот момент я не одинок! Это спасает душу!

Женщина долго и пристально смотрела мне в глаза, а потом сказала:

– Я вижу в тебе Силу. На тебя можно опереться и при этом ничего не бояться. Ты заполняешь брешь, которая возникает иной раз между мной и моими близкими. Но **только иной раз!** Поэтому время от времени я и прихожу к тебе. Вот и все...

...Мы еще встречались с ней какое-то время и не раз беседовали на эту тему, однако каждый так и остался при своем... Затем все кончилось, как все кончается на этой земле. Мы расстались: ее закрутили семейные заботы, а я снова провалился в бездну своей беспокойной души, в бездну, где **нет никого, кроме меня...**

И наступил такой день, когда у меня из рук вон плохо пошли дела.

– Тысячи проклятий его родителям! – ругался я.

Кого я подразумевал под местоимением «его»? Кого ругал? Что в этот момент имел в виду: свое неудачливую судьбу или свой удел? – не знаю.

Но мне было плохо. Мне было очень плохо, и я был очень зол! В такие паршивые минуты я прыгаю и дергаюсь, как курица, у которой горит под лапками. Вернувшись домой, выпроваживаю жену и сына на улицу. «Погуляйте часок!» – довольно резко говорю я им и с треском захлопываю за ними дверь...

Надо же такому случиться, чтобы из десяти запланированных мною дел, ни одно не реализовалось! Ни одно! Пришел, наконец, тот караван, которого я ждал с таким нетерпением! – но пришел... пустым! Его разграбили по дороге – и теперь получается, что я остался ни с чем! И кому рассказать об этом? Богу? Да ведь я итак только и делаю, что либо прошу Его о чем-то, либо жалуюсь Ему на кого-то! Можно подумать, что у Создателя других дел нет, кроме меня!

Так, вероятно, стоит успокоиться и подумать. Хорошо подумать. Возможно, во всей этой негативной ситуации есть положительный момент, есть благо. Может быть, я слишком разгорячен, чтобы реально и объективно осмыслить свои дела? Может быть, стоит проявить терпение? Разве не люблю я повторять чью-то философскую мысль: «Терпеливый человек – великий человек!».

Повторять-то люблю, вот только обмануть самого себя подобным философствованием не получается. В голову лезут другие мысли – жесткие в своей реальной оценке действительности: я опростоволосился! я допустил ошибку! я упустил наличные! Вот это реально! Это факт.

Да и есть ли на этой земле люди, которые согласились бы внимать пространным и заумным нравоучениям, вместо того, чтобы ощутить реальную прибыль в кармане? Может быть, и есть, но тогда они – святые. Я не святой, и я не могу найти себе места от того, что, просчитавшись, потерял все – и мечту, и надежду, и покой... Все! Поставил цель и не достиг ее. Это меня угнетает! И я в сотый раз прокручиваю в голове все допущенные мною ошибки и просчеты, и, кажется, уже сам кручусь обезумевшим вихрем...

Именно в эти минуты я начинаю «влезать в другие шкуры», примерять к себе «другие жизни». До сих пор я не особо задумывался над тем, почему некоторые ради клочка земли или ради копеечной суммы денег готовы дойти до поножовщины? Почему одни ради достижения чего-нибудь страстно желаемого старательно роют яму другим? Почему умные и образованные люди, все знающие и все понимающие, тем не менее, не могут отказаться от недолговечных радостей преходящего мира и идут на все, чтобы заполучить эти «радости»? Почему?

Вот – мое состояние в настоящий момент и есть ответ на эти вопросы! Я понял, что независимо от того, какую форму – духовную или материальную – имели мои рухнувшие планы, мое «я» должно было проявиться именно в их исполнении, через их реализацию. Вот это самое главное! И я всем существом своим осознал, что любая ценность, которую жаждешь заполучить и которую жалко отдать другому, это уже кусочек самого себя, своей личности.

Оставим пока в стороне такие «высокие материи», как Родина или отчий дом. Ради защиты этих «материй», человек готов на все, даже на смерть! В этом случае ценность приобретают другие категории.

Поговорим о другом. Скажем так: некто отправился в далекие края, с целью заработать деньги, чтобы обеспечить себе и своей семье нормальное существование в

этом мире. Там, в этом чужом краю, он спал, где придется, как собака, питался кое-как, много и тяжело трудился, но в один прекрасный день проснулся господином. Он преодолел тысячи препятствий, работал, не покладая рук, и, наконец, получил награду за свой труд... Разве можно **подобные деньги** назвать простыми бумажками? Разве можно с легкостью отказаться от них, или, ради сомнительной славы встать в позу и, поработав на публику, продемонстрировать свою независимость от мира материальных ценностей? Нет! Сотни и тысячи раз нет!!! Ведь эти деньги – являются ТЕМ, что получено взамен определенной части жизни Человека. В них – его труд, его талант, его здоровье, его радость и боль, надежда и отчаяние! Поэтому, подобные деньги, человек не может отдать с легкостью, бездумно, и ему страшно горько потерять их! Горько, когда многое вложено, а караван приходит пустым, вот как у меня получилось.

Я мечусь по комнате, я осмысливаю свое положение, я разматываю клубок своих просчетов и стараюсь найти правильное решение – выход из создавшегося положения. Попутно (и как бы со стороны) я анализирую причины своего раздражения, своих горьких обид. От мыслей, роящихся в моей голове, я весь горю, ноги мои кружат и кружат меня по комнате, постепенно утомляя тело, но боль моя все еще прищипывает меня, как грубый всадник своего коня...

Я успокоюсь, все перемелется, но заноза боли останется...

Память умеет многое хранить...

Вот, внезапно мне вспомнился мой первый сын, который умер в больнице. Его состояние было очень тяжелым. Врач вручил мне список лекарств. Когда я подсчитал их стоимость, то понял, что никогда не держал в руках подобной суммы денег. Но мне надо было где-то достать эти деньги! Достать, во что бы то ни стало! Я побежал к одному из своих родственников. Эта сцена до сих пор стоит у меня перед глазами: после традиционного приветствия, мой

язык перестал слушаться меня и никак не желал «просить»! Пошатываясь, я вглядывался в глаза человека, к которому пришел за деньгами, и никак не мог заставить себя выговорить свою просьбу.

– Да что же я делаю!/? Там в больнице умирает мой сын, ему нужна срочная помощь, а я тут деликатничаю, веду пустые разговоры. Это же подло! – пронесилось в моем затуманенном сознании. В конце концов, пересилив себя, свою гордость, я **попросил**, и лицо мое в этот момент стало красным, как раскаленный уголь. Ожидание ответа растянулось для меня в вечность.

Родственник дал денег, но отдавал с явным сожалением, мучаясь...

Теперь я понимаю его мучения. Это были деньги, которые он заработал, которые были нужны его семье. В этих деньгах для него как раз и было и его здоровье, и его труд, и его планы, и его мечты... Пожалуй, в тот момент он страдал почти так же сильно, как и я.

Позже, когда я выплачивал ему долг, то – и я до сих пор помню это! – радовался так, словно возвращал ему не деньги, а жизнь.

А мой сын... Мой маленький сын все равно умер...

* * *

Боже мой, снова я у ног Твоих! Снова я пришел с молитвой к Тебе, отодвинув прочь все свои бесчисленные заботы! Скажи мне, Боже, кто я: последний дурак или некий избранный в этом мире? Почему я не могу жить размеренно и спокойно? Почему не могу заниматься какой-нибудь одной определенной работой? Почему не могу идти – не оглядываясь, не задумываясь – по одному избранному пути, как это делают многие? Почему я все время мучусь, сомневаюсь, что-то ищу, к чему-то стремлюсь и никогда не бываю до конца удовлетворен самим собой и своей жизнью? Бывают моменты, когда я в одно и то же время оказываюсь «в разных состояниях». Вот я всемогущий шах и –

в ту же секунду! — убогий нищий? Почему голова моя, коснувшись подушки, не может спокойно отключиться от забот этого мира и подарить желанный покой и сон телу? Почему иной раз я до самого утра верчусь в своей постели, ощущая себя столь несчастным, будто исчезло, сгорело, испарилось все, чем бесконечно дорожил в этой жизни? А если и засну, то мое тревожное Беспокойство переселяется и в мой сон и там вновь безжалостно мучит меня. Оно вдруг становится ноющим, печальным и неприятным напевом, исполняемым высоким, пронзительно-раздражающим голосом. Я стараюсь «выключить» этот напев, избавиться от него, но... все бесполезно, и он упорно сверлит и сверлит мою голову, и мое сердце.

Боже мой, скажи мне, что значит «быть живым»? Неужели это состояние обязательно должно включать в себя муки и страдания? Неужели для человечества нет иного пути? Но ведь он должен быть! И, верно, он есть. Я это чувствую, значит, он, действительно, существует! Но где? ГДЕ?

В соседней комнате — совсем рядом и в то же время очень далеко от меня — сладко посапывая, спит моя жена. А я не сплю. Я встал на колени, чтобы вознести молитву тебе, Господи! И я не знаю, кто из нас двоих счастливее сейчас: я, бодрствующий и молящийся Тебе, или она, спокойно спящая и не забывающая свою голову «лишними мыслями». Иногда я искренне завидую ей! Иногда ужасаюсь тому, что могу быть таким же, как она! Вечная раздвоенность, вечная тревога, вечная жажда чего-то непостижимого, но такого желанного... Вот и не сплю ночами, устремив свои покрасневшие от бессонницы глаза к окну, вот и сетую то на слишком долгую ночь, выматывающую меня, то на слишком скорый рассвет, не позволивший выспаться и отдохнуть...

Я — как вода — вечно текущая субстанция. И, видимо, не от меня зависит — куда течь: направо или налево, вперед или вспять. Я прокладываю новые дороги, оставляя позади

старые. Я то медленно и величественно плыву, раскинувшись на вольном просторе, то неистово мчусь куда-то, покрываясь белыми бурунами, то застываю, превращаясь в болото. И так бесконечно!

А иной раз у меня возникает другое сравнение, и я вижу себя загнанным зверем, над головой которого то и дело свистит разящий клинок охотника, и зверь кидается из стороны в сторону в надежде спасти свою жизнь...

А может быть, лучше и не метаться, а подставить свою голову под этот сверкающий беспощадный меч?..

* * *

Я долго сидел и работал. Наконец, когда мысли мои стали путаться и спотыкаться, как ноги уставшего путника, я встал из-за стола.

Выйдя в другую комнату, я увидел свою жену, которая сидела за столом и с удовольствием лузгала семечки. Мне вдруг захотелось «поиграть» с ней и таким образом расслабиться, восстановить свои силы. Я сел рядом с супругой и... начал шутливо заигрывать с ней, ожидая нужной мне ответной реакции и уже заранее приготовившись к «приятному». Но жена, удивленно взглянув на меня, проговорила с ехидством в голосе: «Да идите вы, ей Богу! Если бы кто-нибудь увидел ваши выходки, то однозначно сказал бы, что сейчас вы похожи на круглого идиота. То ходите с отсутствующим видом, никого и ничего не замечая, витая в своих облаках, то вдруг ни с того, ни с сего лезете обниматься... Хорошо, что никто, кроме меня, не знает вас настоящего...».

И вышла из комнаты.

Ладно, жена не приняла мою игру, попробую по-другому развлечь себя. Я взял мяч своего сына и стал развлекаться с ним, подавая с головы на грудь, с груди – на колени и пальцы ног. Работал с мячом, стараясь не уронить его на пол. Потом растянулся на полу и с наслаждением продолжал игру, перекатывая мяч из одной руки в другую.

– Интересно, – думал я, развлекаясь, – ну и какая разница между мной – солидным человеком, ответственным работником, серьезным и строгим мужем и отцом – и мной, дурашливо пристающим к собственной жене или беззаботно играющим с мячом? В какой момент я – настоящий? В какой момент мои мысли, действия и поступки действительно искренни, действительно продиктованы сердцем, а в какой момент – просто игра, просто привычка волочиться на веревке ответственности и долга?

* * *

Я лежу один на поляне, стараясь «упереться» ногами прямо в грудь неба. Сознание мое бунтует, но внутри меня пусто, как в заброшенном доме...

Я не понимаю: зачем жить? Ведь все нелепо, все бессмысленно! В конечном итоге, все на этой земле, – и хорошее и плохое – обратится в прах, но тогда получается, что нет никакой разницы между правдой и ложью, добром и злом, набожностью и безбожием... потому что ВСЕ ПУСТОЕ!

Я страшно раздражен. Я обижен на весь этот мир! Так, может быть, и все мои крамольные мысли – плод моей обиды? Результат печального вывода о том, что многое не состоялось в моей жизни?

Я перебираю в памяти свое прошлое. Боже, какие у меня были мечты, и сколько их было! И, казалось, что все они легко осуществимы! Но вот прошли годы – и что? Исполнилась ли по-настоящему хоть одна мечта?

– Молчишь? – обращаюсь я к самому себе. – Молчишь, потому что жалок твой счет. Потому что «внутри тебя» закупорилось и прокисло все то, что когда-то было ПРЕКРАСНЫМ ПОЛЕТОМ МЫСЛЕЙ, а теперь это «было» просто гниет в тебе, источая зловоние. Ты ведь и сейчас не только не хочешь вспоминать о дерзких планах своей чистой и светлой юности, но желаешь вырвать их из своей памяти, как корни сорняка. Однако нет у тебя

такой возможности, поскольку эти мечты, как повилика, сплелись с тобой, стали частью тебя. Понимая это, что же ты ведешь себя, как женщина, вымещающая свою злобу на битье посуды? Кому ты мстишь за свою боль, рождаемую несостоявшимися желаниями? Небу? А ведь когда-то все твои мечты были связаны именно с небом, которое манило тебя, зачаровывало, давало пищу твоему воображению. И ты был так счастлив в эти мгновения! Ты ощущал себя величественным, нужным и значимым.

Ну и куда же это все делось?

Ты столкнулся с жестоким чудовищем, которое называется РЕАЛЬНОСТЬЮ, и – все: колени твои задрожали, сердце затрепетало от страха, и ты сник. И с тех пор не любишь небо – пространство твоих мечтаний?

Нет, небо тут ни при чем. Тебе стоит заглянуть в самого себя, разобраться с самим собой и честно признаться в том, что ты боишься кого-то в самом себе и потому сочинишь чепуховые сказки, занимаясь самообманом. Так что, дорогой мой, не стоит попирать ногами небо, а стоит наступить на «лицо» собственного бессилия и страха, чтобы изгнать из себя беса ненависти, зависти и злобы! Чтобы со временем не обратиться самому в беса ненависти, зависти и злобы и не принести в заклание ему ни родных, ни жену, ни детей. Для этой борьбы с самим собой человеку нужны недюжинные силы.

Я найду их в себе эти силы, я смогу вырвать ядовитые зубы своего беса.

* * *

СОБЫТИЯ... Они ПРОИСХОДЯТ, они ПРИХОДЯТ и УХОДЯТ одно за другим, выкладывая причудливую мозаику моей жизни. Осмысляя эту «мозаику», я не испытываю ни радости, ни грусти. Более того, в моей душе рождается ощущение неприкаянности, и я начинаю чувствовать себя всадником, упустившим из рук поводья. Мой лихой конь –

нагромождение событий – несется вскачь, как ему Бог на душу положит: куда хочет и как хочет! А я, ничего не предпринимая, трясусь в седле и лишь разглядываю мелькающий пейзаж, при этом одновременно (и как бы со стороны) наблюдая и за самим собой.

Но однажды проснулось мое самолюбие и раздраженно спросило: получается, ты – никто? Ты бестолковый всадник, теряющийся в пыли происходящих событий? Ты – не центр процесса, более того, не с тебя этот процесс начинался, и не тобой будет завершаться, поскольку ты просто приложение к предписанным именно тебе тем или иным жизненным событиям. Ты маленькое и бессильное «нечто» в колоссальном водовороте космической реки жизни. Марионетка!

По всей видимости, так оно и есть, потому что иной раз я буквально физически ощущаю, как меня крутят и вертят СОБЫТИЯ и как сам я не в силах противостоять их натиску.

С определенного момента я начал воспринимать СОБЫТИЕ как живое существо, которое бесконечно сильнее меня. Я искренне радовался, когда удавалось сделать что-то запланированное именно мной! Я ощущал этот момент как свою личную победу! Однако чаще я был слаб и беспомощен перед силою Событий. Я не мог достаточно крепко держать в руках поводья и направлять своего коня по нужному мне пути и, хоть и старался контролировать его бег, но – увы! – чаще всего он несся вперед по своей собственной воле и сам выбирал ту или иную дорогу.

Эта скачка продолжается и по сей день. Иногда я бездумно подчиняюсь ей, иногда в душе моей вспыхивает страстное желание самому (и только самому!) управлять своим скакуном – своей жизнью.

Однако это желание нереальностью исполнения только рождает в душе моей новые мучения и новые безответные вопросы...

Жестокая истина, колючкой вонзившаяся в память, колется, царапается, режет, принося боль.

Я вновь не могу уснуть и вновь почти всю ночь верчусь в своей постели. Несколько раз порываюсь встать, чтобы уйти в другую комнату и почитать книгу или поработать за своим письменным столом, но... не делаю этого, продолжая беспокойно вертеться с боку на бок. Наконец, измучившись, все-таки встаю и, взглянув на жену, с искренним удивлением понимаю: она тоже не спит!

Жена поймала мой удивленный взгляд, но никак не прореагировала на него. Странно! Обычно, ее крепкий и безмятежный сон был «предметом» моей зависти в бессонные ночи. И я всегда искренне считал, что ей не дано маяться душой так, как это присуще мне! Так что же произошло? Неужели и ее мучат мысли, подобные моим, и до утра не дают сомкнуть глаз?

Склонившись над женой и глядя ей в глаза, я тихо спрашиваю:

– Что с тобой?

Спокойным и каким-то потухшим голосом она шепчет:

– Бесплезно! Все бесплезно...

– Что бесплезно? Что с тобой случилось?

– Ах, оставьте меня...

– Говори!

– Я не люблю вас...

– Ты шутишь?!

– Нет, не шучу. И вы тоже не любите меня.

На какой-то момент я немею, переваривая услышанное. Затем вновь задаю вопрос:

– Почему ты решила, что мы не любим друг друга?

– Вы думаете о других женщинах и желаете их! (и с иронией в голосе) Разве это не так? Но... (и в голосе уже яд) и я думаю о других мужчинах и тоже желаю их (с горечью). Разве это можно назвать любовью?

– Что?!..

— ...

Не ответив, жена отвернулась от меня и закрыла глаза.

Ничего себе утренний диалог! Что-то во всем этом не так! И в нашем разговоре тоже что-то не так... А может быть, **не так** и во всей нашей жизни? Что я проглядел? Что упустил?

Так, я должен хорошо, очень хорошо все обдумать...

Я не стал продолжать этот напряженный диалог, потому что понял: в этот момент что-то — очень важное и для меня и для моей жены — просто висит на волоске! А я не хочу обрывать этот волосок. И потому промолчу. Да мне сейчас и нечего сказать! И в сердце, и в голове — хаос!

В эту минуту в соседней комнате заплакал ребенок. Жена тут же встала и пошла к нему. А я пошел в спальню к старшему сыну, посмотреть: не сползло ли у него одеяло? Потом потихоньку вышел в прихожую и зажег свет. Нескольку мух, противно жужжа, тут же стали летать по комнате.

— И откуда только они взялись? — ворчу я и со злостью хлопаю их свернутой в трубку газетой.

Сейчас все равно чем заниматься, только не думать о... пока не думать...

* * *

Мне уже почти тридцать, а я — глупец, наивный романтик, все еще живу, ожидая чуда. Почему-то до сих пор ощущаю себя молодым парнишкой, у которого все радости жизни еще впереди, все настоящее и стоящее еще в будущем! И почему я живу именно так? Ведь я очень люблю реальную, «живую жизнь», но почему-то с большим удовольствием удаляюсь от нее в мир своих фантазий и грез. Там, в этом выдуманном многоцветно-ярком мире, я строю свою жизнь-мечту, нет, точнее, я проживаю сотни жизней в разных вариантах — и мне это очень нравится!

А может быть, так и должно быть? Может быть, «уро-

вень человечности» в человеке как раз и измеряется его способностью мечтать, создавая потрясающие миры в собственном воображении? Может быть, только человек с дерзкой фантазией способен переосмыслить и изменить реальный мир, способствуя его дальнейшему развитию? По всей видимости, именно так оно и есть: человеческая индивидуальность проявляется в дерзких мечтах, которые потом претворяются в жизнь, и значит — **уметь фантазировать** — это дар Божий, это то, что дано людям одаренным и одухотворенным, то есть, далеко не каждому.

* * *

Ну, все, хватит! Мечты мечтами, но пока мои ноги совершенно не оторвались от грешной земли, следует собраться, сосредоточиться и рассказать о своей беде. Рассказать просто, не углубляясь в излишние подробности и не утомляя ни себя, ни читателей.

А все дело вот в чем: как бы я ни старался, сколько бы я ни работал, не покладая рук, я так и не смог четко «проложить курс» своей жизни. Какие только планы я ни строил, что только не предпринимал, какие только надежды не лелеял — все напрасно. В результате — только разочарования, мучения и страдания.

Решился махнуть на все рукой и... жить как живет-ся, плыть по течению, не задумываясь («День прошел и, слава Богу, завтра новый настает»), — не получилось. В душе тут же поселилось скребущее чувство собственной безликости, никчемности, серости, чувство, ранящее мое самомнение, задевающее мои амбиции. Тогда я понял: жизнь-пустышка уничтожит меня как личность. Это не для меня. Копаясь в самом себе, понял и другое: «внутри» моего смирения и моей скромности живет высокомерие и даже зазнайство, а «под ними» вновь ютятся скромность, простота и даже застенчивость. Я осознал, что, по сути дела, приговорен к бесконечной смене

этих своих «полярных качеств», что и сам не знаю, с какой стороны проявлю себя в тот или иной момент своей жизни? Получается, какое-то малоприятное двуличие, а точнее, даже «многоличие». Вот это и есть моя беда: анализируя собственную жизнь, прийти к выводу, что все проблемы гнездятся во мне самом! «Приятное» открытие, нечего сказать!

Ладно, но какое отношение все это имеет к тому, что я пишу? Зачем я так откровенно рассказываю о себе самом, о негативах своего характера? Не знаю... Возможно, где-то отыщутся родственные души, которые ощущают в себе те же «мучительные противоречия», что и я, и они поймут меня, и подспудно мне будет от этого легче.

Чувства-печали-проблемы человека – неотъемлемые составляющие его души, беспокоящие, тревожащие, лежащие, как бревно, «поперек дороги». Вот и меня они мучат так, что я не могу не писать об этом, не могу переключиться на что-то другое, потому что бесконечно спотыкаюсь об это «бревно». Я пишу. Я, как могу, откровенно рассказываю о своих проблемах и таким образом избавляюсь от мучительного, неприкаянного, тревожного и тягостного состояния. Возможно, ради этого и пишу... И потом, я – дитя своего времени, я – продукт своего времени, и потому все мои метания и сомнения есть своего рода характеристика нашего времени, маленькая часть его духовного составляющего. Разве не так?

Более того, в моих мыслях, как искры, проскальзывает опыт миллионов моих предков, тысячелетиями живших на земле. Получается, я – «маленький фрагмент» Великого Духа, живущего в пространствах вечности, я – один из его вестников! Значит, я – частица не только своего времени, но и ВРЕМЕНИ ВООБЩЕ. Во всяком случае, я так ощущаю себя, и именно это ощущение заставляет меня снова и снова братья за перо. И когда я остаюсь наедине с белым листом бумаги, я забываю и о

своих бесконечных житейских проблемах, и о хлебе насущном, и о... я забываю обо всем, я – ПИШУ! – и именно в эти мгновения по-настоящему ощущаю себя Человеком!

Творчество для меня столь же священно, как и молитва!

* * *

Ты давно уже понял и осознал, что ты – стрела, выпущенная по чьей-то воле и из чьего-то лука. Ты это признал. Это было причиной твоих страданий, твоего гнева и бунта, но... все равно ведь пришлось покориться судьбе, потому что иного не дано.

До тридцати тебе остался один шаг – один год, однако звон тревожных колоколов уже гудит в твоем сердце, уже тревожит твою душу. Не рано ли? Вроде бы еще достаточно силен и крепок телом, но... внимательному глазу (твоему собственному глазу!) уже заметны первые признаки наступающей старости. Все скоротечно в этой жизни!

Горький монолог, обращенный к самому себе.

Боже мой! Кажется, только вчера я жил в сказочном мире ДЕТСТВА! Только вчера ОНО баловало, ласкало и качало меня на своих коленях. И вот... уже ощутимо дыхание СТАРОСТИ. Становится жутко от осмысления ЭТОГО, от буквально физического ощущения быстротечности времени. До чего же коротко расстояние между ДЕТСТВОМ и СТАРОСТЬЮ! Всего лишь – моя жизнь. Я сам и есть это «расстояние».

Эти мысли порой выбивают меня из колеи. Получается, что все мои стремления, мечты, планы – все пустое! Все переживания, страдания, мучительное достижение целей – тоже пустое! Все самообман. Но если подвести такую черту под осмыслением жизни, тогда и жить не надо!

Нет, эти мысли надо гнать от себя, надо ЖИТЬ – значит работать, желать и добиваться исполнения своих же-

лений. Человеку ДАНА ЖИЗНЬ, значит, в том, как он ее проживет, и заложен главный смысл его пребывания в этом мире.

Так я взбадриваю самого себя, но... благородное волнение пройдет, и ремень решительности снова спадет с моего пояса. И снова мою бедную голову будут мучить бесконечные сомнения, а душу – терзать страх перед неумолимым бегом времени. В такие сложные минуты душевной апатии я откладываю многие свои дела «на завтра», а по истечении времени понимаю, что уже просто опоздал с этими «делами» и уже никогда не исполню задуманного, и это значит, что я не реализовал себя и уже никогда (в каком-то плане) не реализую. И это печально.

Есть нечто в жизни человека, к чему нет возврата, что навсегда становится добычей недостижимого прошлого....

* * *

Этот человек так сильно разозлил меня, что я даже не заметил, как я подлетел к нему и с треском врезал кулаком по его физиономии! А когда он упал, я еще порывался избить его ногами! Злоба и ненависть так и клокотали во мне! Это было как умопомрачение!

В последнюю секунду я с трудом взял себя в руки. Моя негативная реакция на этого человека была так яростна и сильна и так мгновенна, как вспышка нестерпимого света, слепящего глаза.

Взяв себя в руки, я тут же подумал о том, что если бы не сумел в данной ситуации проконтролировать свой поступок, то, по всей видимости, просто убил бы этого человека, запинал бы его до смерти, и тем самым искалечил бы собственную судьбу. За подобные проступки можно попасть в тюрьму, и тогда жизнь потекла бы совершенно по другому руслу. Однако я сумел сдержаться, и был благодарен сам себе за это.

Подобные ситуации в моей жизни были не раз, и я всегда (спасибо Всевышнему!) умел «услышать» голос своего разума, сдерживающего мои эмоции, и вовремя изменить ситуацию, спасая, таким образом, себя от непоправимой беды.

Все-таки слова о том, что «человек творит себя сам», имеют под собой серьезное основание, и контроль своих эмоций – одно из таких «оснований».

* * *

Опять сон пропал. Опять я маюсь в крепких объятиях своих беспокойных и тревожных мыслей.

Оглядывая свою жизнь, не могу сказать, что по-настоящему счастлив, что всем удовлетворен. Нет, конечно. У меня полно проблем – семья, дети, работа, разумное стремление к обеспеченной жизни и многое другое. Все это стоит сил, нервов, здоровья...

Но у меня есть и другое – есть ТЫ, с которой я (хоть на какое-то время!) могу забыть обо всех своих многочисленных проблемах! А у тебя есть я, и мы оба ценим это. Я думаю, что наша встреча не случайна, что это своего рода дар небес, дар, несущий истинную радость незабываемо сладких мгновений.

На свете много красивых женщин, до которых никогда не дотянется моя рука, да мне это и не нужно, потому что у меня есть ТЫ – чудесный «островок» счастья между Бытием и Небытием. Ты превращаешь мою жизнь, текущую без тебя, в ненужную ветошь. Всматриваясь в твои огненные глаза, я отчетливо вижу сверкающий меч судьбы, занесенный надо мной, и я смиренно склоняю голову перед этим мечом. Минуты, проведенные с тобой – это прекрасная поэзия моей жизни! Только с тобой я забываю о том, что такое ОДИНОЧЕСТВО! Только с тобой я и гибну и воскресаю! И это потрясающе сладостно и прекрасно!

* * *

Что бы со мной ни происходило, Ты властитель моей жизни и судьбы, о Боже! Твои Зерна заложены в мою душу! Зерна проклевываются, поднимаются колосьями, растут, и вместе с ними расту и я, расту и в физическом и в духовном смысле. Это и неоспоримо и... спорно. Это рождает вопрос: Боже, кто Я? Некая безликая сущность, находящаяся в полной власти Твоих священных «зерен», или все-таки независимый разум, которому дано право отделять зерна от плевел?

НЕ ЗНАЮ...

* * *

Осень уже давно наступила, но я, влюбленный в нее, почему-то не взялся за перо. Почему? Не знаю. И время у меня вроде бы было, и интересные мысли, но... отчего-то не доверил я эти мысли бумаге. Может быть, это происходит потому, что я уже не ощущаю в себе того особого накала чувств, который еще так недавно будоражил мою кровь, или потому, что мои эмоции, перегруженные бесконечными житейскими заботами, притупились и поблекли. Может быть... Не могу сейчас честно ответить на этот вопрос, но точно знаю одно: я стал более сдержанным и спокойным.

Я изменился. Еще совсем недавно голова моя шла кругом от любви, и я совершенно искренне готов был на все ради очередной возлюбленной! А сегодня смотрю на свои любовные страдания, метания, переживания... с откровенной иронией. В то же время эта ирония вселяет в меня тревогу. Человек должен гореть в любви! Именно это чувство дает ему и физические и духовные силы! Именно оно окрыляет, а пресыщенность жизнью и безразличие – это как вирус неизлечимой болезни. И это уже и опасно и страшно!

Действие этого «вируса» я ощущаю на себе, потому что мне (с моими резкими перепадами в настроении) опять тос-

жливо. В такие моменты я ощущаю себя жалким и беспомощным, подобно больному, который знает, что не сегодня-завтра умрет. А между тем вроде бы и нет причины для грусти. Стоит прекрасная погода. Осень прощается со мной, а на пороге уже маячит зима. Однако в моем благословенном краю нет еще ни холода, ни слякоти, ни серых унылых туч, напротив: ласковое и почти весеннее солнышко заглядывает в окна, наполняя комнаты своим уютным сиянием. Мне есть, чем заняться, мне есть куда пойти. И, тем не менее, я вновь попал в сети великой печали. И, зная себя, я понимаю, что не смогу просто отмахнуться от нее. Не получится. Я должен заглянуть ей в глаза, я должен до конца «перестрадать» ею, потому что только так обрету желанную свободу.

Боже мой, ну почему я не могу быть, как все? Почему мне недостаточно просто пить, есть, тонуть в повседневных бытовых заботах и... смиренно ждать смерти. Почему в моей душе горит желание сделать что-то такое, что разрушило бы представление о границах человеческих возможностей! Но я не знаю, с какой стороны подойти к осуществлению этого желания! Иной раз мне кажется, что я не способен ни на что, кроме как марать бумагу, выплескивая на нее ураган своих мыслей и страстей.

Может быть, стоит быть мужественным и признать все свои дерзкие мечты пустым бредом? Может быть, стоит отмахнуться от всех своих фантазий и жить как все. Но ведь тогда я просто исчезну. Я перестану существовать, как личность. Это «как все» для меня смерти подобно – и ничего мне с этим не поделать!

Я смотрю на деловых людей: кто-то из них занят бизнесом, кто-то политикой... Реалии мира их «хлеб», они не мучат себя бесполезными, с точки зрения карьеры и накопления капитала, вопросами. Все у них четко и ясно. Формула жизни – это счет в банке. Они уверены, что творят будущее.

А я?!

А я живу в вечных сомнениях, опутанный бесконечными жгучими вопросами, на которые не могу найти достойных ответов. Моя жизненная энергия тратится на самоисследование и самоистязание, на неудовлетворенность и, как следствие, душевную неуспокоенность и страдания.

Честно говоря, иной раз я искренне завидую тем, кто «просто живет», не напрягая извилин в своей голове, не истязая себе никаким «духовным кризисом».

Но только «иной раз»!

Чаще мне, мне просто жаль тех, кто никогда не задавал себе жгучих вопросов, не мучился ночами от бессонницы, не страдал оттого, что не может постичь всю сложность нашего мироздания с его таинственными категориями жизни и смерти. По сути дела, в моем понимании, это несчастные, забытые Богом люди, потому что им **МНОГОГО НЕ ДАНО!**

* * *

Иной раз я подобен несчастному бездомному псу, которого безжалостно треплет и гонит злодейка судьба. Кажется, еще совсем недавно я был озорным непоседой-малышом, избалованным любовью своих родителей, а сегодня уже мой сын сидит и играет у меня на коленях.

Вроде бы только вчера был молодым, веселым и беззаботным пацаном, а сегодня уже привыкаю к тому, что подrostки называют меня «дядей». Поначалу это и коробило, и злило, и раздражало, но – жизнь не обманешь! – значит, пришел срок, и я уже выгляжу «дядей».

Вот так все быстро!

Только вчера, обдавая жаром своей огненной пасти, горело и плавилось наше знойное азиатское лето, а сегодня в воздухе тает напоенное запахом прелой листвы прохладное дыхание осени...

Только вчера мое сердце горело страстным желанием бросить все и уехать в далекие-далекие края, а сегодня я

хочу только одного: быть единым целым со своей родиной и никогда не покидать ее.

Только вчера я мог часами смотреть в глаза своей возлюбленной, не спать ночами, бредить ею, посвящать ей стихи и писать ее портреты, а сегодня – увы! – нет волшебной пери, по которой бы я сходил с ума, сегодня я думаю о красивых женщинах «вообще», без щемящего трепета в груди.

Только вчера я был уверен в том, что, как только вырасту, исцелю потрескавшиеся от тяжелой работы руки своей матери, а сегодня понимаю, что эти руки еще больше трескаются и грубеют, служа мне, ее любимому сыну.

Только вчера я рвался завоевать весь мир, а сегодня таю, исчезаю, гибну в его всепожирающем жерле...

Только вчера я думал, что эта жизнь год за годом, месяц за месяцем, день за днем будет приближать меня к Создателю, а сегодня чувствую, что чем дольше живу, тем больше грешу, и значит, тем сильнее отдаляюсь от Него...

Только вчера я был готов душу отдать за друга, а сегодня с горечью констатирую, что не осталось у меня истинных друзей – верных, независтливых, искренних, открытых сердцем – так что, получается, не за кого отдавать душу...

Только вчера быть писателем казалось мне самым великим делом на земле, а сегодня я хватаюсь за перо и бумагу и делаю это только потому, что не хватает мне смелости и мужества схватиться за петлю и всунуть в нее свою голову, и разом оборвать все свои страдания...

Только вчера, видя порочный мир, я клялся, что все в нем исправлю, а сегодня – повзрослев – извелся, не умея уберечь от порока не то что «весь мир», но даже самого себя...

Только вчера я твердо знал, что буду делать, чем займусь, куда пойду, какой из бесчисленных «путей» выберу, чтобы достичь своей цели, а сегодня мечусь по бездоро-

жью своей жизненной пустыни и бесконечно молю Бога то об одной милости, то о другой...

Кажется, что только вчера я вышел из кишлака, оставив дом своих родителей, а сегодня понимаю: уже «прошло время», уже «набежали» месяцы и годы воспоминаний.

Сколько воды утекло! Сколько страданий претерпели сердца моих драгоценных, любимых родителей! Велика тоска их по сыну, покинувшему дом в поисках своей судьбы! А часто ли я навещал их? Раньше – да, а теперь все реже и реже, потому что все время ДЕЛА. А разве могут сравниться какие бы то ни было дела с любовью твоих близких и, прежде всего, отца и матери! Нет, конечно, и тем не менее, эти дела закручивают меня, съедая мое время, и я просто тону в каких-то незначительных, переходящих мелочах.

Люди, словно воины, поражаемые стрелами судьбы, один за другим покидают поле битвы – наш бранный мир. Разглядывая фотографии, с горечью констатирую тот факт, что некоторых друзей, с которыми стою на снимке – улыбающийся, в обнимку – уже нет. Стрела смерти не пожалела молодых ребят, которым бы жить да жить, и... нет никакой гарантии, что она пожалеет меня.

Конечно, можно подойти к этим грустным фактам с другой стороны: все мы – временные жители этого мира и вечные жители «мира иного». Может быть, и не стоит до такой степени цепляться за эту жизнь, а стоит просто осознать ее как путь к определенной цели.

Так, стоп, приятель! – обратился я к самому себе. Так можно дофилософствоваться черт знает до чего. Повеська ты лучше замок на рот, чтобы не завраться и не начать молотить чепуху. Живи, но не просто живи, а анализируй свое «бытие», чтобы знать, ради чего живешь, на что тратишь отпущенное тебе судьбой драгоценное время.

* * *

Уже давно никому не пишу писем... И ни от кого не жду писем...

И мечты мои перегорели и потеряли свой розовый цвет... И весна теперь не будет врываться в мою жизнь, как раньше. И осень будет прощаться со мной иначе. И если раньше смена времен года таила в себе много-много радостей, то теперь все вокруг имеет для меня привкус горечи и сожаления...

* * *

Когда я был ребенком, я с восторгом смотрел на старших, а теперь, когда я вижу устремленные на меня детские глаза, искрящиеся светлой радостью, мне хочется обнять этих малышей и... долго-долго плакать.

Когда-то ЦЕЛЬ, ярким факелом пылающая где-то там впереди, манила меня к себе и придавала смысл моей жизни, а сегодня пепел моих бесконечных неудач, проблем и невзгод щиплет и застилает глаза. Теперь я даже не знаю: куда мне идти и что делать? Словно потерявший свою кыбулу⁴ мусульманин, я озираюсь по сторонам в поисках смысла своей жизни...

* * *

...Я всего лишь старался написать о том, как оно все есть, и только теперь понял, что написать об этом – за пределами моих возможностей. Не может человек быть беспредельно откровенным, вот и я не всегда осмеливался честно и до конца раскрыть себя, излив все свои мысли на бумаге. У каждого человека есть такой «подпол души», куда он никого и никогда не пустит. Если с полным откровением анализировать все свои чувства и поступки, то можно сломать стержень собственной индивидуальности и, в результате, потерять самого себя. Осознав это, я прикусил

⁴ Священное место в центре Мекки, в направлении к которому молятся все мусульмане.

язык. Видимо, творчество – это та же игра: возможно, кто-нибудь, раскрывая перед читателем тайники своей души, пойдет дальше меня и большего достигнет. Возможно... Однако я уверен: никто не будет откровенным до конца, поскольку это противоречит самой психологии человека. Обязательно останется «нечто» недосказанное, «нечто», определяющее дистанцию между тем, кто изливает душу, и тем, кто слушает.

* * *

Я проснулся, бодрый и радостный, и подошел к полуоткрытому окну. Тишина, красота и торжественность ночи очаровали меня... Свет полной и яркой луны, подобно волшебной крышке, накрыл весь мир, как бы охраняя и защищая его. А для меня сейчас в центре всего мироздания было огромное Дерево, с мощным стволом и густой кроной, важная особа, разбудившая меня среди ночи! Это Дерево я часто вижу во сне. Почему ты мне снишься? – это я Дереву. Оно тяжело качнуло пышной кроной, зашелестело, зашептало, как будто желая рассказать мне что-то, поведать какую-то тайну. Я внимательно вслушивался в этот таинственный, тревожащий мою душу шелест, но – увы! – не понимал язык Дерева. А как было бы прекрасно, если бы понимал! Смогу ли я когда-нибудь сделать это, или так и покину мир под звуки колоколов сожаления? Не знаю! Но это непонимание рождает в моей душе ощущение одиночества.

Эй, Дерево, кто ты? А я кто? А ведь внутри меня есть еще «кто-то» и, может быть, я только тень его...

III ЧАСТЬ

Когда я закрыл тетрадь, было уже поздно. Посмотрев на часы, я увидел, что стрелка коснулась цифры «пять», но не сразу сообразил – было ли это пять вечера, или пять утра? Не вставая со стула, обернулся и посмотрел за окно:

там плескалась тьма, усиливался ветер, все сильнее и сильнее раскачивая оконную раму. Дверь так и стояла приоткрытой (как я ее и оставил, входя сюда), словно ожидая прихода таинственного Кого-то...

И только «песня» деревьев все звучала и звучала, но уже не где-то за окном, снаружи, и даже не в этой странной, брошенной комнате, а внутри меня, заполняя все мое существо...

Перевод О.Григорьевой и З.Касымовой

ПИАЛА ВОДЫ

(Рассказ – сон)

Передо мной была поставлена задача.

Но почему именно передо мной, не знаю. Кто и при каких обстоятельствах дал мне поручение, я тоже не могу вспомнить. Единственное, что осталось в памяти, так это суть наказа – до наступления сумерек доставить к месту назначения чем-то нагруженную телегу, запряженную парой лошадей. Почему до наступления темноты, тоже непонятно. Но я помнил предупреждение: «Самое главное не сбиться с пути и вовремя доставить груз». Таким образом, моя миссия превратилась в загадочную головоломку.

Да, в этом деле много странного. Зачем, например, понадобилась допотопная арба, когда столько современных и более надежных средств передвижения? А сама поклажа... что это такое? Поверх неё набросано какое-то тряпье, туго обтянутое ветошью. При всем желании, объяснений я не нахожу.

Высокое полуденное солнце безжалостно жжёт моё молодое тело. Лошади мерной рысью мчатся вперед. Изредка подергиваю поводья, этого достаточно для смысленных животных – они не медлят. «Какие же они сообразительные, – говорю я себе, – словно осведомлены о важности задания!»

Пою во весь голос, но, понимая, что силы надо беречь, перехожу на мурлыканье и напеваю все, что приходит на ум. Оглядываюсь по сторонам, и моя юная душа наполняется радостью. Широка и необозримость горизонта приводя меня в волнение и восторг. Я полон жизни, чувства переполняют меня, и я кричу, оглашая окрестности: «Ууу-лууу-ууг!» И в то же мгновение возвращается эхо: «Гууу-лууу-ууу-ууу!» Внезапно, как от плохого предчувствия, меня пробивает внутренний озноб и люб в такой зной покрывается

холодным потом. Окидываю взором окрестности, словно ища защиты. Больше кричать не хочется. . . Дальше еду молча и начинаю скучать от однообразного и безмятежного пейзажа.

Тем временем день расстилается, захватывая весь мир в свои объятия. Я чувствую, как медленно, но настойчиво нарастает желание напиться воды. Оглядываю окрестности в поисках какого-нибудь источника. Но, шайтан его побери, нигде не видно никаких признаков воды. Мне казалось, что я нахожусь в пути целую вечность, на самом же деле времени прошло не так много. Вероятно, виновата жажда. Э-э, ладно, что бы то ни было. Сейчас не об этом надо думать, сейчас главное – вода! Но где ее искать? Думай, думай!.. Вот если бы найти в этой знойной степи колодец с кристально чистой водой и вдоволь напиться! Я согласен даже на одну пиалу. Одна пиала воды. . .

Беспокойно глядываюсь в небесную синь – до полудня еще далеко. По небу неспешно плывут редкие облака. Лошади перешли на шаг, они идут невозмутимо и размеренно, словно не чувствуя жару. Над головой, оживленно щебеча, летает стайка птиц. Вспоминаю, что они с самого начала пути были моими попутчицами. Удивительно! Я сразу успокоился, и прежнее восторженное состояние стало постепенно возвращаться ко мне. В конечном счете – дорога, барханы, облака, птицы в небе. . . все-все помогают мне достойно выполнить мое задание! Эти мысли захватили и отвлекли меня. Мне снова захотелось весело закричать, но я побоялся, что мое желание, как в прошлый раз, обернется непонятной тревогой.

Солнце печет невыносимо. Жажда сжигает, и в моем сознании возникают огромные лужи, от которых рябит в глазах. «Мира-а-а-аж», – шепчу себе, волнуясь и облизывая сухие губы. «Какой же я бестолковый!- ругаю себя. – Почему не захватил с собой хотя бы один кувшин с водой?! Знал же, что отправляюсь в путь в такой зной и солнцепек. . .»

Почувствовав дурноту, озираюсь по сторонам, словно ищу спасения. Лошади, почуввав неладное, замедлили ход. Я не дергаю поводья – бедные животные тоже страдают от жары, пусть шагают, как хотят. Эх, будь что будет! Уныло тянется время, нагруженная арба еле движется, колеса ужасно скрипят и крутятся все медленнее. Чертыхаюсь:

«И во сколько же обошлось смазочное масло?!..» Насухо вытираю белым платком капли пота, выступившие на лбу.

Место назначения!.. Э-ге-ге, оно еще так далеко, как недостижимый горизонт. Так, успокойся! Начинаю припоминать, как кто-то перед отправкой пояснил, что если буду ехать прямо, не сворачивая, то непременно доберусь до наступления сумерек, эта дорога сама выведет куда надо. Я верил в это. Моя вера была бы еще крепче, если бы не жажда. Желание напиться все сильнее и неумолимее захватывало мое существо. Казалось, внутри меня перемещаются горячие барханы, подобно верблюжьим горбам.

Вдруг вдалеке промелькнуло нечто похожее на водоем. Я не поверил своим глазам, опасаясь, что увидел мираж. И действительно, видение обернулось обманом. Но в знойном мареве постепенно начали вырисовываться очертания чего-то внушительного, и скоро у края дороги возник огромный караван-сарай. От радости я не заметил, как оставил лошадей, как соскочил с арбы и мгновенно очутился прямо перед распахнутыми настежь воротами. Ах! В этот момент меня словно заново вернули к жизни.

У порога меня встретила стройная красавица с большими черными глазами и улыбающимися полуоткрытыми алыми губами. Не успел я рот открыть, как она указала мне на журчащий источник. Я кинулся к нему. Возле родника на тонкой цепочке (видимо, чтобы не унесли с собой) висела расписная медная пиала. Зачерпнув воды я жадно выпил. Я думал, что смогу за раз выпить пять таких пиал, но ошибся: оказалось достаточно и одной. Это поразило меня. Я крепкий, сильный юноша, так долго изнывавший от нестерпимой жажды, смог утолить ее всего лишь одной крошечной пиалой?! Ладно, отправим прочь удивление. Главное, я избавился от муки! Глаза мои засияли от удовольствия, я был готов продолжать путь. Я умылся родниковой водой. Всё, теперь только вперед! Я не должен задерживаться здесь и вообще нигде, нужно сейчас же, не мешкая, продолжать путь, не отклоняясь от маршрута. Мне поручили очень важное задание, и я принял его всем сердцем и душой. Если бы не принял, то не отправился бы в неведомое. Это я знал. Не теряя времени, порывшись в карманах, я достал деньги, чтобы заплатить за воду.

Но скромная девушка не взяла их, а направилась к дому, жестами приглашая меня: мол, идите туда, там и заплатите. Подчиняюсь, я шагнул внутрь. Эге-ге! Куда я попал?! Какой же нарядный, роскошный и богатый уголок в голой пустыне! А людей... видимо-невидимо. Великолепное двухэтажное здание; двор, словно ласточками, сидящими в ряд, заполнен праздными людьми. Гляжу на их довольные лица и завидую: эх, если бы не ответственное задание, тоже остался бы здесь, присоединившись к их утехам и наслаждениям. Если бы не задание...

Я растерялся: куда идти, кому платить за воду? Оглядываясь и вижу еще одну группу людей, поодаль, в углу; они стоят, чинно выстроившись в ряд. На их лицах почему-то нет ни радости, ни удовлетворения. «О, боже, — удивляюсь про себя, — как странно. Их мрачные лица совсем не соответствуют величию, роскоши, приподнятому настроению тех, других, кто вкушал удовольствия и выглядел вполне счастливым». Я направился к этой очереди, полагая, что именно там смогу расплатиться. Когда я обходил хмельных и довольных посетителей, сидевших в кругу, у меня опять пересохло в горле...

Встав в очередь, я с беспокойством подумал: «Неужели для того, чтобы заплатить всего-то за одну пиалу воды, я потрачу столько драгоценного времени? Ведь у меня есть особая задача!...» Оглядываясь, я с надеждой посмотрел на слуг с виду похожих на щеголеватых административных работников, к некоторым даже обратился за помощью, но, что греха таить, они даже слушать меня стали, холодно и бесстрастно указывая в сторону огромной очереди. И тогда стало понятным подавленное состояние стоявших в ней людей. Я молча занял место в хвосте очереди...

...если бы я знал, что за одну пиалу воды мне придется потерять столько времени и сил в мучительном ожидании, что придется, испытывая угрызения совести, думать о невыполненном поручении, разве я зашел бы сюда? Легко сказать... Меня подмывало желание излить душу соседям по несчастью, но они не хотели меня слушать. «Немые они, что ли? — думаю я, отчаиваясь. — Словно в рот воды набрали».

Ох, какая это мука стоять, как вкопанный, и ждать. Опускаюсь на корточки, чтобы немного передохнуть, но скоро ноги начинают неметь, и я волей-неволей поднимаюсь. Те-

перь у меня самого нет ни желания, ни сил разговаривать.

Со смешанным чувством злорадства и удовольствия я начал наблюдать за одним из стоящих в очереди: он, как и я недавно, задавал вопросы. Я тоже становлюсь глухим и немым. Одновременно с интересом наблюдаю за сидящими и стоящими в очереди: у одних глаза светятся радостью и надеждой, у других полны досады и сожаления. Теперь я уже с жалостью гляжу на праздных людей, заполнивших двор и дом, и думаю: «Каково им было бы, если бы они ведали о том, что их ждет?»

Происходящее вокруг утомило меня. Снова опустившись на корточки, я закрыл глаза. И вдруг я опять ощутил знакомое, мучительное чувство жажды. Я быстро открыл глаза. О горе, как же так? Я ожидаю в очереди, чтобы заплатить за пиалу воды, которую осушил не так давно, и теперь мне снова хочется пить. Но покинуть очередь и отправиться к источнику я не решился: я мог пропустить свой черед. Людская очередь была бесконечна! Я буквально сходил с ума о того, что вынужден здесь простаивать. Но кто осмелится покинуть очередь? Стиснув зубы, продолжаю ждать.

Время тянулось нескончаемо долго, люди продвигались то медленно, то чуть быстрее. Иногда, придя в себя, я начинаю подталкивать впереди стоящих, принуждая их двигаться; порой, то ли от жары и жажды, то ли от перенапряжения и гнетущей тоски впадаю в бредовое состояние и не понимаю, что со мной происходит. Меня тоже толкают бедняги, идущие вслед за мной. Мне кажется, что очереди не будет конца.

Вдруг кто-то сильно толкнул меня в плечо, очнувшись, открыл глаза и вижу – окошко передо мной! Ах! Вынимаю из кошелька специально приготовленные деньги, протягиваю их кассиру и поспешно удаляюсь.

Прибавляю шаг, но чувствую, как на меня наваливаются и одолевают слабость, вялость, усталость. Поступь моя становится тяжелой, неровной и неуверенной. Может быть, от того, что так много времени потерял в очереди? Но я же преодолел это испытание! Мысль о том, что все позади, обрадовала меня так, что захотелось подпрыгнуть. Но подсознательно я понимал, что это мне не под силу. И тут я словно со стороны увидел себя. О, Господи! Что со мной? Что за наваждение? Когда я

входил в караван-сарай, мое тело было полно сил и энергии, а теперь оно сморщилось, кожа стала дряблой, кости торчали и казались очень-очень хрупкими и истонченными. Раскрыв рот от изумления, я с надеждой и мольбой огляделся вокруг, и... мой взгляд снова остановился на девушке-служанке. Я онемел от удивления: девушка нисколько не изменилась; она была такой же молодой и красивой и все с той же полуулыбкой на алых губах без устали встречала нескончаемый поток посетителей. Ни одна телега не проезжала мимо караван-сарая. Каждая останавливалась; с них спрыгивали жаждающие арбакеши и бросались к источнику, на который указывала девушка; там они осушали лишь одну маленькую пиалу воды.

У меня закружилась голова, пошатнувшись, я упал ничком. В глаза и в рот забился теплый песок. Потрескавшиеся губы горели. Распластавшись, я пополз, шаря руками вокруг. Неожиданно пальцы нащупали палку. Крепко ухватившись за нее, я попытался подняться. Вытерев лицо, с трудом разлепил веки. Передо мной стояла моя арба. В мгновение я вспомнил все. Ведь... ведь у меня было задание, я пустился в путь с очень важным поручением!

Тут я заметил, что внезапно наступили сумерки, и оцепенел от ужаса: неужели всё было напрасно?! Я не справился с возложенной на меня священной миссией?! От сильной досады я хотел крикнуть, но не смог – вопль взорвался в мозгу.

Тяжело опираясь на палку, я с большим усилием сделал несколько шагов и, приблизившись к арбе, скорбно прислонился к ней. И в тот же момент я почувствовал, как моя грудь и бок намокли. Я отпрянул и осмотрел арбу: под ней на песке образовалась небольшая лужа. Моему удивлению не было границ; собравшись с силами, дрожащими руками я сорвал тряпьё с неведомой поклажи. О, господи, все пережитые страдания промелькнули у меня перед глазами. Как же горько было мне видеть то, что открылось...

В телеге рядами стояли кувшины, до краев наполненные водой; один из них разбился – из него на вечный, жаждущий влаги песок капала вода...

Перевод С.Камиловой

ТЮЛЬПАНЫ

(Рассказ – сон)

Передо мной скала: огромная, ребристая, крутая. И множество незнакомых людей, стремящихся к диким алым прекрасным тюльпанам, которые мерно колышутся на самой верхушке скалы. Над ними багровое небо в пестром платье из темных и белых облаков. Ранние сумерки.

Когда смотришь, задрав голову, на высоченную гору, украшенную роскошными цветами, дух захватывает от восторга. И начинает казаться, что воплощение лучшей мечты Неба – в этом нарядном покрывале тюльпанов, над которым порхают мотыльки.

А что там внизу? Люди... сколько их, карабкаясь по камням, пытается подняться к сказочным цветам; сколько их, сорвавшихся, разбивается, не добравшись до цели. Среди них есть и такие, кто сумел преодолеть другие кручи, но это место стало для них смертельным. И нет числа погибшим. Никому еще не удавалось преодолеть даже половину пути. Скала вся покрыта выступами: острые торчат шипами, округлые похожи на животы беременных женщин.

Но, что удивительно, люди, отправляясь за тюльпанами и сознавая, насколько ограничены человеческие возможности, продолжают вновь и вновь испытывать судьбу. Почему они не могут отречься от своей первородной мечты? Ради чего принимают эти мучения? На что надеются, думая, что смогут покорить *эту* вершину?

Чтобы понять суть происходящего, я приближаюсь к тем, кто стремится к восхождению, не уступая, отталкивая друг друга. Одного из них, только что поднявшегося на камень,

я потянул за руку и, заставив обернуться, буквально засыпал вопросами. Но вместо того, чтобы ответить мне, он только усмехнулся и пальцем указал на тюльпаны. Затем, карабкаясь по камням, он пополз вверх, как муравей, и вскоре смешался с толпой таких же, как и он, устремленных и беспорядочно копошащихся. Отойдя назад, я снова глянул на вершину: ТЮЛЬПАНЫ!.. Невольно представилась Кааба и стремящиеся к ней со всех сторон миллионы и миллионы страждущих. И я подумал: тюльпаны подобны Солнцу, путники же – мотыльки, вихрем кружащие вокруг... Едва мысли начали оформляться, как тут же были отброшены как ненужные: ведь и меня зовут тюльпаны... только меня! Казалось, для них не существовало больше никого, а был только я, и только меня они манят к себе! Ах, как же они притягательны! Сердце переполняют восхищение и радостный трепет. Такая возможность дается не каждому, надо непременно воспользоваться ею. Ах, как я счастлив!..

Только я поставил ногу на камень, как кто-то положил мне руку на плечо. Обернувшись, я увидел незнакомого юношу. Он начал задавать мне те же вопросы, с которыми совсем недавно обращался к людям я сам. Молча гляжу на молодого человека, и он кажется мне бедным и обездоленным по сравнению со мной, счастливчиком, приглашенным в царство тюльпанов. На одно мгновение мне стало жаль его. Но я, промолчав, только усмехнулся и продолжил свой путь к вершине, к тюльпанам.

Взбираться тяжело: ухабы, камни, за которые можно ухватиться, а иногда рука хватала пустоту. Я осторожно карабкаюсь, с трудом, сантиметр за сантиметром, преодолеваю расстояние; а когда оглянулся, меня охватил ужас. Но в сознании всплывают тюльпаны – они благосклонны ко мне, только ко мне... И это придает мне решимости, я готов броситься в любую преисподнюю. Внезапно тот, кто карабкался в двух метрах от меня, раскинул, подобно крыльям бабочки, руки и ноги и с криком рухнул вниз – в темноту. У меня внутри все похолодело, словно призрак смер-

ти погладил мое сердце. «Неужели для тебя это не послужит уроком, глупец? Ты думаешь, что сможешь достичь цели? До вершины еще далеко... бесконечно далеко!»

Кто-то, воспользовавшись моим замешательством, поставил ногу на мое плечо и вцепился в камень надо мной. От толчка моя нога соскользнула, потеряв точку опоры, и я начал падать. ПРОЩАЙТЕ! – пронеслось в моем сознании, и я даже ощутил звук и вкус этого слова. Но, слава Богу, я успел ухватиться за какой-то камень, и это спасло меня от неминуемой гибели. Но позади меня разыгралась страшная трагедия – роковой камень, выскользнувший из-под моей ноги, повлек за собой целую лавину... Я крепко зажмурил глаза, слыша крики внизу и чувствуя, как погибает множество людей. Как же такое могло произойти? Куда делась безмятежность, до того царившая в моей душе? Кем я предстану перед тьольпанами? Память о людях, погибших по моей вине, будет отныне постоянно беречь мое сердце!

«Но я же не виноват, это тот мошенник толкнул меня. По сути, настоящий виновник он, а не я!» – пытаюсь найти себе оправдание. А тот, глядя на меня сверху злорадно хмылялся. Наши взгляды встретились. Господи, я никогда ни с кем не враждовал и не соперничал, так чего же ему надо от меня?! Мой неожиданный противник начал сбрасывать на меня камни. О, Всемогущий, за что? Как ни старался я увернуться, один камень все же угодил мне в лицо; из глаз искры посыпались. Боль и обида захлестнули меня, и я невольно крикнул: «Эй, Господи, я заропщу, если ты его не покараешь!...»

Почему я желаю смерти и проклинаю чьего-то сына? Непростительно! Мои прошлые грехи ничто по сравнению с нынешними. Погибли невинные люди из-за камня, выскользнувшего из-под моих ног, но в живых осталось это отвратительное существо... Мысли терзают и мучают. Мне захотелось броситься в клочущую воду, чтобы отмыться в ней. В это мгновение мой обидчик, ухватившись за шаткий камень, вместе с ним рухнул и навсегда исчез в туманной бездне.

Меня охватило оцепенение. Но в сознании вновь всплыли тюльпаны, их призывы и обещания. Сердце гулко забилося. Я остро чувствую, как все мое существо жадно тянется к жизни и радости. Я понимаю, что обязан покориться и послушно идти на этот зов, как верный пес следует за своим хозяином. Мои терзания, угрызения совести постепенно утихают, только память время от времени берedit душу.

Все мои помыслы направлены к тюльпанам. Я тянусь к ним с какой-то непонятной болезненной любовью, невольно поддаваясь силе своих тайных чувств. Но где блаженство, сопутствующее исполнению желаний? Разве не ради него я отправился в путь, страдал, жертвовал? И так, вперед, только вперед!

Наконец, заветный, совсем отвесный участок скалы! Оглядываюсь: только немногим удалось, как муравьям, доползти сюда. «Судьба!» – холодно замечаю я. Отбросив лишние мысли, сосредоточиваюсь лишь на покорении вершины. Рядом – значительно поредевшая горстка людей, которые один за другим срываются с небесных высот и, подобно падающим звездам, исчезают в бездне. На мгновение сомнение вновь охватывает меня: по силам ли человеку такое испытание?

И вот, о, Господи, я остаюсь один на один со скалой! Выходит, сбылись обещания тюльпанов?! Удары сердца учащаются и придают мне сил. Всем телом, всем существом я словно приклеиваюсь к блестящей, скользкой поверхности скалы. Ни одному делу я не посвящал себя так самоотверженно. Постепенно превращаюсь в муравья. Обливаюсь потом. Иногда меня охватывает паника, но даже верная гибель не заставит меня свернуть с пути, память о тюльпанах не позволит мне поддаться малодушию. Ползу подобно пауку. Лишь бы достичь вершины, тогда я – победитель! Я испытываю наслаждение, неведомое ни одному смертному. Сдерживая тяжелое дыхание, шепчу: «Боже, какое счастье! Я достиг!»

...Прекрасные, сладкие грезы. Но они отвлекают, мешают. Силы иссякают. Собираю волю в кулак, и снова – к

цели. Теперь мой разум и душа становятся едиными в стремлении ПОКОРИТЬ вершину. Боже правый, я – победитель! Слава Всевышнему!

От безмерной радости я начинаю прыгать на покоренной вершине. Наконец, обессилев, ложусь, обняв камень. И засыпаю. Мне снится сон. Я вижу ту же вершину, снова переживаю те же трудности, и вновь покоряю ее. Но, взойдя, с ужасом и недоумением вижу, что впереди открылось бесчисленное множество величественных вершин, о покорении которых даже подумать невозможно. С воплем просыпаюсь. Но не смотрю вверх – боюсь, что сердце не выдержит. Наблюдаю за плывущими облаками. Скучаю по земле, по людям, по житейским повседневным делам. Ощущаю ноющую боль в груди. И все равно понимаю, что мне необходимо взглянуть вверх, узнать правду. Да, настало время выбора: пан или пропал! Собираю остатки сил и с закрытыми глазами поднимаю голову вверх. О, боже! Сердце бешено колотится, подступает к самому горлу, – и я открываю глаза...

Перевод С.Камиловой

ОСТРОВ ТШЕСЛАВИЯ

(Рассказ)

Первое путешествие

Медленно и важно колыхается водная мантия Тихого океана. Его бесконечность чарует, в его глубине кроется великая тайна, она манит и одновременно отталкивает. Но сейчас океанскую гладь заволокло белёсым туманом. Даже стоя в лодке, дальше своего носа ничего не видно. Если б можно было разглядеть, что там вдали, хотя бы за две *сажени*...

Лодка уже наполнена рыбой, но рыбаки вновь и вновь закидывают сети и неподвижно ждут. Да и что еще остается им делать? Только ждать. Вот и ждут. «Кого? Что?» – спросите вы. «Солнце!..» Это его лучи, распоров, будто по шву, плотный туман, должны указать дорогу. Иначе люди, заблудившись, могут приплыть к Острову с неприятельской стороны – и тогда... не то что обезьяны, но даже вот эти полуживые рыбешки, трепыхающиеся на дне лодки, махая хвостами, будут потешаться над ними, – это уж как пара пустяков. В самом деле, смеяться – их право: смеяться, досадовать, злиться на людей в лодке... А обезьяны... э-хе-хе, обезьяны как раз-то далеко на Острове: они-то могут и не увидеть. К тому же зачем обезьянам смеяться понапрасну.

Мелкая рябь покрывает водную поверхность. Только этот покой обманчив – в нём может таиться неожиданная опасность. Рыбаки готовы плыть наугад, но не могут. Их сердца объаты бесконечным страхом, окружившим их со всех сторон подобно плотному туману. Это страх за себя, за сеть, погруженную в глубину. Страх заблудиться, оказаться, потерявшись в бескрайних широтах, с другой стороны Острова, попасть во власть непогоды. Где находится их чудесный Остров – одному Создате-

лю известно. И пока проклятый туман не рассеется, нет возможности продвинуться ни на сажень; точно говорят: «связаны по рукам и ногам» — это как раз тот случай.

Рыбаки даже перестали разговаривать между собой — не было желания говорить. Да и откуда взяться этому желанию? Одна мысль тревожила всех: что с ними будет, если туман не рассеется?.. Внешне они спокойны, как будто охвачены дремотой, но внутри их терзают напряжение, тревога и волнение.

Внезапно из густого тумана прямо перед носом лодки возникла какая-то огромная тень! Через долю мгновения она приобрела определенные очертания, и стало ясно, что это большая лодка. Рыбаки не успели глазом моргнуть, как две лодки столкнулись носами! Парень, сидевший на корме, шумно плюхнулся в воду, остальные три рыбака едва удержали равновесие. Их охватила паника, так как стало очевидно, что внезапно появившееся судно — вражеское. Но удивительно то, что дальше ничего не последовало: никто не схватился за меч, не замахнулся копьем, не пустил стрелу. Враги хоть и превосходили числом, но почему-то повели себя вполне миролюбиво. Они даже помогли вытащить из воды упавшего за борт паренька. Неприятели молча, с интересом разглядывали друг друга. В большой лодке оказались две девушки, на одной из них была особенная шапка с аккуратной пряжкой и одежда, по которой можно было догадаться, что она дочь вождя племени. Она была прекрасна!

В другое время, чтобы заполучить такой трофей, несмотря на численное превосходство врагов, все четверо были бы готовы отчаянно сражаться. Но не сейчас. Сейчас у всех был один общий враг, в тысячу, в миллион раз опаснее, его имя — Океан: бескрайний, неизвестный мир, затаившийся в непроницаемом тумане. И перед лицом этой грозной опасности междоусобная вражда показалась неуместной, мелкой, недостойной. Возможно, они сами до конца еще не осознавали этого, однако затаившийся в каждом из них ужас давал о себе знать, крепко сдерживая любое проявление взаимной неприязни. А глаза юноши были устремлены на

девушку и блестяли так, что не оставалось сомнений: он был пленен ее красотой и напрочь забыл и о коварном океане, и обо всем бренном мире.

Немало времени прошло в напряженном молчании; весла на обоих судах были неподвижны. Затем неприятельская лодка, повинуясь легкому дыханию океана, стала медленно отдаляться. Но юноша и девушка не сводили глаз друг с друга. И если скажут, что они успели поговорить между собой на всех языках мира, вы, может, и не поверите, — значит, вы даже не представляете, что такое возможно! — но я верю, что это так. С полной уверенностью заявляю, что девушка и юноша с первого взгляда понравились друг другу, но потом... потом пришло огорчение от того, что все это лишь иллюзия — проделки проклятого тумана. Ведь мысль о том, что сын и дочь двух враждующих вождей когда-нибудь соединятся, могла бы придти в голову только глупцу и фантазеру. Впрочем, разве что мир перевернется... (Да простит меня Всевышний! На все Его воля. Видимо, только на Него и остается уповать детям двух заклятых врагов, чьи племена враждуют между собой вот уже тысячу лет).

Пока мы так размышляли, большая лодка скрылась в тумане и пропала из виду. Словно ее никогда и не было.

Трое рыбаков вздохнули с облегчением. А по лицу промокшего до нитки юноши текли соленые капли океана, такого же непонятного, как и его неясные мысли.

Только на третий день плена солнечные лучи пронзили густую пелену тумана и осветили сумрачные лица трех крепких мужчин. Рыбаки ожили, задвигались и, определив по солнцу путь домой, решительно налегли на весла. Правда, они постоянно оглядывались по сторонам, словно опасались вновь встретить неприятельскую лодку, с которой так неожиданно столкнулись в тумане. И только лицо юноши светилось безграничной благодарностью судьбе. Первое путешествие по океану, соединяющему Остров с небом, сделало его счастливым.

Второе путешествие

1

Наконец, они достигли Острова.

Остров небольшой, всего-то с тибетейку¹ немного преувеличив, можно сказать, что опытный бегун, пробежав по нему из конца в конец, даже устать не успеет. Правда, здесь есть горы. Так что долговязому бегуну придется попотеть.

Жителей тоже ему под стать – небольшая горстка. Но и эта горстка людей умудрилась затеять между собой войну. И у них очень даже получилось: как вода и огонь, они разделились на две противоборствующие группы. Словом, без вражды им было скучно.

Пропитанием на Острове служила лесная дичь и рыба, которой было в изобилии в водах бескрайнего океана.

Как говорят старики, их предки поселились на Острове в незапамятные времена, но откуда и как они попали сюда – неизвестно. Зато известно другое: когда-то, много веков назад, не было вражды, и люди жили единым племенем. Сказители и певцы обеих сторон рассказывают и поют об этом со слезами на глазах. Находятся такие, кто внимает им, но и они не следуют их наставлениям. В повествованиях сказителей говорится о том, что давным-давно на Острове появились двое: юноша и девушка. Именно они доводятся прародителями всем нынешним жителям – их прямым потомкам. Но почему же они приплыли на Остров только вдвоем?..

2

Два враждующих народа когда-то были единым, как нозоть, вырастающий из плоти. Со временем людей становилось все больше, а любви и уважения – все меньше, пока совсем они не исчезли. Постоянные стычки, распри, ссоры вылились, в конце концов, в непримиримую вражду. Жизнь

1. Тибетейка – национальный головной убор.

на Острове резко изменилась. Изменились и сами островитяне: их поведение, поступки, язык, манера одеваться... Расколовшись надвое, каждая часть некогда единого целого народа, стала кичиться своей исключительностью, индивидуальностью, непохожестью. По прошествии веков разобщенность сделала людей действительно непохожими: изменился не только их внешний вид, но даже по цвету кожи они стали разными. Дошло до того, что послы двух враждующих сторон начали общаться через переводчиков.

Да, жизнь на Острове переменялась, и это сильно отразилось на судьбах людей. Их противостояние зашло настолько далеко, что они ежедневно, ежеминутно искали любой повод, чтобы доказать свое превосходство. Возможно, они понимали, что добиться этого только силой оружия будет сложно. В самом деле, разве можно каждый божий день воевать на таком крошечном островке? И тогда они нашли другой способ соперничества: нет большего наслаждения, чем открыто продемонстрировать свое могущество на зависть врагам...

3

Так, одно племя соорудило на берегу океана высокое каменное изваяние. Разумеется, его заметили, возвращаясь с охоты, люди другого племени и рассказали об этом своим вождям. Тут же было принято решение соорудить в ответ свой монумент, только более высокий, что и было исполнено. Спустя некоторое время соседи воздвигли третьего истукана, он был еще выше и красивее предыдущих.

На Острове началось соперничество в воздвижении идов. Каждое племя создавало памятники своему величию. Их изготавливали из самых лучших камней, какие можно было найти на Острове. Но вот беда, – будь они неладны! – для работы требовались еще и бревна, чтобы по ним перекатывать и доставлять тяжеленные камни к месту строительства. И оба племени принялись с двух сторон ожесточенно вырубать лес.

Проходили годы, число изваяний увеличивалось. У каждого племени были специальные площади для памятников, обращенных своими ликами к океану. Когда люди на лодках отправлялись на ловлю рыбы, они видели монументы соперников, сравнивали со своими, а по возвращении принимались возводить еще более величественных идолов.

Да, жители Острова были окончательно поглощены этим занятием. Для строительства выбирали огромные глыбы. Обработав их должным образом и придав им нужную форму, они доставляли при помощи бревен своих истуканов к месту. После установки каждого такого исполина, островитяне устраивали бурные праздники, во время которых сжигали в гигантских кострах неисчислимое количество дров и при этом с гордостью поглядывали в сторону неприятеля. Те, в свою очередь, проделывали то же самое: возводили на зависть врагам еще более высокий и роскошный монумент, жгли по этому поводу праздничные костры, целыми неделями танцуя вокруг них и шумно ликуя.

Похоже, возведение памятников стало основной целью в жизни островитян. Самое ужасное, что это соревнование вылилось в новое вооруженное противостояние и достигло наивысшего предела: сотни островитян были уничтожены, а взаимная ненависть продолжала полыхать.

Новорожденным младенцам давали имена памятников, а памятникам – имена героев, павших в битвах. Вся жизнь, мысли, мечты, чаяния островитян были сосредоточены только на памятниках и вокруг памятников.

4

Лес постепенно вымирал. Соперники начали красть друг у друга заготовленные бревна. Это только усиливало вражду. В результате бесчисленных столкновений пограничная стена была разрушена, а вместе с ней разорено и все вокруг. Остров пришел в упадок, и враждующие стороны, чтобы перевести дух от нескончаемых побоищ, заключили

между собой перемирие. Они занялись восстановлением стены и погребением павших соплеменников.

По мере исчезновения леса ухудшались условия жизни на Острове: животных становилось всё меньше – многие виды были уничтожены; растительный мир тоже пострадал; птицы навсегда покинули несчастный Остров. А люди... Они стали голодать. Их жадные взоры обратились к океану: все их надежды найти пропитание теперь были связаны только с ним. В разрухе и запустении никто не заметил, как неприхотливые и редко показывавшиеся крысы вдруг, как саранча, захватили все окрестности. Мерзкие твари свободно разгуливали вдоль берегов, заполнили подвалы, хозяйничали в жилищах. Вконец оголодавшие люди отлавливали крыс и, изжарив на огне, не брезгуя, поедали их.

Вслед за голодом на Остров обрушился еще один удар судьбы – начался мор. Чудом спасшиеся в беспощадных войнах люди стали поголовно вымирать. Почти не осталось островитян, способных обтесывать, передвигать и устанавливать камни. Но те несчастные, кто остался в живых, продолжали днем и ночью воздвигать памятники. Их труд был подобен эпидемии.

Ситуация ухудшалась и дошло до того, что соплеменники начали поедать друг друга. Но, что поразительно: те, кто пока оставался в живых, и у кого хватало сил, просыплись с мыслью о памятниках и до глубоких сумерек продолжали работать на единственном плато. Они падали в изнеможении, теряли сознание: среди камней находилось множество тел обессилевших или уже умерших людей. Этих, чтобы не мешали, стаскивали в общую яму и, бросив на прощание горсть земли, возвращались к изнурительной работе. Вскоре не осталось ни одного воина, способного взять в руки саблю или копье, чтобы сражаться. У оставшихся в живых были лишь орудия каменотесов...

Взошло солнце, закатилось солнце... Прошел еще один год. Исчезли даже следы тех, кто когда-то ползал, бегал, ходил по плоскогорью. На Острове осталось всего-то несколько сотен людей. А сам Остров представлял собой жалкое зрелище – здесь царили голод, разруха, горе, беды и несчастья, унижение и подлость. Ни у кого не было ни сил, ни желания что-то восстанавливать. Войны прекратились – люди стали без опаски переходить из племени в племя. И тогда старейшины родов поняли, что настало время для переговоров. Послы из племени юноши отправились в племя, к которому принадлежала девушка.

Всё вокруг напоминало о войне, длившейся целую вечность. Казалось, Остров был наполнен стонами больных и раненых да зловещим уханьем сычей. Но вряд ли нашелся хоть один человек, кто обратил бы на это внимание. Поражало то, что люди без боязни ступали по территории противника – стена, столько лет разделявшая их, рухнула.

Послы принесли с собой большую толстую книгу в переплете. Поскольку не осталось ни одного целого жилища, послы и старейшины с горестным выражением на лицах расположились под открытым небом на деревянных обрубках, расставленных по кругу. Сопровождение было коротким. Делить было уже нечего, словно на Острове не осталось ни одной души, способной пожелать чего-то земного...

Отец юноши, открыв книгу, зачитал одну фразу. В ответ отец девушки сделал величественный жест, и ему тоже подали книгу. Открыв ее, он так же прочитал одну-единственную фразу. Все, кто присутствовал, согласно закивали головами.

Перемирие свершилось...

Третье путешествие

Спустя три дня все оставшиеся в живых из обоих племен собрались на берегу. В единственную уцелевшую на всем Острове лодку, пригодную для плавания, посадили по одному представителю от каждого племени. Ими оказались... именно те самые юноша и девушка, которые с рождения видели только вражду и войну. Отчаяние и безысходность заставили вождей противоборствующих племен в знак примирения совершить этот поступок: один из них посадил в лодку сына, другой – дочь. Лучшего, чем отправить своих детей навстречу судьбе, они придумать не смогли. Но даже для такого случая не нашлось никакой провизии; в дорогу им дали несколько кувшинов пресной воды, кремень, сеть и удочку.

С тяжелым сердцем молодые люди прощались с родными. Неизвестность тревожила и пугала их. Но где-то в глубине души мерцал слабый огонек надежды.

Отплыв от Острова, юноша и девушка обернулись, чтобы, может быть, в последний раз взглянуть на родной берег, и обомлели. Их ошеломило то, что они увидели: памятники... на их каменных лицах застыла злая усмешка! Во времена раздора ваятели специально изображали на ликах истуканов сарказм – так они выражали свое пренебрежение к противнику. Но сейчас мрачная усмешка истуканов выглядела особенно зловеще. И тогда... горькая правда открылась молодым людям. То, чего раньше не понимали не только они, но и мудрецы и старейшины племен, вдруг нашло объяснение. Памятники – эти почитаемые камни – изгнали их. Теперь они владели Островом, властвовали над их Родиной и потому не скрывали своего злорадства.

Молодым людям хорошо было видно, что повсюду на крошечном Острове рядами, как солдаты-завоеватели, стояли памятники. Они оккупировали Остров, и ни человеку, ни птице больше не было на нем места. И юные изгнанники стали для Острова навеки чужими. Даже если они решат вернуться, чтобы уничтожить памятники, они не смогут этого сделать. Не камни, а сами люди и есть та злая сила,

которая погубила их Родину и их самих. Памятники – это порождение их внутреннего «Я». И если бы люди вовремя поняли эту истину, то и судьба их была бы иной. Скольких ошибок можно было бы избежать, спасти все живое на Острове, уберечь от бесполезной гибели своих соплеменников. Тайна открылась, но... поздно, слишком поздно. Юноша и девушка это поняли. Может быть, Создатель смилостивится над ними и направит их лодку к другому – счастливому – Острову, где всё будет по-другому – кто знает?.. Ведь намерения у них добрые.

Добрые намерения – замечательно, вот бы еще все проблемы решались только намерениями. Увы, в действительности все обстоит иначе, и сейчас реальность заключалась в том, что молодые люди остались совсем одни. Их племена, а значит и они сами, долгое время враждовали и упустили слишком много драгоценного времени. Но теперь-то юноша и девушка находились в одной лодке, их соединяла одна судьба и чувство, что они – единственная надежда для их гибнущего народа. Да, они это понимали, но не могли вот так сразу преодолеть преграду, порожденную тысячелетней враждой; они не могли найти нужные слова, совершить верные поступки. Юноша молча работал веслами, девушка, сидя на другом конце лодки, всматривалась в безбрежную даль океана.

Наконец, юноша первым решился нарушить молчание. Отложив весла, он осторожно достал какую-то вещь, завернутую в тряпицу, и, с гордостью взглянув на девушку, произнес:

– Это наша книга!

– А это наша книга! – сказала девушка.

Обе книги отличались и по форме, и по виду: одна была небесного, а другая серо-землистого цвета. Но, раскрыв их, оба поразились тому, что содержание оказалось абсолютно одинаковым, словно это была одна книга. «Сон это или явь?» – они вопросительно смотрели друг на друга. Могла ли быть у враждовавших и веками уничтожавших друг друга племен одинаковая книга? Но глаза не обманывали! Сев рядом, юноша и девушка принялись внимательно, страницу за страни-

цей, изучать обе книги, сравнивать одно за другим полустишия. . . Книги только на первый взгляд казались разными, но по сути оказались одинаковыми: они были написаны одним языком, одним Автором, даже одними чернилами; сомнений не осталось – это были два экземпляра одной книги. Но почему же тогда сердца и умы читавших воспринимали их по-разному? Почему не находили общего языка?..

Возмущенный юноша хотел выбросить в воду свою книгу, но неожиданно девушка резко выхватила ее у него из рук.

– Не спеши! – сказала он взволнованно. – Может, мы – ты и я – заново прочтем и поймем написанное. Дело ведь не в книгах; а виноваты те, кто их читал, но так ничего и не понял!

– Какая от этого польза? – сказал юноша. – Наши предки тысячу лет читали эти книги, берегли, не расставались с ними, а в результате, что в результате? Мы – этот окаянный результат?! Ты посмотри, до чего мы дожили. . . Нет, эти книги не принесли пользы нашим отцам и нам они не понадобятся. А раз так, от них надо отказаться, понимаешь, избавиться!

– Ну, откажешься, а дальше, дальше, что будем делать?

– Мы напишем свою книгу, слышишь, свою книгу, которая будет понятна и полезна людям.

– Она у нас уже есть, в наших руках такая книга! Надо только руководствоваться ею.

– Нет, от них надо быстрее избавиться, – сказал юноша и протянул руки к книгам.

Девушка промолчала, но, взяв книги, перебралась на другой конец лодки, и это ее поведение было категоричнее и выразительнее слов.

Юноша долго и испытующе смотрел на нее. Он ждал: «Вот, перейдет на мою сторону, сядет рядом и отдаст мне книги, которые не смогли помочь людям найти правильный путь, или одумается и сама выбросит их в океан». Однако прошло немало времени, но девушка не издала ни звука. Видимо, она была не из тех, кто с легкостью изменит свое решение и расстанется с книгами. Никогда! Если юноша попытается их отнять, она сама бросится в воду вместе с книгами.

Так они просидели всю ночь. Наконец, плотная темная завеса на небосклоне рассеялась, и бледно-желтые лучи солнца постепенно заполнили светом все вокруг. Юноша налег на весла и принялся грести.

Если судьба смилостивится и направит их, как когда-то их предков, к новому Острову, где шумно текут прозрачные ручьи, жизнь начнется сначала... И тогда, быть может, как говорит девушка, они заново откроют книги и будут читать их внимательно и вдумчиво. Главное – следовать прочитанному. На их земле никогда не будет войн, все будут жить в мире и согласии, они создадут райскую страну... Размышляя так, он почувствовал необыкновенный прилив сил и с воодушевлением принялся работать веслами. Девушка, поняв его состояние, пересела ближе к нему.

На седьмой день странствия, на рассвете, когда темное небо озарилось золотыми лучами солнца, у горизонта, над плывущей лодкой, в вышине под пуховыми облаками, щебеча, словно оповещающая о чем-то важном, парили две белые птицы...

Перевод С.Камиловой

ЗАКРЫВ ГЛАЗА – ЧЕЛОВЕК ПРОЗРЕЛ

(Рассказ-сон)

Едва открыв глаза, я всем своим существом почувствовал: мой учитель умер. О, Создатель!.. Горькая весть заставила быстро собраться в дорогу – чтобы успеть на похороны.

Выйдя из дома, я устремил взгляд к небу, по нему, касаясь горных вершин, плыли огромные белоснежные, как покрывала, облака. Невольно я залюбовался их красотой, и необъяснимое волнение проникло в моё сердце. Но в тот же миг, устыдившись неуместных чувств, я отогнал их и пустился в путь, сосредоточив внимание на мысли об учителе.

Я вспоминал время, проведенное с ним, его мудрые советы. Неужели они обернулись платой за грехи обоих миров?.. От этой внезапной, мучительной догадки я заплакал. «Выходит, и мудрецы умирают, – думаю я, стирая ладонью слезы с лица, – умирают как простые смертные!» В это трудно поверить...

Куда идти? К обители мудреца. Он покинул нас, покинул как все! Неизбежность смерти оказалась сильнее человеческой мудрости, и все сущее в этом мире обречено на смерть... Обидно.

* * *

Продолжаю путь и думаю: «Почему иду пешком? Разве нельзя доехать, или – не на чем? Наверняка ведь найдется какая-нибудь, пусть даже ветхая, коляска, запряженная лошаадьми». Но постепенно начинаю понимать, что смотреть надо не по сторонам, а под ноги, потому что иду босой, и оттого заметна каждая колбочка, и острые камни причиняют боль. Кожа на ступнях потрескалась, проступила кровь. Продолжаю идти и упорно думаю об избранном мною пути. И вдруг, неожиданно, пришло осознание того, что именно препятствия приведут меня к учителю. Откуда взялось это озарение? Странно, очень странно...

А впереди поджидало новое испытание. Передо мной возник перекресток – четыре дороги, ведущие в разные стороны света. И неизбежный вопрос: «В какую сторону выбрать мне путь», – неотвратимо возник передо мной, как гора. (Этот вопрос показался мне тогда таким же значимым, как Великая гора Улугтог).

И вот, пока я гадал, какая из четырех дорог приведет меня в страну моего учителя, я вдруг ощутил, как в моей груди что-то растаяло, словно лед. И я понял: это растаял вопрос величиной с ледяную гору; только что он преграждал мне путь, а теперь растаял внутри меня...

Но тут случилось невозможное: я каким-то необъяснимым образом смог одновременно пойти по все дорогам. Видите, я иду в сторону рассвета и в то же время направляюсь в сторону заката, я одинаково двигаюсь в сторону зноя и в сторону холода. Внутренний голос шептал мне: «... там, где рассвет, живут люди, чья кожа имеет цвет спелой пшеницы, в стороне заката – белолицые, а там, где жарко, невыносимо жарко, – темнокожие-е-е...». Я был потрясен: мне показалось, что слышу живой голос учителя. И страх объял меня «Он же умер, умер!»

* * *

Губы мои высохли, как такыр¹, рот наполнился горечью. Что мне делать? Был бы жив учитель, думал я, он бы объяснил и указал верный путь. Одним примером-символом разрешил бы непонятную ситуацию. Стоит ему только посмотреть себе под ноги и поднять, скажем, хрупкую соломинку. В мгновение ока она превратилась бы в его пальцах в ключ, которым он открыл бы сундук моего сложного состояния – хранилище необъяснимого. Я уверен: всё сразу встало бы на свои места. Знаете ли, в момент, когда затмение овладевает разумом, сила и магия умного слова становятся значительнее и привлекательнее, чем жизнь во мраке, да....

Учителя нет. Горе мне! Будто небо обрушилось на мою

1. Пустынное знойное место.

голову и своей непомерной тяжестью вдавило моё тело в землю; вот-вот, еще немного — и жизнь покинет меня...

Учитель — властелин знаний — ушел в вечность. Как теперь жить без знания-сути? Что останется от личности, если отделить от нее знания, лишитъ сути?.. Сможет ли то, что останется, называться личностью?.. Одиночество окружило меня и, как в бездну, потянуло в неизвестность. И я вновь остро ощутил необходимость мудрых слов. Но учителя нет, а все его рукописи, конечно же, остались в его доме. Отыскать их? Перечитать от первой до последней буквы, понять, что творится в твоей душе, и только тогда продолжить путь?..

Вспомнилась старинная притча. Человек, пожелавший набраться знаний, отправился в далекую страну. Там он собрал множество умных книг, погрузил их на осла и тронулся в обратный путь. Вдруг в безлюдном месте дороге ему преградил разбойник. Он отобрал у несчастного путника всё, что у того было. Человек заплакал и стал умолять разбойника: «Оставь себе деньги, моего осла, мои пожитки, но верни мне книги. Зачем они тебе? А я без них никто, в них заключено знание, без которого я умру, и жизнь моя не будет иметь смысла.

Усмехнулся разбойник и произнес слова, которые открыли глаза несчастному искателю знаний.

— Что ты за глупый человек — сказал разбойник. — Знание должно находиться в душе и твоей голове, а ты погрузил его на какого-то осла. Я-то могу сейчас вернуть тебе книги, но что случится, если по дороге ты встретишь другого разбойника? Пожалее ли он тебя, как я?..

Человек понял свою ошибку и урок, преподанный ему разбойником. Вернувшись на родину, он с большим воодушевлением и старанием принялся изучать науки.

* * *

О, Господи! Сейчас я похож на того невежу. Нет учителя – нет меня, нет его мудрости – опять же нет меня! Слезы подступили к горлу. Разве к лицу человеку быть таким ничемным?..

Охваченный горестными раздумьями, я огляделся: передо мной была дорога, похожая на прежнюю. Вознеся молитву Всевышнему, я понял, что до этой минуты шел одновременно и на запад и на восток. А раз так, то какой смысл возвращаться к исходной точке?.. Из глубины памяти возникли слова учителя: «Человек, потеряв что-то, принимаете искать потерянное и с правой стороны, и с левой, и над головой, и под ногами. Если найдет, то больше нигде искать не будет, ведь он достиг своей цели».

* * *

Я шел без остановки очень долго, пока дорогу не преградил огромный город. Видимо, это был самый главный город большого народа. Центр. Столпотворение. Никто не обращает на меня внимания. Все вокруг пребывали в каком-то подавленном состоянии, будто были в тисках сильного угнетения. Казалось, какое-то общее горе лишило их жизненных сил, у них были глаза осиротевших ягнят. И в то же время, на их лицах то и дело появлялась такая вымученная улыбка, словно кто-то заставлял их улыбаться сквозь слезы. И покорная община через силу выполняла неизвестно откуда идущее повеление. Кто же посмел объявить траур свадьбой?!..

* * *

Я оказался в гуще толпы. Вглядываясь, начинаю различать странный предмет, находящийся в центре столпотворения. Внимательно приглядевшись, я понял – там, на возвышении, стоит гроб, и все эти люди стремятся к нему, чтобы проститься, прикоснуться и, таким образом, получить последнее благословение. Вдруг какая-то неведомая сила повлекла

меня к месту поклонения и мое сознание, как ослепительная вспышка, озарила внезапная мысль: там мой учитель!..

О, Создатель! Неужели я достиг твоей священной цели?!..

* * *

Мне казалось, никто в толпе по-прежнему не замечает меня. Но так мне только казалось. Люди расступались, давая дорогу, пропускали вперед – они словно помогали мне как можно быстрее добраться до учителя. Удивляясь и стараясь не упустить эту возможность, пробираюсь вперед.

Но странно: цель была близка, но идти пришлось слишком долго. Так долго, что весь путь, до этого пройденный от самого дома, показался мне коротким. Возможно, я ошибаюсь. Может быть, с точки зрения пространства, эти расстояния вовсе не одинаковы. Но есть еще и временная дистанция – для мучений! И потому, пока пробирался через толпу, оба расстояния показались мне почти одинаковыми – почти, потому что дистанция мучений всегда длиннее.

* * *

И в тот миг, когда путь показался бесконечным, я неожиданно оказался у цели – гроб находился прямо передо мной. По крайней мере, я увидел себя стоящим у изголовья этого вместилища скорби, покрытого зеленым покрывалом. А может, это сон обманывает мои глаза? Или неведомый шутник вздумал сбить меня с толку своей сказкой?

Но то, что я видел, не было ни сном, ни сказкой. Происходившее со мной было явью и правдой!

Мое внимание привлекли люди, окружавшие меня. Я смотрел на них с удивлением, словно видел впервые, – насколько все они разные. По одежде можно определить, кто богач, кто бедняк, кто торговец, мясник, крестьянин, пастух... все перемешались – и белые, и черные, и желтые...

Я спохватился, вспомнив, зачем я здесь, и, стараясь не нарушать ритуал, наклонился над покойным и стал припод-

нимать саван, чтобы увидеть его лицо. В следующее мгновение, в великом смущении, я быстро опустил саван. Господи, кто это?! Он не похож на учителя! Нет, он похож лицом, но...цвет лица... он темнокожий... Почему он похож на африканца?

Я остолебенел. Куда я попал? Ошибся?.. Чтобы убедиться, снова открываю лицо – так и есть: это не учитель; возможно, умерший – кто-то из великих людей здешнего народа.

* * *

Я ощутил спокойствие и стремительно пошел прочь.

Я шел, куда глаза глядят. Так было в самом начале, когда мне казалось, что, в какую бы сторону я ни направлялся, я двигался к цели. А что на самом деле? Я попал на чужие похороны – это ли не доказательство моего заблуждения!..

И все же моя изначальная уверенность оказалась сильнее. Прогнав мысль о заблуждении, я продолжал путь.

Дорога... раздумья... воспоминания... Всё ведет к учителю!

* * *

И вот я вижу. Незнакомый красивый народ...волнующаяся, как океан, толпа, и над ней в самом центре зеленый-зеленый корабль; его передают с рук на руки – и он словно плывет по волнам. А люди идут вслед за кораблем.

Я вливаюсь в этот живой поток. Я чувствую, мой дух удручен: «Учитель, неужели проститься с тобой суждено на самом краю света?» От уныния я еле передвигал ноги, спотыкаясь на каждом шагу. Сила потока вытолкнула меня вперед и я, безвольный, подставил плечо под гроб. Иначе, подумалось мне, лег бы навечно лицом в землю под тысячами ног. О, Создатель! Нетрудно представить, что стало бы со мной потом. Никому еще не удавалось выбраться живым из-под ног тысяч людей, ослепленных и забывших обо всем на свете, кроме своего горя.

На кладбище гроб сняли с плеч и опустили на землю. И, как в прошлый раз, я поднял покрывало и взглянул на усопшего. О, Господи, за что мне это?! Кто он — этот лежащий передо мной? Почему его лицо, брови, волосы, борода имеют цвет спелой пшеницы?.. Не к нему я шел. Это не мой учитель!

Куда меня занесло в этот раз?..

* * *

Покинув кладбище, я снова брёл, куда глаза глядят. И увидел, что не будет конца моим блужданиям. Другой край открылся передо мной. Господи, вскричал я, доколе мне скитаться по свету в поисках места, где почил мой учитель? Почему я все время оказываюсь не там, куда стремлюсь?..

Ни очередной город, ни толпа на площади не удивили меня. И здесь я столкнулся с уже знакомыми картинами. Снова погрузился в толпу, а дойдя до места, где пребывал усопший, без промедления открыл его лицо — лицо простого смертного, такого же, как мы все. Меня это больше не удивляло. Я выбрался из толпы.

...Знать бы, куда теперь идти. Где искать учителя? Взгляните на меня: где мои крылья, где гордость и стойкость? Сколько нужно совершить ошибок, чтобы дойти до предела? Я потерял цель, я потерял себя. Я сделал то, что было в моих силах, - а дальше что? Посмотрите на меня: какой результат вы видите?.. Видимо, судьбе угодно вместо встречи с учителем каждый раз сталкивать меня с кем-то похожим на него, да еще вдобавок умершим! Да было что-то общее в чертах лица, какое-то неуловимое сходство, не более того... Но никто из них не был и не мог стать моим учителем! Так в чем же заключается тайна?! Я не мог понять и только почувствовал, как усталость овладевает мной.

* * *

Меня измучили, измотали сомнения. Должна же непременно быть дорога, которая приведет меня к намеченной цели!?. Но, как видно, идя куда попало, я зря стараюсь дойти до нее.

* * *

Что же получается? Ходил, странствовал, искал – и в итоге оказался на том же самом перекрестке... Огляделся по сторонам – на все четыре стороны – и вернулся к прежнему вопросу: куда идти? Какая из дорог, недостижимо далеко растянувшихся во все концы, приведет меня к учителю? Остается одно: отыскать ее – одну-единственную верную дорогу.

* * *

Долго я стоял неподвижно. Прошли дни, потом годы, за ними века. Я уловил ход времени, стоя в центре перекрестка, вдали от людей, вечно спешащих в разные стороны. Я не видел их лиц, не слышал их речи. Одни времена сменялись другими. Странно, почему я не старею? Почему не рождаюсь и не умираю, как те миллионы людей? Вопросы не оставляли меня и мучили своей безответностью. Вместе с тем, во мне жила надежда и пульсировала мысль о том, что мне нельзя умирать. Я знал: если это случится, завершится мое странствие и останется нераскрытой какая-то главная тайна – потому что именно я нахожусь в центре всех событий. К тому же, я обязан найти учителя; это будет последняя встреча; я увижу его лицо и запомню навечно. Вы спросите: зачем? Признаюсь: у меня нет ответа.

* * *

Я вглядывался в дороги, лежащие передо мной, – глаза мои покраснели и сами закрывались от тяжести и боли. Протираю их – не помогает. И тут внезапная догадка поразила меня: ведь я могу умереть, так и не достигнув цели. И тогда... тогда я подчинился этой мысли и, закрыв глаза, отказался от зрения – совсем, полностью!

И так, стоя посередине перекрестка, я обратил закрытые

глаза к небу и невольно поднял обе руки, как птица, собирающаяся взлететь. Потом одна рука указала на небо, а другая – на землю, голова сама повернулась вправо, и я стал кружиться на месте, как юла. И почувствовал, что весь мир кружится вокруг меня – понимаете? – весь мир!!! Все дороги на свете воссоединились со мной – и я стал их истоком! Это чудесное чувство меня самого воссоединило с мирозданием, я слился с миром, превратился в мир, и в это мгновение я понял: то, что я искал, странствуя по свету, есть у меня – оно во мне.

* * *

Пока кружился, мои закрытые глаза наполнились светом – и я прозрел. Первое, что я увидел, были облака, будто укрывающие высокую гору, как белоснежные покрывала. Что-то в них изменилось, но что именно я еще не осознал. Когда облака, постепенно снижаясь, приблизились ко мне, я понял, что они стали похожи на зеркало. Я продолжал кружиться. Покрывало упало с вершины горы, показалось солнце. Его золотые лучи осветили зеркало – и в нем отразился я. Я не мог остановиться и продолжал кружиться. Один виток – и мое лицо стало черным, другой – и оно пожелтело, после третьего витка лицо приобрело белый цвет. О, Создатель, я не понимаю, как такое могло случиться. Может быть, это волшебство? Откуда вдруг взялась эта череда странных превращений, ведь менялся не только цвет лица: после первого витка я увидел, что стал точно таким, как тот... черный человек в гробу, потом обратился в человека с кожей пшеничного цвета и, наконец, приобрел привычный облик белого человека.

А затем все эти образы неожиданно перемешались, и из этого смешения поднялся во весь рост и предстал передо мной... учитель! Учитель!!! Вы слышите!? Мой учитель - живой! Мягко улыбаясь, он посмотрел на меня - и я услышал:

Нет ничего, что не нашлось бы в мире,
Чего желаешь, найдешь в самом себе.

*Перевод М.Гара,
Э.Вали*

КАМЕНЬ

(Рассказ)

Непонятная тоска охватила меня. Нет, я, конечно, догадывался о причине такого состояния. Но важно не это, а то, что произошло вскоре.

Человеческая душа, словно дрожащий на ветру лист дерева, подвластный малейшему дуновению, но, если это так, почему же тяжелая тоска с упрямым постоянством разъедает мне сердце? Почему не проходит, не оставляет меня в покое?.. Не знаю. Наоборот, мрачная безысходность, заполняя все мое существо, крепнет, материализуется, превращаясь в огромный, тяжелый камень. Естественно, меня, как и каждого, иногда отвлекают мимолетные впечатления, радости, но вскоре я вновь впадаю в прежнее состояние, спотыкаясь о тот же камень в глубине души. Тогда мне начинает казаться, что я отъединен от мира, будто бурная река отделяет меня от прочих людей: они на одном берегу, а я, один-одинешенек, на другом. Все погружается в сумрак, меня охватывает панический страх; одиночество ужасает, но, удивительно, я почему-то не спешу избавиться от него, переплыть на другой берег, смешаться с толпой. Такое чувство, будто я тяжело и неизлечимо болен, а на том берегу все здоровы. Это недуг обрекает меня на вечное одиночество, отделив от людей, поставив непреодолимую преграду, и теперь я не могу переступить через нее, общаться с людьми, делить с ними горе и радость.

Не знаю, как давно нахожусь я в капкане своей тоски, одиночества и тревоги. Боже мой, ни смерть не наступает, ни проклятый капкан не отпускает!

Вот и сегодня эта безысходность выгнала меня из дома. Тревога, тоска, тяжесть в груди стали нестерпимыми. Может быть, на улице я столкнусь с великодушием и добротой, и это снимет камень с моей души?! Он растворится, как камни в почках... ну, те камни, которые образуются на протяжении жизни в результате отложения солей, когда человек не бережет себя, не следит за режимом питания и прочее. Или соль, как камень... Как бы то ни было, если вовремя не принять меры, это может привести к печальным последствиям. Вот и я, нося камень в груди, подвергаю опасности и себя, и других. И если он не растворится, как камни в почках, не исчезнет, то пусть хотя бы утихомирится и осядет. Размышляя об этом, я бросился прочь из дома.

Я шел привычным тротуаром вдоль шоссе, надеясь зайти в ближайший парк, послушать осенние мелодии деревьев, птиц и вернуться. Шел очень медленно. Вдруг сзади слышались шаги. Через мгновение мимо меня, чарующе благоухая, прошла незнакомая женщина в каком-то блестящем наряде. Не знаю почему, я сразу обратил на нее особое внимание: то ли тонкий аромат, исходящий от нее, заворожил, то ли красивая фигура лишила меня рассудка! Я невольно ускорил шаг, неотступно следуя за женщиной и чувствуя, как меня все сильнее охватывает приятный трепет.

Сердце... ах, сумасшедшее сердце стало так биться, что я был вынужден замедлить шаг, чтобы его стук не услышала женщина.

В алых лучах заходящего солнца бледно-розовый с гранатовыми блестками наряд женщины был великолепен. Невольно подумалось: это и есть истинное воплощение вселенской гармонии. Её волнистые темно-каштановые волосы, ниспадающие на открытые плечи, развевались, возбуждая смутные желания и фантазии о мистической природе красоты. Женщина подобно пурпурному кораблю плыла в ярких волнах-лучах заката, а я, не отрывая глаз, семенил за ней.

Её ноги!.. как только я увидел их, у меня, по правде говоря, захватило дух и, чтобы хоть как-то прийти в себя, я

быстро отвел взгляд. Они были настолько изящными и умопомрачительно красивыми, что невозможно описать! О, Создатель! Я был вконец очарован! У меня словно выросли крылья: в нескольких шагах от меня шло самое прекрасное существо, какое могла создать природа. Я испытывал такое блаженство, что готов был даровать этой красавице свою вот уже много лет скорбящую душу, а если точнее, ради нее я бы отдал свою жизнь Джебраилу. Наконец я встретил сокровище, ради которого не жалко жизни. Теперь только бы не упустить ее, не потерять счастливую возможность, подаренную судьбой. Меня всегда страшила мысль о тихой смерти в глубокой старости в привычной домашней постели, в окружении родных и близких.

Словом, я как тень все следовал за ней, мысленно обращаясь к Богу: «Помоги мне!». Ноги женщины пленили мое сердце, опутали его невидимыми нитями, каждый ее шаг отдавался в моей груди. Вспомнилось выражение: «Грациозно парила!» Да-да, она не шла, а парила, околдовывая и чаруя. На миг у меня потемнело в глазах, закружилась голова, помутился рассудок. Я хотел отстать, отдалиться от нестерпимого сияния ее красоты, хоть немного прийти в себя. Однако ноги не слушались меня. Что ноги, теперь все мое существо, моя судьба были в руках этой женщины, в плену ее бесконечно чарующей беззвучной мелодии, обещающей вечное блаженство. Да-да, я в плену!..

Мне казалось, что только теперь я постиг истинную суть слов: внешность, походка, весь облик женщины зазвучали волшебной мелодией, которую я чувствовал всем сердцем, всем своим существом, и, словно растворяясь в ней, безраздельно отдался ей, двигаясь с ней в такт и слившись с закатом, вплыл в осенний парк. Все изменилось вокруг, да что вокруг, изменился мой мир – невыносимый, тягостный, мучительный, исчезло гнетущее ощущение тяжелого камня, разрывающее грудь.

Боже, в мире столько тепла и счастья, а мы в неведении!..

Пройдя через парк, мы снова вышли к шоссе. Женщина

свернула к рынку. Я шел следом. Она задержалась возле какой-то очереди. Я тоже приблизился и остановился в стороне на расстоянии, позволяющем ощущать нежный аромат женщины. Как я решился на это – сам не знаю. Я чувствовал, что гибну, словно тающая свеча.

Женщина заинтересованно что-то разглядывала. Тогда я увидел ее лицо, подобное полной луне; длинные ресницы, изогнутые брови, губы, как бутон. Моему волнению не было предела. Непроизвольно я прижал обе руки к груди, мне казалось, что сердце – чтоб ему! – вот-вот выпрыгнет оттуда.

– Что стоите? – кто-то легонько подтолкнул меня в плечо. Я шагнул вперед и неожиданно оказался рядом с огромной посудиной, заполненной еще живыми рыбами. Обессиленные без воды, они слабо трепетали, судорожно вспрыгивая вверх. Почему-то я украдкой глянул на женщину: о господи, ее глаза светились каким-то хищным блеском! При каждом всплеске рыбы она, как кошка, готовая к броску, хищно причмокивала и облизывала свои красивые полные губы. Ее рот мне показался кровавым. Может, алый закат так высветил помаду на ее губах, или гранатовые блески ее одежды так отражались... Губы женщины выглядели окровавленными. Да ее рот был похож на окровавленную пасть хищника, только что расправившегося со своей жертвой.

Женщина что-то сказала продавцу. В ответ он бросил на чашу весов две большие рыбины. Одна ударила хвостом о край чаши. Глаза женщины дико сверкнули, она жадно слотнула. А продавец, придавив рыбу пальцами, как будто желая успокоить ее, посмотрел на стрелку весов. Рыба снова взметнулась. Стрелка беспорядочно заметалась. Продавец потерял терпение, снял рыбу, положил на стол и обрушил на ее голову гирю, как будто черным-пречерным камнем разможил маленькую человеческую головку.

Внутри у меня все оборвалось, внезапно тошнота подкатила к горлу. Я не успел отойти в сторону и вырвал прямо под ноги женщины. Стоявшие в очереди отпрянули от меня, как от прокаженного. Однако никто не ушел, не отказался от рыбы. Я

забрызгал ее ноги и белые туфли. Ворча (мне показалось, что она обругала меня) женщина извлекла из сумочки салфетку, вытерлась, и как ни в чем не бывало с жадностью, довольная, протянула руку за пакетом, который передал ей продавец.

Кто-то сочувственно спросил: «Что с вами?»; большинство же ругало меня. Продавец попытался прогнать: «Уходите прочь, всю торговлю испортили!» и – перейдя на *ты*: «Убери эту гадость!»

Какой-то пожилой человеку стал засыпать блевотину песком. Приглядевшись, я увидел, что он очень похож на меня. Только гораздо старше.

Больше я ничего не помню: как долго я еще находился там? Куда ушла женщина? Я словно опять ударился головой о большой Камень, лежащий в глубине моей души: голова, а с ней весь мир закружились, мгновенно исчезла звучавшая во мне волшебная мелодия; душу вновь охватила тоска, и в ее жестких когтях я снова почувствовал себя одиноким и несчастным...

В ту ночь я долго не мог сомкнуть глаза и лишь на расвете забылся тревожным сном. И увидел сон. С камнем в руках бродил я по улицам, разбивая в кровь головы случайным прохожим. «Ведь это... тот самый камень, что отягчал мою душу; как он оказался у меня в руках?! Почему? Для какой цели?» - мучительно размышлял я, но не мог прекратить своих зловещих действий, не мог остановиться. Лица случайно встреченных людей – старых и молодых, мужчин и женщин, словно пурпурным отблеском заката, были обгарены кровью. Прислушавшись к себе, я почувствовал, что меня переполняет злое желание, взобравшись на вершину, забросать камнями Солнце – начало всякой жизни.

И только одна страшная картина настойчиво терзает меня, возникая снова и снова: разможенная голова рыбы и кроваво-красный рот женщины. Это видение бесконечно кружит, вертится, бешено мелькает в моем сознании.

Перевод С.Камиловой

ПАРА СЛОВ

(Рассказ)

Муж и жена сели в машину и отправились на дачу. Дорога была долгой, говорили о разном. Особенно остроумные шутки мужа развеселили женщину так, что она просто хваталась за живот. «Хватит, хватит, пожалуйста!» – восклицала она, то и дело хлопая мужа по плечу. Словом, было так весело, что машину чуть ли не на себе приволокли. По пути заехали на базар за покупками. Неторопливо шагая вдоль прилавков и перешучиваясь с продавцами, взяли все необходимое.

– Даст Бог, отныне наша жизнь станет еще краше! – сказал муж, усаживаясь в машину. Он с любовью посмотрел на жену, а она улыбнулась в ответ.

– Милая, наконец-то пришло время, когда дети подросли, и мы спокойно можем пожить для себя. – Мужчина нежно коснулся руки своей спутницы. – Теперь каждый день у нас будет праздник!

Наконец, добрались до места. Настежь открыв железные ворота, супруги вошли во двор. Там их встретило обновленное время года.

– Посмотри, жена, осень приехала вместе с нами. Вот ведь как, а мы и не заметили, – сказал муж, глядя на большие деревья, окрашенные золотом. – Даже по дороге не обратили внимания...

Пока он выгружал из машины продукты и вещи, женщина подошла к бассейну и присела на корточки. Раздвинув опавшие листья на поверхности воды, она стала разглядывать свое отражение.

– Разве столько зеркал вам недостаточно? Лучше подойдите и посмотрите в зеркало моих глаз, в них вы все

еще та же, совсем не изменились, – ласково сказал муж, непроизвольно обращаясь к жене на *вы*.

Женщина улыбнулась с бесконечной благодарностью.

Супруги принялись за дело. Жена принялась наводить порядок в доме, который не был еще до конца достроен. Дом уже давно был без присмотра, поэтому она тщательно подмела, убрала и внутри, и снаружи. Муж тем временем наколот дров и развел огонь. В мгновение ока дача превратилась в уютный уголок, словно ангелы наполнили его своим дыханием и теплотой.

– Когда будет готов обещанный плов? – слышался нежно-капризный голос жены.

– Мы не заставим вас долго ждать, моя госпожа! – прокричал муж, тонко нарезая морковь. – Если через час не накрою стол, провалиться мне на этом месте.

– Типун Вам, Вы же знаете, что ангел ловит каждое сказанное слово. Подольше варите, вкуснее будет.

– Как пожелаете, душа моя. Я же сказал, теперь будем жить только для себя, для вас буду жить! Сейчас приготовлю поджарку для плова, только соль проверю, и поведу вас к реке.

– Того гляди, не утонуть бы...

– Не беспокойтесь: до сих пор не пустили вас по течению, будем беречь и впредь.

Взяв жену за руку, мужчина помог ей спуститься к воде. Эта река – один из притоков Чирчика, местные жители называют ее Захарикдарё. И в самом деле, приток большой, но что-то ему все же мешает быть похожим на настоящую реку, и, видимо, поэтому в его названии присутствует слово «арык»¹. Любопытно: с одной стороны – вроде река, а с другой – канава. Да вдобавок к этому в название протока закралось еще одно слово – «зах»². Но, согласно простой логике, там, где река, должна быть и сырость. Забавно, но каждый, глядя на Захарикдарё, видит в ней своё: для одно-

1. Арык – небольшой оросительный канал.

2. Зах – сырость.

го это просто поток грунтовых вод, для другого – канава, а третий увидит реку... Каждый в этом мире получает удел, равный его мечте. Но с другой стороны, если эти трое неизвестных окажутся одним человеком и он скажет, что за течением Захарикдарё наблюдал словно за жизнью, в трех её периодах, то это обретет совсем иной смысл. Например, он скажет, что в молодости видел реку, в зрелом возрасте – канаву, а в старости – только затхлую сырость... как вам такое? Жизнь, как утверждают философы, это наше о ней представление. Человек сталкивается лицом к лицу с тем, что желает видеть. Эх, разгадать бы эту тайну... но кому она под силу? Единственное, что осознал человек, это то, что в мире все не так, как кажется на первый взгляд, нет, совсем не так!

Сама по себе течет Захарикдарё. Она тоже оделась по погоде: накинула на себя легкое прозрачное платье, сшитое из ткани мягких волн. Такое легкое, точно задумала невзначай обнажиться.

Когда подошли к берегу, муж соорудил из пожелтевшей листвы что-то вроде коврика и постелил его для жены.

– Милости просим, – сказал он любезно.

Жена осторожно присела, а муж, не выпуская ее руки, пристроился рядом. Они молча наблюдали за плавным течением прозрачной воды. Потом, созерцая окрестность, говорили о разном. Неужели тысячелетнее утверждение о том, что «на самом деле человеческая жизнь сродни воде», в данную минуту обрело свое настоящее воплощение?.. А когда в душе тихонько заплакала грусть, мужчина поднес к губам пальцы женщины и по одному стал целовать их. Потом коснулся губами ее шеи, благоухающей французскими духами. Женщина засмеялась. Влечение мужа усилилось...

– Успокойтесь! Что будет с пловом? – Женщина тут же встала.

– Оставь, будь что будет, – муж снова попытался прижать ее к груди.

– Нет, идемте! – решительно сказала жена.

1. Кумган – медный кувшин с ручкой и носиком.

Они поднялись наверх. Муж направился к казану. Вода почти выкипела, он долил из кумгана¹. Подбросил в огонь пару поленьев, которые заранее нарубил и сложил возле казана. Он вернулся к жене. Женщина расположилась на топчане, стоявшем во дворе на возвышении. Отсюда хорошо были видны окрестности. Она сидела, опершись подбородком об деревянную перегородку. Погруженная в свои мысли, она застыла, устремив взгляд на величавые горы.

Муж подошел и обнял ее за плечи.

– О чем ты задумалась, моя принцесса?

– Так... ни о чем... – ответила жена рассеяно и мягко улыбнулась.

– Знаешь, что мы теперь будем делать? – Он посмотрел ей в глаза.

– Что? – спросила женщина.

– Жить! Жить по-настоящему!

Женщина ничего не сказала в ответ, только улыбнулась.

– Помнишь, однажды я пообещал, что сделаю тебя самой счастливой женщиной? И по сей день мое слово – зарок. Отступивший – трус! – Муж сел рядом с женой.

– Оглянись назад, душа радуется: у нас есть сын и дочь, мы воспитали их не хуже других. Имеем хорошую работу, строим свой мир, создаем в нем уют. То, чего мы еще достигли, – впереди; то, чего нет, – в прошлом. Жена, ну скажи, что еще может быть нужно человеку, а?! Теперь увидишь, отныне все будет еще лучше, намного лучше!

Жена улыбнулась, а муж снова приобнял ее. Потом она встала и пошла мыть рис, а муж, тем временем, проверил огонь под казаном и попробовал достаточно ли соли.

– Позволь оди-и-ин раз самому приготовить плов для тебя.

– Всегда же готовили.

– А этот будут другим, моя принцесса, другим.

– Что с вами сегодня, отец?!..²

Жена принесла чашку с промытым рисом, муж шумов-

кой начал перекладывать его в казан. В это момент кто-то с улицы окликнул его. Мужчина, крикнув: «Да, сейчас!», — передал шумовку жене и направился к воротам. Недолго думая и не дожидаясь возвращения мужа, женщина переложила в казан оставшийся рис и попробовала на соль: плов показался ей абсолютно пресным.

— Отец вы вообще солили?

Ответа не последовало.

Воображая себя знатоком, женщина посолила по-своему: разом всыпала большую ложку соли. Пока вода кипела, она стала ещё более соленой.

Наконец, уверенной походкой, сияющий от радости вернулся муж.

— Это был наш сосед, пожилой человек. Привез на машине печку, к зиме готовится. Я помог ему с разгрузкой. Говорит, что раньше не замечал, но с годами все сильнее чувствует, как холод пронизывает тело. А чем ты была занята? Да ты, я вижу, сама справилась с пловом! Подай-ка мне кочергу и чашку — я сам накрою казан.

В это время у жены зазвонил телефон.

— Алло! Да, подружка, привет-привет. Ты в порядке? — Защебетала жена и прошла в дом.

Муж, закончив приготовление плова, загасил огонь водой из кувшина тщательно вымыл руки, испачканные сажей. Вытирая их, он зашел в дом. Через приоткрытую дверь он услышал ее голос.

— Лучше не спрашивай, подруга, день такой бессмысленный, я просто умираю от скуки. Придумаю какую-нибудь причину, чтобы вернуться пораньше. Приходи ко мне вечером, развеем тоску...

Муж застыл, как памятник. Но, опомнившись, отступил назад. Растерянный, он вернулся к казану. Не зная как быть, он машинально оглядывался по сторонам. В сознании вертелась только пара слов. Эти слова изводили, будто назойливые мухи, залетевшие в комнату, — в мозгу беспрестанно жужжало: бессмысленный день! бессмысленный день! бессмысленный день!.. зыыынг, зыыынг, зыыынг...

Он ушел со двора и спустился к реке; присев на берегу, устался на воду.

– Что там с пловом?! – настиг его голос жены. – Эй, куда вы исчезли, отец?!

Муж, как пригвожденный, не мог двинуться с места. Жена нашла его.

– Эй, вы что, спите с открытыми глазами? – потормошила она мужа. – Даже не думаете, что там, может быть, плов подгорел, а?

«Ты говоришь о плове, а ведь здесь подгорает моя жизнь!.. Плов можно приготовить заново, а жизнь?.. Если она подгорит, как начать сначала?..» Все это он хотел сказать. Невыносимо хотел. Но увидел, что жена, как всегда, приветливо улыбается.

– Что с вами? Почему вы побледнели? Вставайте, идемте наверх. Вы не проголодались? – жена потянула мужа за руку. – Еще немного и мы бы остались без плова. Я его помешала. Получилось очень красиво. Подайте сами, Вы же любите красиво накрывать на стол.

Муж выложил плов на блюдо, поверх риса, словно бусы, красовались мясо, айва, чеснок, перец. Пряный запах лучшей зиры, исходящий от плова, щекотал нос каждому, настолько он был чудный и заманчивый. Но у мужа пропал аппетит, он был в таком состоянии, что в горло не лез даже глоток воды. Несмотря на это, он, чтобы не испортить настроение жене, присел. И даже постарался привести себя в прежнюю форму, делая над собой усилие.

– Ну-ка, начинайте, – сказала жена, подавая ему чай.

Муж попробовал плов и остолбенел: его лицо исказилось так, словно в рот положили не ложку плова, а ложку соли.

– Что? – осторожно спросила жена. – Что случилось? – Потом попробовала сама. – Солоновато, хотите сказать? Нисколько.

Муж промолчал. Хлебнув чаю, он попытался вместе с ним проглотить, то что было во рту. «Бог мой, – подумал он, – столько лет прожить со своей спутницей, и до сих пор

не знать ее вкуса. Конечно, я знал, что она любит соленое, даже больше, чем я. Но не до такой же степени!..»

– Хорошо, я всего-навсего слегка пересолила. Мне показалось, что плов пресный, вот я и добавила щепотку соли. Ничего страшного. Вон, река есть: вы же сами говорили, что вода целебная. Заварю чайник зеленого чая покрепче, заодно и прежние соли смоем. Берите, – жена снова ударила по блюду ложкой.

«Не один чайник, даже если заварю целую реку чая и выпью, не смоет всей соли, которая сегодня во мне!» – Нет, муж не произнес этих слов, прокричал их мысленно. Потому что, глядя на жену, он увидел, что она снова улыбается. В сущности, разве не всегда: так было смеялась, улыбалась, словом, мужу это в ней и нравилось! Именно поэтому он всегда был готов следовать за ней повсюду.

Ложка угодила не в рис, а невольно «субежала» к айве. Ох, похоже, и она впитала в себя всю соль. Муж снова чаем и хлебом протолкнул пищу. Жена не уставала проявлять учтивость. Остерегаясь риса и айвы, муж направил «посла» к мясу. «Переговоры» закончились также прискорбно...

Интересно, до наступления вечера погода была такая ясная, такая приятная, что душа наполнялась восторгом. А теперь небо нахмурилось, на нем появились облака, роняющие на землю свои блуждающие тени. А вскоре небо затрещало, осветилось вспышкой молнии, и хлынул ливень. Створка окна, рядом с которой стояли муж и жена, ударила о раму – оба от неожиданности вздрогнули.

С дачи они вернулись быстро.

* * *

Жена, как и прежде, была занята домашними делами, детьми, родственниками, соседями, особенно – подругами, но муж... в его «корабле» появилась трещина. Просочившаяся вода давила своей тяжестью и довела почти до крушения. Он запутался, не зная, что делать и куда идти. Он ведь так искренне желал этого момента, так ждал. «Как

только со всеми делами будет покончено, вместе с женой мы объездим все вокруг, будем делать и то, и это, многое увидим, не мечтал муж. — Э-эх, если начал считать, то числа найдутся — счета нет... До этого момента говорила: «работа, хозяйство», говорила: «Давайте встанем на ноги». Все исполнил, как душа желала, а теперь, когда можно жить по-человечески, да радовать жену... в один миг мечты потеряли смысл». Словно путник в пустыне, возносящий славу Всевышнему за то, что вон за тем барханом течет кристально чистая вода, он ждал, что доберется до цветущей долины. Но за барханом снова повстречался с пустыней. Его нынешнее состояние было похоже на положение того путника, обессиленного от жажды и усталости. Что теперь будет?.. Этот вопрос мучил его. И чем больше проходило времени, тем сильнее он сжигал его, отравляя все существо, словно попавший в рот соленый плов.

«Почему жена произнесла те слова? Неужели она столько времени жила со мной и не была счастлива, или в ее жизни есть кто-то, кто не дает ей тосковать?..» Сомнения стрелами ранили душу. Но как можно так думать, если до сих пор жена не дала ни малейшего повода, чтобы вызвать сомнения, не совершила ничего предосудительного. Сколько он наблюдал за ней после тех неприятных слов, но пусть обрушится небо на голову следившего мужа, если он нашел хоть пылинку, что смутила бы душу. Но почему же жена произнесла те слова, назвала «бессмысленным» такой прекрасный день? Если этот день бессмысленный, то каким же тогда должен быть наполненный смыслом?! Почему даже в такой радостный день она сетует, говорит, что ей скучно? От чего ее тоска? Когда, каким образом тоска успела заполнить ее душу? Почему муж этого не заметил, не почувствовал? Почему жена, чтобы излить душу, выбрала подругу, а не мужа? Чем все-таки занято ее сердце? Почему жена отреклась от того дня, когда они могли полностью посвятить себя друг другу и поспешила к болтливой подруге, наполнив вечер бездельем и праздностью?..

Конца и края не было вопросам, не было и определенного

ответа. Напротив, чем больше он думал, тем меньше понимал. А утрачивая понимание, еще сильнее раздражался, страдал и мучился... «Ведь всю свою жизнь, молодость, время, когда был полон сил, все чувства и мечты, да что уж там, все моё существо, разве не отдал я жене и детям?! Ведь все, что доставалось мне хорошего, я ковром расстилал у ног моей жены.

Почему же теперь она недовольна мною? Но если она чем-то недовольна, почему до сир пор молчит, почему не откроется? Почему до сих пор улыбается мне, до сих пор так смотрит? Непрекословя, делает все, о чем попрошу. Ведь такая жизнь ей не нравится, она для нее неприемлема! Неужели, смирившись с судьбой, которая ей нежеланна, она приняла ее как свою участь? Не находя иного выхода, она смиренно склонила голову? Она тратит свою жизнь, доверяя самое дорогое, самое сокровенное, самое важное, все свои душевные переживания этой болтливой подруге? Разве это жизнь?!

Проходят дни, недели, месяцы, а жена все такая же обходительная, услужливая; с лица не сходит улыбка, не иссякают приятные слова из ее уст. А муж?.. С каждым днем его сердце наполняется горечью соли. Сколько бы ни тешил он себя хорошими мыслями, как бы ни пытался отвлечься, — все было напрасно. Наконец, он признался себе: «Всё, что мог прожить с женой, прожил. Наши лучшие дни, счастливые мгновенья мы оставили в прошлом. Отныне наша жизнь уже не будет такой, как прежде. Всё стало похожим на тот злополучный день на даче, куда мы поехали, чтобы восстановить силы: до вечера погода ясная, небо чистое, мир светел, а вечер был похож на дни, которые начинаются ураганом, да, на такие дни... Согласно поговорке: «В месяце пятнадцать темных дней, а пятнадцать светлых». Следовательно, если одна сторона темная, то другая-то светлая. Но, в конце концов, эта монета выпала в его жизни обратной стороной, точнее, раньше она казалось светлой стороной, а на самом деле была темной. И ведь когда?! Тогда, когда жизнь наполовину пройдена. Что бы ни было, лишь бы итог был благополучным? Люди же так говорят!..

Время не стоит на месте, и пока продолжается его бег, яд, соли, наполнившей сердце, усиливается светлая сторона жизни, погрузившись в темноту, утонула в ней. Да, да, именно утонула. Наступило такое время, когда муж, оглянувшись на тот день, проведенный на даче, увидел, что он, как сказала жена, и в самом деле оказался *бессмысленным*. Да, целиком, с утра до вечера. А потом... потом все закончилось, и хуже того: нынешние *бессмысленные* моменты жизни поглотили без остатка те *содержательные*, которые были в прошлом. Раньше это *бессмысленное* было *одним днем*, а теперь оно, как ржавчина, стало истреблять всю *жизнь*. Даже те ее кусочки, которые давно уже превратились в прошлое. Муж листал в памяти самые счастливые страницы жизни, но это ему не помогало: на лист откуда-то упала одна капля чернил, а потом эта капля растеклась и овладела всей поверхностью, точно не к месту попавшая в плов та одна ложка соли, будь она неладна... Представьте состояние мужчины: он, словно упавший из гнезда птенчик, недавно оперившийся, с надеждой озирающийся, ищущий спасения. Но теперь его глаза видят не добрых ангелов, которые спасут его, а тучу назойливых мух, на чьих крыльях, дрожа от боли, он снова читает: *бессмысленный день! бессмысленная жизнь! бес-смы-слен-ная жизнь!.. зыыынг, зыыынг, зыыынг...*

Всего-навсего одна пара слов, всего лишь слова; стоит только сделать «пуф», как они улетят и растворятся в воздухе, эти сказанные слова. А знаете, ведь муж мог никогда и не услышать этих слов...

Перевод С.Бекмурзаевой

МУСУЛЬМАНИН

(Рассказ)

*Кто возвысит душу,
Тот восстановит разрушенную Каабу.*
А. Навои

С приходом весны во дворе поселилась птичка. Хусан раньше не замечал ее, но сегодня днем обратил внимание на птаху, порхающую с ветки на ветку. Странно, она почти не разлучалась с урючиной, накинувшей на себя белоснежный платок из цветов.

В свободное время Хасан не упускал возможности поддеть своего брата-близнеца Хусана, который витая в облаках как обычно сидел у окна, словно пригвожденный. Вот и сейчас: «Гм, опять тоскуешь? Лучше бы подумал о предстоящей беседе. Встреча со светлейшим шейхом Ахматом Жунайдом может перевернуть твою жизнь, Хусан! Эй, кому говорю?! Ты что, окаменел?!», – напал Хасан. Полное равнодушие брата раздражало его. – «Что ты ведешь себя так, будто получил путевку в рай?!»

Хусан не обращал внимания на его слова. Хотя раньше, как помнится, вступал в спор. Однажды они даже сильно повздорили. Это случилось перед тем, как братья собирались совершить омовение перед молитвой «нафл»¹. Соседский мальчишка попросил помощи в каком-то пустяковом деле. Хусан тогда ушел и припозднился. А по возвращению Хасан нравоучительно заметил ему: «Сначала молитва, потом помощь». Хусан что-то сказал в ответ, так, слово за

1. Нафл – дополнительная, по желанию верующего, молитва.

слово, между ними разгорелся спор, они раззадорились, как молодые петушки.

– Не будь консервативным фанатиком, ислам – религия великодушных. Даже если ты во время преклонения увидишь скорпиона, сначала отрази нападение, а затем обращайся к молитве, – горячился Хусан.

– Ну да, – отвечал Хасан, – такие разговоры лишь отговорка для тех, кто не в состоянии как следует исполнять свои обязанности. – Взяв книгу «Курьони карим»², он принялся слово в слово переводить и толковать выдержки из текста, хотя прекрасно знал, что Хусан лучше него владеет арабским. Мало того, он стал комментировать истории из жизни сподвижников четырех праведных халифов. Хусан тоже не молчал, доказывая свою правоту, приводил афоризмы святых: «Священные речи каждый понимает по-своему; на всем белом свете не встретишь мусульман, одинаково толкующих веру. У кого-то она сильнее, у кого-то слабее. Почему ты всех меряешь по себе, Хусан?» – кипел он от негодования.

Временами, когда такие дискуссии затягивались, сердце Хусана обливалось кровью, он выходил из дома и часами стоял под деревьями, изливая им свою душу. Потом... потом вдруг объявилась эта птичка. С ее появлением у него пропало желание спорить с Хасаном. Однажды он даже сказал ему со слезами: «Прости меня, глупца; не ведая, спорю; ты прав, как ни крути!». Растроганный Хусан обнял брата: «Будь тверд в своей вере!».

С тех пор жаркие, как взрывы вулкана, споры затихли. Хусан согласился с доводами Хасана в отношении веры. Согласиться-то согласился, но не изменился Хусан: каким был, таким и остался. Хоть и следовал он советам и наставлениям Хасана, но жил и мыслил как прежний Хусан. Интересно, неправда-ли?

2. Курьони карим – священный Коран.

Порой птичка безмолвно сидела на ветке в объятиях урючины, сплошь усыпанной цветами. Но на одном месте, она не засиживалась подолгу и поэтому Хусан торопился налюбоваться ею. Вот и сейчас она показалась лишь на мгновение, порхая с ветки на ветку. Хусан поймал ее взглядом, всем своим существом превратившись в зрение. Птичка сладкоголосо запела, лаская слух Хусана. Пела она увлеченно и самозабвенно. Душа Хусана, наслаждаясь, таяла, как воск, сам же он оставался недвижим, как камень. Прервав пение, птичка стала быстро вертеть изящной головкой, и Хусан увидел ее живые, испуганные глаза. Ему показалось, что она тоже взглянула на него, взглянула – и тут же скрылась среди ветвей. Ее нигде не было видно, но через какое-то время вновь послышался ее чудесный голосок.

– А ну, вставай! – резко окликнул его Хасан, выходя из дома с книгой. – Ну что ты за человек? Так ты всю жизнь потратишь впустую, глядя в окно. Когда же ты, наконец, сосредоточишься на предстоящей беседе? Это же не просто так, это соб-ра-ни-е, где участвует сам арабский шейх! Эй, если мы себя проявим как следует, то поездка за границу у нас, считай, в кармане.

В этот момент зазвонил мобильный Хасана и он, отвечая на звонок, отошел в сторону. Вернулся сумрачный и расстроенный.

– Отец болен.

Хусан рассеяно переспросил:

– Что?

– Ты что, оглох, я говорю: отец слег! – вышел из себя Хасан. – Глухой!..

– Вай, – перепугался Хусан, – Он резко вскочил и кинулся к брату: – Лишь бы не серьезно!

– Пока не известно... Что будем делать, Хусан? А здесь еще это собрание...

– Что ты говоришь, Хасан? Едем!

Ранним утром близнецы с легкими рюкзаками за плечами отправились в дальний путь. Выходя из дома, Хусан вдруг услышал мелодичные и задушевные трели не одной, а сразу двух птичек. Он остановился, внимательно вглядываясь в переплетения ветвей. Действительно, там сидели две птички, как две капли воды похожие друг на друга. Какая из них старая знакомая, а кто гостя, неизвестно откуда появившаяся, определить было невозможно.

– Смотри, Хасан, птичек теперь две, и они неотличимы как близнецы, – изумился Хасан.

– Хусан, давай ты не будешь с утра действовать мне на нервы. Дорога предстоит длинная, – торопливо заметил Хасан, обходя брата.

Вскоре, сев в такси, близнецы отправились к родным местам. Часа через три машина остановилась у маленького придорожного кафе.

– Покушаем? – Водитель, не дожидаясь ответа, вышел и засеменял в сторону забегаловки. За ним последовали муж с женой (они подсели по дороге), знаками приглашая близнецов последовать за собой.

– Нет аппетита, – произнес Хусан.

Идем, помолимся, – сказал Хасан, открыв дверь машины.

Место, куда они спустились, было весьма живописным. У подножия горы раскинулось широкое поле, сбоку шумела речушка, а на перешейке росли невысокие деревья: то ли обычные ивы, то ли плакучие – сразу нельзя было понять. Под деревьями текла кристально чистая вода. Хусан, опустившись на колени, ополоснул лицо и встрепенулся: «Ух, ты, какая холодная!»

– Так горная же, – Хасан присел на корточки около брата. – Ты совершил омовение?

– Совершить-то совершил, но до дом уже близко, может, там спокойно, не спеша помолимся?

– Молиться нужно вовремя, Хусан, ты теорию знаешь, как свои пять пальцев, а когда дело доходит до практики,

становишься каким-то нерасторопным. Вчера, на предписании о добрых делах, на котором, кстати сказать, тебя не было, рассказывали, как один пассажир, совершая намаз, опоздал на рейс. Через какое-то время пришло известие о том, что самолет попал в авиакатастрофу, и все, кто был на борту, погибли. Видишь, намаз спас его.

– Нельзя такими примерами популяризировать молитву, – возразил Хусан, на минуту забыв, что сам себе пообещал не прекословить брату. – В самолете могли находиться более добродетельные и чистосердечные люди. А что ты скажешь о невинных младенцах и о тех, кто только-только начал познавать всю красоту жизни?.. Может быть, так выпал жребий? Или это судьба, свыше предначертанная каждому? Хасан, таким способом нельзя преувеличивать значение намаза. Хочешь, я тоже тебе поведаю похожую историю? – Хусан положил на землю молитвенный коврик и обратил лицо к Хусану.

– Один молодой человек, золотые руки, решил уехать за границу и там подзаработать денег. Его мать, оставаясь дома одна, сетовала: «У меня, сынок, почему-то сердце не на месте, может, не поедешь?» Сын, призадумавшись над словами матери, взвесил все за и против, и все же решил уехать. В аэропорту выяснилось, что он опоздал: закончилась регистрация пассажиров, и он волей-неволей возвратился домой и расстроенный прилег в своей комнате. В гостиной мать смотрела по телевизору новости, когда сообщили, что самолет, в котором собирался лететь ее сын, взорвался в воздухе. Мать с рыданиями бросилась в комнату сына. «Вот, сынок, я же говорила, что неспроста ноет мое сердце, твой самолет...» – и слова вдруг тугой петлей перехватили ей горло. Она смотрит и видит: ее некогда здоровый и сильный сын лежит на полу бездыханный... Хасан, все дело в случайности или в роке. Если настанет смертный час, то нет никакой разницы, где это произойдет: в небе или на земле... Живым тот молодой человек остался не из-за молитвы... Такова была запись его судьбы в верховных скрижалях.

– Не святотатствуй, не произноси слова всуе, Хусан! –

рассердился Хасан. — Кто скажет, что ты учился в Исламском университете?! В жизни ничего так просто не происходит. Тот мусульманин остался жив только благодаря молитве, это же ясно как день! Не будь похож на упрямых неверующих, которые требовали от пророка доказательств божественной истины. Хасан, прошу, скажи: «Сохрани, Господи!»

Не возражая больше, Хусан встал у молельного коврика.

— Дай Бог, братик, дай Бог, — прошептал Хасан.

* * *

Пока братья читали молитву под деревом, где-то наверху вдруг послышалось щебетание. Хусан отвлекся и сбил с аята! Хасан, стоявший позади, поправил его. Закончив намаз, Хусан оглянулся по сторонам, ища птиц.

— Ты так или разума лишишься, или навлечешь на себя какую-нибудь беду, рохля, — завелся Хасан, собирая молельный коврик. — Как можно забыть аяты, которые повторяешь каждый день по пять раз! Где ты витаешь? Вспомни, что говорил Ахмад Жунайд? Даже маленькая ошибка во время молитвы подрывает основы веры. А ты... — Хасан замолчал, не найдя больше слов от возмущения.

Хусан махнул рукой, не обращая внимания на раздосадованного брата; он думал лишь о птицах, которые долго не попадались ему на глаза, хотя он внимательно искал их. Но, слава богу, они оказались здесь. Птички слегка поклевывали друг другу головы своими жемчужными клювиками и издавали какие-то томные звуки.

— Что опять такое? Иногда ты переходишь все границы, — заворчал Хасан, наблюдавший за происходящим.

— Иди сюда, Хасан! — взволнованно позвал брата Хусан. — Посмотри вон туда; не их ли мы видели сегодня утром в Ташкенте?

— Э-э! Да что ты такое говоришь?! — Хасан даже не взглянул в ту сторону и направился к машине.

А Хусан подошел поближе, стал прислушиваться к щебетанию птиц. «О чем они щебечут?.. Вот если бы я понимал их пестрое и переливчатое щебетание. Интересно, возможно ли это? Пророк, согласно книгам, понимал язык птиц. Наверно, хорошо знать их язык!»

Он вспомнил легенду о человеке, который мечтал обучиться языку птиц и животных. По преданию, он пришел к пророку Сулейману и попросил, чтобы тот помог ему обратиться к Богу с просьбой исполнить его мечту. Сколько ни отговаривал его пророк, он упорно стоял на своем. Наконец, упрямец получил то, что хотел и, возвратившись домой, услышал беседу кошки с собакой. «Курица хозяина больна и скоро умрет, а мы с тобой хоть один день наедемся вдоволь мяса», – говорит кошка. Намотав на ус, хозяин быстро продал курицу на базаре. Через какое-то время он опять услышал разговор: «Корова хозяина больна. скоро умрет, а мы с тобой целый месяц будем кутить». Он срочно избавился и от коровы. Но самое неожиданное было впереди. Однажды он застал своих домашних питомцев за очень неприятной беседой: «Потерпи, на этот раз наш хозяин сам болен, скоро умрет, и мы целый год будем пировать»

Испугавшись, бедняга поспешил в покои Сулеймана.

«Ты не смог склонить голову перед малым испытанием, нужно было потерпеть, теперь же невозможно тебе помочь», – услышал он ответ посланника Бога. Бедняга растерялся, у него потемнело в глазах. Вскоре он умер. А кошка с собакой действительно лакомились на его поминках, которые растянулись на год.

«Наверное, правильно, что человек несведущ в некоторых вещах. Не удивительно, что нам даны мизерные знания о душе, в этом есть какая-то тайная... скрытая от нас мудрость, – подумал Хусан. – Почему эти птички отправились вслед за нами? Кто они: на ласточек, вроде, не похожи, может... соловьи? Нет, не соловьи. Напоминают жаворонков... но не жаворонки. Может быть, горлицы... тоже нет, они не такие. Удивительные белые птички – на всех похожи, а все же другие! Как же они прекрасны!»

Наконец, близнецы добрались до дома. Их отец лежал в постели, у него поднялось давление. «Сколько уже лет, а все никак не уgomонится: то с кетменем в огороде, то в саду возится, то за скотиной ухаживает», — журила его напуганная жена.

— Да, но что мне делать, если я не могу жить по-другому, не могу не трудиться, — оправдывался отец.

Успокоенный хорошим настроением отца, Хусан вышел в сад. Не в этом ли очарование весны, что человек не в состоянии постичь всего многообразия птичьих голосов?

«Что ты там потерял?» — недоумевал Хасан, наблюдавший за ним. А он, ни на что не обращая внимания, упорно искал необыкновенную парочку. «Я их обязательно разыщу среди множества птиц в саду; мои ни на кого не похожи», — думал Хусан. А волшебные птички сидели рядышком на слегка склоненной ветке рано зацветшего миндаля и сладко пели. Хусан осторожно, чтобы не спугнуть, приблизился и замер, подыскивая глазами место, где можно было присесть. Расположившись на пне, Хусан погрузился в необыкновенное пение удивительных птиц. А вскоре он услышал, как в саду зазвучала целая симфония птичьих голосов. Сначала это были какие-то беспорядочные звуки, но затем они слились в изумительную гармонию. «О, господи!», — прошептал Хусан и вопросительно глянул на своих птичек, словно хотел узнать, какая роль определена им в этом грандиозном хоре. Тайна раскрывалась постепенно, и чувства переполняли сердце юноши. Дело в том, что своим прекрасным пением птички не только руководили сказочной симфонией, наполнившей сад, но и направляли ее в нужное русло. И действительно, как только они неожиданно смолкли, Хусану показалось, что гармония нарушилась, общая песня стала беспорядочной и фальшивой. Как будто чувствуя это, птички снова нежно запели, выравнивая мелодию. Душа Хусана наполнилась чудесным умиротворением и каким-то одухотворенным блаженством, все чувства смешались и слились в божественное единство.

К счастью, через несколько дней самочувствие отца улучшилось, что несказанно обрадовало близких. Он призывал к себе близнецов и, поцеловав каждого в лоб, на прощание напутствовал: «Дети, в жизни много соблазнов, будьте стойкими!»

Покинув родительский дом, братья сели в машину и отправились в столицу. Уже к полудню они были на перевале.

– Давай купим горных лепешек, в городе многие будут им рады, – внезапно предложил Хусан.

Вышли из машины, но Хусан направился не в сторону торговых рядов с лепешками, а в другую – к зарослям ив.

– Эй, лепешки здесь! – крикнул Хасан.

– Я сейчас, ты выбирай пока.

Хасан окинул взглядом ветви ив: где они? Птичек не было, и это не на шутку встревожило Хусана. «Почему они мне так нужны? Птица – это птица, а я человеческого рода, откуда же взялась связующая нас невидимая нить? Почему я без них не чувствую себя счастливым, почему без них мне не хочется жить?», – с удивлением спрашивал себя Хусан.

Тем временем, Хасан успел уложить лепешки, курт и сушеный урюк в машину.

– Хуса-а-ан! – громко окликнул он брата, и тому ничего не оставалось, как вернуться к автомобилю. Открывая дверцу, Хусан услышал над собой щебетание птиц и воспрял духом: «Господи милосердный!» – облегченно вздохнул он. А птицы кружились в вышине и о чем-то переговаривались на своем птичьем языке.

– Опоздаем на пятничную молитву! Какой же ты непроходимый размазня! Ты что, забыл, что нам после намаза нужно идти на собрание? – напомнил Хасан, возвращаясь со двора после омовения.

– Да, сейчас, – Хусан схватил кувшин, стоящий у двери, и поспешил в уборную.

Спустя некоторое время близнецы шагали в сторону мечети. А с веток урючины звучало громкое пение птиц. Хасан и Хусан торопливо шли по дороге; около базарных ворот они увидели группу молодых людей, избивавших человека.

– Э, Хасан, смотри! – воскликнул Хусан и направился в ту сторону.

– Хусан, ты в своем уме, их целая толпа, – недовольно пробурчал Хасан, но все-таки пошел вслед за братом.

– Эй, эй, вы что творите, не стыдно вам?! – закричал Хусан, приближаясь.

Увидев двух рослых парней, направляющихся к ним, хулиганы бросились врассыпную.

– Пойдем же, – Хасан потянул Хусана за рукав. – Дело обернулось благополучно.

– Подожди немного.

Хусан потряс за плечо лежащего в пыли беднягу.

– Отстань! – оттолкнул потерпевший своего спасителя. Он попытался встать на ноги, но, пошатнувшись, упал лицом в пыль. От него разило водкой и еще чем-то мерзким и отвратительным.

– Тьфу! – сморщил нос Хасан, – пойдем отсюда, не видишь, это же совсем опустившийся человек! – Он прикрыл лицо ладонью и отошел.

– Приятель, – стал молить человек в пыли, – пожалуйста, одолжите несколько сумов, – он протянул сухую, грязную и трясущуюся руку.

– Не давай! Дашь – пропьет, – предупредил Хасан.

Хусан засомневался: «Дать или не дать?»

Действительно, как же поступить правильнее, а? Для такой ситуации нет готового ответа, если призадуматься. Прислушавшись к внутреннему голосу, он вытащил деньги и сунул в раскрытые руки.

– Глупец! – сказал Хасан. – Ты же стал соучастником его греха!

Хусан опустил голову и молча прошел мимо брата.

В мечети тьма народу, поэтому на молитву, совершае-

мую в честь добрых дел, нужно приходиться заблаговременно. Хасан и Хусан направились к своему постоянному месту, рядом с имамом. Народ собирался отовсюду, чтобы послушать проповедь. Было так многолюдно, что, если зазеваешься, то не найдешь и пяди земли, чтобы присесть. Вот поэтому Хасан так торопил брата. Близнецы еле протиснулись в передний четвертый ряд, да и то между ним оказался мужчина средних лет с козлиной бородкой. Все молчали, превратившись в слух.

Имам сладким и степенным голосом складно говорил о намазе: «Братья, вы всегда должны помнить, что молитва первостепенна в религии. Если она перестанет быть важной, что может случиться? Здание религии обрушится! Никакая причина не должна помешать молитве. Предание гласит, что у святого Умара был роскошный сад, похожий на Райский Эдем. Однажды он, очарованный красотой сада, забыл совершить третий намаз. Когда он вспомнил, то стало ясно, что на молитву с братьями он опоздал. Святой Умар был религиозным человеком и, не задумываясь, отдал в дар несчастным и нищим свой прекрасный сад. Видите, как бы ни было тяжело, он устранил помешавшее его молитвам. Мусульмане, это только рассуждать легко, но на самом деле это очень сложно; не секрет, что, когда приходится совершать подобные поступки, мы не только не можем отказаться от великолепного сада, но и лишившись одного деревца, долго не можем успокоиться. А святой Умар? Он с корнем выкорчевал то, что тенью падало на его веру. Братья, если вы верующие, подумайте над моими словами...»

В этот момент в небольшое окошко мечети, расположенное под потолком, с шумом залетела пара птиц и отвлекла внимание Хусана. Птички, догоняя друг друга, летали под куполом и щебетали. «О, господи, что же это за птицы? В них есть какая-то тайна. Их поведение, пение, движения – все, все другое...», – размышлял Хусан. Но,

кроме него, никому не было никакого дела до птичек, все внимательно слушали имама. Хасан тоже внимал ему, словно желая навечно запомнить его слова.

«Другой сподвижник Пророка для совершения намаза «хуфтон»¹ отправился в мечеть и, придя, увидел, что народ расходится, – продолжал имам. – «Ох опоздал», – воскликнул сподвижник Пророка и поспешил в другую мечеть, но, увы, и там намаз уже закончился. Он обежал все мечети в округе, но нигде не успел совершить молитву вместе с прихожанами. Возвращаясь домой, он вдруг подумал: «Читать намаз дома в 27 раз лучше, чем вместе с молящимися. Что ж, я прочитаю эту молитву в одиночестве, наверняка, она зачтется!» Дома он исполнил свое намерение. А ночью ему привиделся сон. Он пришпоривал коня, чтобы догнать скачущую впереди группу всадников. Желая влиться в их ряды, он торопливо понукал своего резвого скакуна, но никак не мог их догнать. Наконец, один из всадников обернулся и крикнул: «Не старайся, ты ни за что не догонишь нас, потому что мы читаем намаз вместе!»

Братья, вам понятна суть этого сна? – воскликнул имам и сам стал пояснять его смысл: «Те всадники – это верующие, которые молились в мечети, а тот, кто скакал сзади, – человек, прочитавший молитву в одиночестве. Смотрите, люди, знайте разницу между молитвой, прочтенной в мечете вместе с другими верующими, и намазом, совершенном в одиночестве!»

У старика, сидевшего между братьями, затекли ноги и он решил поменять положение, вытянув их перед собой со словами: «Слава Богу!» В это мгновение сверху на него что-то упало. От сильной боли старик заохал. Упавшая вещь оказалась куском ганча, украшавшим потолок. То ли от собственной тяжести, то ли от того, что был прикреплен наспех, ганч отвалился.

– Что случилось? – спросил имам, вытянув шею.

1. Ночная молитва.

- Сверху отвалился ганч, – ответили близ сидящие.
- Никто не пострадал? – спросил проповедник.
- Ничего особенного. Просто ушиб. Продолжайте, – неожиданно повысил голос Хасан, опасаясь, что происшедшее нарушит беседу.
- Ты что, Хасан? У него, кажется, сломана нога, – растеряно заметил Хусан, наблюдавший за происходящим.
- Помогите мне выйти, – с трудом попросил пожилой человек.
- Обязательно. – Хусан, встав с места, взял старика подмышки.
- Возьми его с другой стороны, – обратился он к Хусану. Сидящие на коленях люди посторонились, освобождая дорогу.
- Там есть дерево, – указал рукой старик. Его положили около арыка под урючину.
- Ух ты, как сломалась, – воскликнул Хасан, глядя на изуродованную ногу.
- Ладно, юноши, спасибо, возвращайтесь в мечеть. – Лежа под деревом, он поправил искривленную ногу, чтобы походить, увидев ее, не испугались.
- Что вы говорите, дядя? Разве можно вас оставить в таком состоянии? – Хусан с беспокойством поглядывал на дорогу.
- Нет, сынок, из-за меня не опаздывайте на молитву. Что сломалось, то сломалось, уже не вернуть, – побелевшими губами прошептал старик и, опираясь на правую руку, опустил голову на траву.
- Прозвучал предупреждающий призыв муэдзина.
- Идем, Хусан, намаз начинается. – Хасан как и в прошлый раз потянул брата в сторону мечети. – Надо идти, дядюшке кто-нибудь другой теперь поможет.
- Думай, что говоришь! Не видишь, в каком он состоянии, иди, ищи машину, нужно быстрее отвезти его в больницу! – Намочив в мутной воде носовой платок, Хусан приложил его к лицу пострадавшего. – Сейчас, дядюшка, потерпите чуть-чуть.

*Аллоху акбар, Аллоху акбар
Аишаду анла илаха иллалох,
Аишаду анна Мухаммад Расуллох...¹*

– Намаз начался, Хуса-а-ан, – забеспокоился Хасан. –
На-ма-а-а-аз!

– Смотри, Хасан, дядюшка сознание потерял.

– Я говорю тебе намаз. Хуса-а-ан! – закричал Хасан. –
Не теряй веру!

– Хасан, если я сейчас не помогу этому пострадавшему человеку, то я думаю, что точно потеряю веру. – Хусан тоже повысил голос. – Как бы ты ни старался, не останавливаясь ни перед чем, вера – от Бога! Если он даст – она есть, если нет – то нет, понял?!

– Не святотатствуй! Идем на молитву!

– Сам не будь богоотступником! Идем, поможем сохранить жизнь человеку!

– Уважаемый шейх говорил... - слова застряли у Хасана в горле.

– Оставь уважаемого шейха, Хасан! Сам-то ты, что скажешь? Когда ты начнешь говорить своими словами?! – задохнулся Хусан. – Разве можно жить чьей-то верой? О, господи, смотрю я, ты мусульманин лишь в мечети, а когда выходишь за дверь, невозможно понять, кто ты!

– Думай, что ты говоришь, Хусан! – завопил Хасан.

В это время над цветущей урючиной, облаченной в белые одежды, как паломник, возвращающийся с хаджа, появились две птички и начали беспокойно щебетать. Они кружили то над мечетью, то над улицей, постоянно возвращаясь к несчастному старику. И только слышался шум крыльев и непрерывный щебет: «пир-пир, чирик-чирик».

Братья удивленно взглянули на птиц в синем небе и перевели глаза на пострадавшего.

В воздухе все еще звучал голос муэдзина:

1. Слова молитвы.

Хаййа ғалас-солаааааааах... (Приходите на намаз)

Хаййа ғалал-фалаааааааах... (Приходите на прощение)

Код коматис солах... (Начинается молитва)

Хасан растеряно смотрел то на слабеющего старика, то на открытые ворота мечети, откуда доносились призывы к молитве. Колеблясь, он нерешительно делал два-три шага в сторону мечети, а потом вновь устремлялся к старику. Все это время одна из птичек постоянно кружила над его головой, и в ее чириканье чувствовались настороженность и недовольство. В воздухе прозвучало «Сомкнуть ряды» - и Хасан торопливо кинулся в мечеть. Тогда... тогда, эх...

Птичка порхнула совсем низко, будто желая преградить ему дорогу, - послышался какой-то странный звук, похожий на писк. Хасан сердито махнул рукой: «кыш!», задев ее кончиками пальцев. Она отлетела и рухнула, и только несколько перышек закружились в воздухе. Хасан торопливо вбежал в мечеть.

А Хусан в это время ловил машину. Наконец, подняв на руки потерявшего от боли сознание пожилого человека, уложил его на заднее сидение, а сам сел впереди. «Пожалуйста, брат,¹ поезжайте быстрее». Белая машина стремительно рванула с места.

Птичка, кружившая все это время над мечетью, над шумной улицей, над пышно цветущей урючиной, вновь защебетала. Когда в воздухе послышалось «Оллоху акбар», она сделала круг над мечетью, а затем легко порхнула вслед за уехавшей машиной.

Около ворот мечети маячили женщина-попрошайка и черненький мальчуган, который, заметив на земле искаленную птичку, хотел ее поймать, но все его старания были напрасны, потому что пострадавшая, придя в себя и бросив взгляд в сторону приближающейся опасности, рванулась, и, расправив крылья, взмыла высоко в небо. Полетав, она опустилась на ветку урючины.

1. Обращение к старшему, принятое у узбеков.

После молитвы мусульмане группами выходили из мечети. С ними вышел и Хасан. «Эх, Хусан, ведь было собрание!» — прошептал он с сожалением. Он вспомнил о предстоящей встрече с шейхом Ахмадом Жунайдом и душа его успокоилась и наполнилась тихой радостью.

Птичка, до этого сидевшая неподвижно, резко вспорхнула ввысь, а с трепещущей ветки урючины осыпались все цветы. Потом она закружилась над Хасаном, издавая странные звуки. Видевшие ее люди обратили внимание на ее беспокойство, но Хасан почему-то не замечал ее. Возможно, ему мешал шум стремительно пролетающих машин, или мечты и надежды, переполнявшие его. Как бы то ни было, птичка, еще немного покружив над ним, тревожно защебетала и в резком порыве устремила прямо в синее небо, а через мгновение, растворившись в нем, пропала из виду.

...Когда птичка взлетала, то вместе с цветами трепещущей ветки, на которой она сидела, осыпались цветы со всего дерева, полностью обнажив его. Голое дерево выглядело мертвым. Но оно было еще в том возрасте, когда можно жить и плодоносить. И если в его корнях не заведутся черви, если оно выстоит под натиском стихий, то, хочется верить, что следующей весной оно вновь зацветет. В это хочется верить.

Да, если дерево найдет в себе силы цвести, птичка тоже когда-нибудь вернется...

Перевод С.Камиловой

ТВОРЧЕСТВО У. ХАМДАМА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

«В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО РАЯ...»

Ощущение «катастрофичности мира», предопределившее, по мнению А.Белого, развитие литературы начала XX века, протянувшись через всю эпоху, стало реальностью и для рубежа XX-XXI вв., обозначенного экзистенциальной воплощенностью в художественном сознании всех «проклятых вопросов» человеческого бытия.

И в современной узбекской прозе, пытающейся определить новые пути постижения бытийного смысла в этом кризисном, переломном пространстве, с ее обращенностью к вопросам *existentia*¹ человека и бытия, в центр выводится проблема самосознания современного человека, фиксирующего в своем «сокровенном Я» все эпохальные и вечные проблемы-трагедии. Главная из них – поиски Смысла жизни человеческой... Смысла, когда-то потерянного или не обретенного... Смысла человечности... Смысла рождения... смерти...

И об этом поиске, об этом блуждании человека в лабиринте смыслов в движении к Истине, новый роман Улугбека Хамдамова «Бунт и Смирение», – роман о стремлении постичь саму предельность бытия, заключенную между двумя ее субстанциями – Богом – творцом и Человеком – его созданием. Этим и задается та глубинная философия, которая охватывает в романе все его уровни, прони-

1. *Existentia* – существование, сущность.

зывая стиль, предопределяя символику, психологизируя в онтологическом ключе образы.

Улугбек Хамдамов переворачивает привычное понимание бытия как «философской категории, обозначающей реальность, существующую объективно, вне и независимо от сознания, человека»¹. Он создает такую текстовую реальность, в которой бытие есть, в первую очередь, человеческое сознание, творящее в процессе переосмысления божественного мира Создателя инореальность, определяемую двумя абсолютами – Бунтом и Смирением.

Поиски бытия «в чистом виде» (Парменид) рождают бунт в героях романа, – бунт, приводящий к смирению, к постижению смысла божественного бытия, локализуя его в заповедях Любви и Познания. Писатель разворачивает и эти заповеди по принципу дилеммы в их осмыслении, давая крайние точки – абсолюты их воплощенности – Сатанинской и Божественной. Почти все герои наделены способностями любви и познания этих двух планов, – что и создает в их сознании кризисное ощущение жизни, – они отыскивают в себе свое Я, мыслимое как новый, другой мир, граничащий с привычным окружающим миром.

Но писатель идет еще дальше, помещая обычную современную жизнь XX века в беспредельное пространство бесконечного времени, он раздвигает тем самым одну единственную судьбу каждого человека до судьбы всего Человечества – от первого дня Творения и до скончания времен: «В ту пору над миром властвовала тьма. Ни проблеска света, ни тени движения. Быть может они и были, но погруженные во мрак, в непроглядную тьму. И не было никого, кто мог бы создать это. Был лишь Всевышний Господь Бог. И пришло время. И он пожелал быть видимым. И, разорвав тьму, он вознамерился сотворить мир. И сказал: «Да будет свет!» И разверзлась тьма и разлилось сияние лучей. И отделил Господь свет от тьмы и назвал свет днем,

1. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С.69.

а тьму ночью. И это был первый день творения...»

Используя библейские и коранические сюжеты, Улугбек Хамдамов изначально создает в своем текстовом пространстве модель мира, ориентированную в динамике своего развития на идею божественной предопределенности. Вкрапления мифосюжета о великом первородном грехе Адама и Евы позволяют говорить о том, что рефреном проходит мысль не только о бунтующем Человеке и его смирении, но и о сути его Греха и Прощения.

Вообще для узбекской прозы конца XX – начала XXI века становится характерной тенденция неомифологизма, трактуемого как «главный принцип прозы XX века, который в той или иной степени определяет все остальные»¹. Многие современные узбекские прозаики вышли на этот путь, выстраивая свой собственный «миф» о современном человеке. Создавая «неомиф», писатели пытаются найти иные, неклассические способы художественного постижения истины о пути Человека (от рождения до смерти). Аман Мухтар, Назар Эшонкулов, Хамид Исмаилов, Улугбек Хамдамов, каждый по-своему, рисуют художественную картину человеческого бытия, синтезируя в ней традиционный миф и «новую» правду о личности эпохи «дегуманизированного искусства» (Ортега-и-Гассет), и не только искусства, но и самой жизни.

Улугбек Хамдамов определяет свой путь постижения сути этой «дегуманизации», ломающей судьбу человека и всего Мира вопреки Божественной заповеди Гармонии. Он делает это не единой линией сюжета, а на глубоком психологическом уровне каждого образа романа. Писатель как бы создает коллаж, мозаику человеческих судеб, по-разному осуществляющих путь к гармонии, с хаосом дегуманизированного мира, проживающих свое время, отпущенное Создателем, «от рождения до смерти» в поисках Бунта или

1. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1997. – (Принципы прозы XX века).

Смирения. Тем не менее, писатель пересекает главные образы романа в той или иной точке сюжетного повествования, высвечивая мысль о глубинной связи каждого человека со всем миром в Едином божественном предопределении судеб. Осознание этого единства, этой связи, и обозначено в романе как ответ на вопрос – В чем Гармония? В чем Смысл?

Но ни тетя Лариса, самой своей смертью бунтующая против Божественного смысла, ни Турсунбай Жонталаш, смиренствующий до своего последнего вздоха, ни Табиб, ни Акбар прошедшие через протест, разрушающий их изнутри, к смирению, не обрели этой истинной Гармонии с собой, с миром, с Богом. Вопрос в другом – есть ли она, Гармония? И где Она? И кто обретет, найдет Её? Табиб, прошедший свой путь от Бунта к Смирению, и обретший Смысл в служении Людям, пытаюсь избавить их от Смерти? Но он не смог открыть Суть этого Смысла Акбару, своему ученику, и отправил его в мир, на поиски. Акбар, пришедший к смирению через боль, страдания, разочарования, и ощутивший Смысл в любви к Женщине? Но и он не ответил Искандеру, ученику двух учителей, отправив его с Бунтом в душе на поиски своей Истины, своего смирения.

Ответ не в Смирении (это было бы слишком просто для такого писателя!), но он и не в Бунте. Ведь не обрела Гармонию оставшаяся в «вечном» одиночестве своего протеста против замысла Бога и тетя Лариса. Хотя всем существом своим она жаждала Прощения Господня, пытаюсь прийти к Богу. Но слишком короткой оказалась ее дорога от Церкви до того рокового Окна... За свой Бунт она расплачивалась своим горьким одиночеством и предательством...

Очень важную роль в образной системе романа играет Диана-проститутка. Она неосознанно проходит этапы Бунта и Смирения. И не случайно Улугбек Хамдамов так натуралистично рисует сцены из ее жизни. Он подчеркивает всю степень той грязи, в которую она окунулась в своем

«протесте» против предначертанного ей. И чувство, вспыхнувшее в Акбаре, несомненно, связано с ее «падением», усилившим его протест и Бунт. Но он сам, не ведая того, не отдавая себе отчета, следовал замыслу Господа, его заповеди прощения ближнего своего. И это был первый шаг на пути к его повинению и «возвращению» Дианы... Она лишь залилась слезами, поняв, что Акбар оставляет ее навсегда. В этом – ее расплата... В подобной перевернутости всех образов и заключена парадоксальность логики романа... которая раскрывается в конце, в письме табиба Акбару... да и то на уровне подтекста: «Здравствуй, Акбар!

Добро пожаловать, дорогой друг!

Не удивляйся...

Ты благополучно прошел трудный путь почти в целую жизнь, реальный путь, предназначенный человеку. Да будет счастливым твое возвращение в отчий дом, друг мой».

Табиб, сам прошедший этот путь, осветил Акбару его главную Истину, его конечный Смысл – предназначенность... и бунта и смирения... И дорога эта в целую жизнь, протянутая от начала пути до ее начала же, предначертана Всевышним только избранным, – мятущимся людям. Их путь от Бунта к Смирению назначен самим Господом на пути познания своего Замысла... – это дорога к Богу, а значит к самому себе. Но смирение, по Божьему замыслу, не конечная точка пути. Смирение, по Улугбеку Хамдамову, не рабство. Это одна из форм познания Истины.

«Настоящая подлинная твоя жизнь начинается только теперь. Потому что ты, наконец, избавился от мятежа, бунта, который стоял завесой между тобою и миром, тобою и подлинной жизнью. Освободился, иначе бы ты не вернулся. Это пламя не успокоилось бы, пока не сожгло бы тебя и не развеяло твой прах, ты вернулся не в кишлак, а в свое «я», брат мой. И для возвращения в свое «я» ты прошел путь длиною в жизнь».

Человек не просто создание Бога, Человек – носитель Божественного; в душе его заключен Смысл Создателя, который он призван нести по Земле вопреки искушениям

Сатаны, преодолевая абсолют Сомнения и Уныния, – как сказал когда-то в начале пути, в точке рождения Бунта, учитель ученику: «Сатана, подтолкнувший твою руку на того балбеса... и есть уныние. В этом истина...»

Если убрать из поля зрения исследователя библейско-коранические сюжеты, линию и образ Искандера, который только на первый взгляд не несет фабульной нагрузки, то основная онтологическая идея романа не может быть полностью выявлена, поскольку именно эти две текстовые структуры – мифологическая модель мира и персонологический образ – определяют основную линию произведения как концепцию Бунта, а не Смирения.

Огонь, из которого состоит Сатана и который горел внутри табиба и Акбара, является воплощением символа бунтарского духа, движущего вперед человеческое Познание истинной сути божественной воли. Искандер, продолжающий этот путь бунтарского Постижения Высшего Замысла, знаменует бесконечность идеи Бунта, – бунт против судьбы Человека перерастает в его образе в бунт против самого существования Бога. Именно этого так боялся табиб, понимающий и неконечность Смирения: «Все тягости, испытанные мною за целую жизнь, были перенесены ради того, чтобы перед смертью быть спокойным и уверенным, и чтобы я смежил веки не в мучениях, а в спокойной удовлетворенности. Потому что обретенный мною смысл, обретенный мир – лишь за смеженными веками, и только сей смысл мог дать возможность необходимому умиротворению и вселить в душу утешение и успокоение. Но где он, куда исчез? Неужели это с самого начала был мираж, а я, несведущий, истолковывал это как правду. Неужто и ты ... нет-нет, язык не поворачивается, но что делать, этот вопрос вот уже десять лет живет в моей душе, и словно петля на шее десять лет давит меня, выжимает все соки. И - о, Господи, – каюсь, но у меня нет другого выхода, как задать этот вопрос тебе самому. Создатель!.. Неужто, неужто мы, род человеческий, тебя придумали?.. И неужели такая мо-

«В поисках утраченного рая...»

гучая и могущественная сила могла возникнуть в воображении слабого и хилого существа?»

И бунт человека против Господа есть бунт против самого себя, и Смирение с замыслом Высшим есть познание своей личностной сути и принятие ее. И это, если еще не Гармония, то уже и не хаос – это начало пути к Гармонии (человека с Богом, а значит – с Миром, а значит – с собой).

Модель мира в романе представлена во всей своей дисгармоничной нецельности, разрушающей гармонию замысла божественного творения. Отсюда и дискретная поэтика романа.

Стиль потока сознания, диктующего условия эстетики незаконченных, разрушенных фраз, многоточий, синтаксической разорванности, определяющих спонтанность рождения личностных философий, еще более углубляет впечатление катастрофичности. Это – грань, оказавшись на которой, человек напрямую сталкивается с высшим Замыслом Бога – замыслом, раздвигающим пределы Земной жизни, и воля человека – воспринимать это как наказание или награду, а воля писателя – проверять его этим. У.Хамдамов рисует «треснутый» мир, в «трещины» которого втискивает судьбы своих разных героев, но объединяет их поисками смысла собственного «я» и Бога. И проверяет он их при этом катарсическим восприятием смерти, которая не должна мыслиться как наказание за бунтарство или смиренчество. Во всем этом есть глубокое проникновение и переосмысление писателем положений суфистской философии: «Бог побуждает вас умереть для себя, дабы вы жили в нем» (Кушайри).

Улугбек Хамдамов изначально обозначил три этапа пути человека в своих эпиграфах. От каких-то смутных вопросов, вдруг в какой-то жизненной ситуации спонтанно возникшего вопроса, человек «начинает отказываться быть тем, кто он есть». И это рождает протест в его душе и против Бога, и против себя.

Но бунт этот может привести к смерти или к освобождению

дению от него, к смирению. «Ты не успокоишься, пока не придешь к внутреннему протесту или повиновению».

Но Камю дает ответ экзистенциальный – одиночество человека есть его Смысл, его Гармония с собой; У.Хамдамов ищет ответ... как и его герой Искандер...

И Гармония эта, и смысл этот и есть тот Рай, который когда-то утратил Адам в своем прегрешении против Творца, и в поисках которого уже много веков бродит страдающее Человечество... бунтуя... смиряясь... и приходя все же к Богу. Обретение Рая – это постижение Смысла как осознание Гармонии человека в его Мире.

А смысл этот в Смирении?..

*Н.Владимирова, д.ф.н., профессор,
Г.Гарипова, к.ф.н., доцент*

«БОЖЕСТВЕННЫЙ ПОЛЕТ И ТУПИКИ ДУШИ»
(повесть Улугбека Хамдама «Одиночество»)

Современный литературный процесс характеризуется активными поисками новых жанровых форм, усилением интереса к повествовательной прозе, стремлением найти новые жанрово-стилистические формы отражения новой действительности. Происходит авторское переосмысление жанровых парадигм, появляются так называемые «гибридные жанры», «условные жанры», «авторские жанры»: роман-комментарий, роман-конспект, роман-идиллия, роман-житие, повесть-сказка, повесть-притча, повесть-эссе, двухчастный рассказ, рассказ-сновидение, рассказ-версия и т.д.

Эти процессы характерны и для современной узбекской прозы. В этом плане несомненный интерес представляет творчество нашего современника Улугбека Хамдама, яркого и самобытного писателя, в чьих произведениях отразились не только актуальные нравственные проблемы современности, но и поиск жанровых новаций, позволяющих более полно и глубоко воссоздать сложную реальность сегодняшнего дня и духовные искания современника. Его сложный и оригинальный художественный мир заставляет думать, рассуждать о смысле жизни, о человеческом предназначении, об ответственности перед поколениями и других нравственных проблемах. Все это наиболее выпукло проявилось в его повести «Одиночество»¹ (1994 – 1997 гг.), вышедшей отдельной книгой в 2008 году².

Идейно-нравственная и философская проблематика повести не нова для узбекской литературы, однако никем еще

1. Перевод на русский язык осуществлен в 2010 году Ольгой Григорьевой и Замирой Касымовой.

2. Улугбек Хамдам. Ёлгизлик. Т. «Янги авлод», 2008

до сих пор не разрабатывалась она с такой искренностью, напряженной последовательностью, как это сделал Улугбек Хамдам. Произведение представляет собой авторскую исповедь человека, для которого творчество «...*столь же священно, как и молитва*»¹.

Под автором мы понимаем носителя жизненной концепции «человек и мир», выражением которой и является его произведение. Герой-автор – это концептуально личностное начало художественного мира произведения, «абсолютная внутри себя личность»². Это исповедь не одного человека, а целого поколения думающих людей, которые не желают «*жить как живется, плыть по течению, не задумываясь*». Писатель заявляет: «*Я – дитя своего времени, я продукт своего времени, и потому все мои метания и сомнения есть своего рода характеристика нашего времени, маленькая часть его духовного составляющего*». Таким образом, его повесть в какой-то мере характеристика современной эпохи. Проблемы, волнующие автора, вневременные и вечные, поэтому весьма убедительно звучит утверждение писателя: «*я – частица не только своего времени, а ВРЕМЕНИ ВООБЩЕ*».

Хамдама волнуют практически все «чувства-печали-проблемы» человека как неотъемлемые составляющие его души: Творец, жизнь, смерть, любовь, творчество, красота, несовершенство мира, «вседозволенность Сильных и беззащитность Слабых», бедность, богатство, семья, дружба, дом, дети, одиночество и неприкаянность творческой личности: «*я буду писать обо всем так, как оно есть; я беру на себя смелость прямо взглянуть в ужасающее, открытое синяками и кровоподтеками, лицо Истине*». И все это объединено одной важной задачей – найти в себе СЕБЯ, обозначить свою СУЩНОСТЬ, свое предназначение.

1. Здесь и далее цитируется по электронной версии перевода О. Григорьевой, З. Касымовой повести «Одиночество»

2. Гегель. Эстетика. Т. 1. М. 1986, с. 209

ние. Субъективизация текста придает произведению исповедально – философский характер. Многочисленные прямооценочные высказывания отражают соотношение объекта (мир) со взглядами, принципами, понятиями субъекта (автора). Полное совпадение субъекта речи и субъекта сознания обуславливают содержательно-субъектную структуру текста. Его художественная картина мира – это мир, в котором ничто окончательно не решено, и раскрыт он через смелый и оригинальный поиск истины творческой личностью.

Автор стремится к максимальному самовыражению. Поражает глубина, искренность и доверительность рассуждений, он не щадит ни себя, ни мир, в котором живет. Читатель невольно вовлекается в поток размышлений писателя, становится его единомышленником и соучастником. Автор и читатель общаются душами как нравственно-эмоциональные миры, в которых переплавлены и синтезированы питающие их начала: исторические, национальные, социальные, политические, религиозные, нравственные – все основные координаты личностного бытия в мире. Авторский взгляд на мир становится читательским духовным зрением. Заглядывая в самые глубинные тайники души, находя необычайно точные слова и выражения, которые не под силу найти самому читателю, автор доводит его до состояния духовного очищения, «катарсиса», порождающего сотворческое сопереживание, отстраненное узнавание себя в другом (авторе), а другого – в себе. Этому во многом способствуют многократные риторические обращения и вопросы, создающие иллюзию доверительной беседы.

В повести нет связного сюжета. Нарочитая случайность, немотивированность эпизодов, событий и связанных с ними размышлений, подчинены внутренней логике познания собственного «Я», что обуславливает особенности конфликта: внутреннее духовное борение «Я-Я» и «Я – мир». Отсутствие событийной канвы позволяет сосредоточиться на внутреннем авторском диалоге с самим собой, проследить этапы самопознания личности через осмысление и

оценку различных сфер жизни. «Так что же для меня важнее всего? Каким делом мне заняться? – задается вопросом автор. – Чему посвятить свою жизнь, силу своего разума и таланта, пыл своего сердца?... Я не могу найти самого себя! Меня нет! Где же я?... Кто я такой?... Лицемер, который, прикрываясь «своей правдой», прячась за нее, пускается днем во все тяжкие, а ночью, не находит себе покоя, мучается, страдает, ворочается в постели до следующего утра... Очковтикатель, не имеющий за душой ничего, кроме завышенных претензий на высокие научные титулы и жажды «признания в вечности», или действительно ученый, не мыслящий своей жизни без свершений и открытий, приобретений и потерь, получения и распространения знаний?».

Выделение событий и наделение их определенными временными, причинно-следственными или иными связями обуславливают монтажную организацию текста.

Композиционно повесть разделена на три несоразмерные части: первая и третья небольшие части окольцовывают вторую, которая подобно мозаике сложена из размышлений, обращений к Всевышнему, внутренних диалогов, вставных эпизодов, реминисценций, сновидений, лирических и публицистических отступлений. Предметно-психологическая детализация текста определяет «материализацию» нравственно-эстетической идеи. На смену деталям картины мира приходят точные, удачные, тонкие и убедительные психологические параллели. Все это создает сложный и многогранный облик современного мира и «божественный полет и тупики души». Герой (автор) и мир вступают в диалогические отношения между собой. Через сомнения, поиски, конфликты, недовольство собой и миром автор приходит к мысли, что ему Богом предназначено – творить. Это его священная миссия, с которой он был послан в этот мир, поэтому очевидна тесная связь с Творцом, к которому он часто обращается с просьбами, сомнениями, ропщет,

сетует, благодарит: *«Господи, ну что мне делать? Как мне избавиться от этого бессмысленного существования?»*; *«О, Аллах, Ты слышишь меня, видишь меня, ведаешь о моих страданиях. Ты в моей душе и в моем теле, ты – мудрый правитель моей жизни, моих радостей и горестей, услышь меня, помоги мне! Благодаря тебе я обладаю талантом ПИСАТЬ, умением излагать свои мысли и чувства на бумаге. Это Ты, знающий обо мне ВСЕ, водишь моим перо».*

В описание реальных взаимоотношений автора и мира, его духовных поисков вклиниваются ирреальные элементы – сны, позволяющие осознать блаженство любви, глубинную суть жизни, подаренной Всевышним человеку, ее бесконечные трудности, страхи, лишения, борьбу с ними. Сновидения расширяют идейно-эстетический и нравственно-психологический диапазон повести.

Скопление горестных наслоений, страданий, обид, боли, ненависти, злобы, зависти, отчаяния, терзающие человеческую душу, пожирающие его жизнь, отступает перед божественной гармонией природы. *«О, если бы мог человек... слиться воедино с природой, став чарующей слух трелью, – может быть, тогда не тосковал бы он так сурово, не сходил бы с ума от дум, терзающих сердце!»* – восклицает автор. Через единение с природой, через нескончаемую *«мелодию вечности»* и гармонии происходит погружение в себя. Проникновение в эту нескончаемую *«мелодию вечности»* происходит посредством символов: окно с колышущейся занавеской, лунный свет, дерево.

В конце второй части автор рисует завораживающую картину ночи: *«Свет полной и яркой луны, подобно волшебной «крышке», накрыл весь мир, как бы охраняя и защищая его. А для меня сейчас в центре всего мироздания было огромное Дерево, с мощным стволом и густой кроной...»* Дерево – символ жизни, суть которой изо всех сил пытается постичь автор, пытается, но не уверен, что сможет, и это непонимание рождает ... в душе ощущение

ние одиночества. Одиночество заставляет автора страдать, чувствуя свою отверженность, и непреодолимо манит как возможность отрешиться от всего мирского и безраздельно отдаться творчеству. Человеку «нужна особая ПУС-ТОТА, которую он будет заполнять сам, по собственному желанию и усмотрению, не признавая ничего руководства, никакого насилия. Он проводит черту, за которую не должны переступить ни жена, ни дети, ни родители, ни близкие, ни друзья...» И только клочок белой бумаги, способен поглотить всю боль души! «Сколько бы я ни метался по жизни в поисках «чего-то», я все равно вновь и вновь возвращаюсь к стопке листов на моем письменном столе. Видимо, нет мне иного пути в этой жизни! Видимо, это и есть моя участь – ПИСАТЬ!». Творчество – вечная дорога, которая зовет, манит, волнует, уводит, не дает успокоиться.

Эстетической доминантой повести является соотношение личного и сверхличного начал, пронизывающее собой произведение и выступающее в роли единой, сквозной архитектоники, единого эстетического качества. Этот интересный творческий эксперимент Улугбека Хамдама можно обозначить как «исповедальная повесть-монолог», он свидетельствует о динамичности новых жанровых исканий в современной узбекской литературе.

К.И.Панченко, к.ф.н., доц,

С.Камилова, к.ф.н., доц

МЕЖДУ БУНТОМ И СМИРЕНИЕМ
(«Странные» герои Улугбека Хамдама)

В 2004 году отдельной книгой вышел в свет роман молодого талантливой узбекского писателя Улугбека Хамдама «Бунт и смирение». Критика сразу же обратила внимание на это необычное для узбекской романистики произведение. На страницах периодической печати высказывались различные, порой кардинально противоположные мнения о жанровой принадлежности, художественном своеобразии, поэтике, сюжетно-композиционных особенностях, оригинальном стиле романа и т.д.

Бесспорно лишь то, что у каждого человека, прочитавшего этот роман, складывается своё сугубо личное мнение и представление как об авторе, так и самом произведении. На мой взгляд, отличительной особенностью творчества Улугбека Хамдама является парадоксальное единство таких важных для человека любой эпохи понятий как «жизнь» и «смерть», «бунт» и «смирение», «тьма» и «свет».

Сюжет романа весьма примечателен. Мы, без особых лирических отступлений, сразу же, с первых страниц знакомимся с героями. Мы видим их в динамике. Автор не описывает нам внешность своих героев, не старается показать какие-то индивидуальные черты каждого из них. Он даже не задумывается на этой проблемой. Не в этом суть. Для писателя наиболее важным представляется показать психологическое состояние героя до и после начала бунта, показать путь к смирению. Его живо интересует описание внутренней борьбы, происходящей в душе героев.

Центральный образ романа Акбар Алиев, является той связующей нитью, которая сводит воедино всех героев про-

изведения. Остальные же персонажи романа являются как бы своеобразными проекциями души Акбара: они отражают ту драму, которая разворачивается в его сознании, отражают глубину его личности.

Автор не дает подробных описаний его внешности, у каждого читателя складывается свой образ Акбара, но в его внешности мы видим его неоднозначность, “бунтарский дух”. Он был школьным учителем в одной из сельских школ. Есть у него и отец, и мать. Есть семья. Но давящая обстановка, несправедливость, отсутствие сил понять происходящее в душе смятение – всё это давило на Акбара, вызывало неосознанное неприятие всего окружающего. Все эти обстоятельства подготовили почву для возникновения бунта в сознании Акбара. Он решается если не на преступление, то на акт установления справедливости. Но на самом деле свершилась страшная трагедия в его личной судьбе.

Он совершает преступление. Первое преступление – перед Богом, второе – перед людьми. Характер Акбара очень противоречив. Мы видим в нём презрение, озлобленность к людям, но, с другой стороны, чуткость и сострадание. Совершив преступление, он должен идти вперёд, не останавливаться, ибо остановиться означает забвение и смерть. Что же он? Он вкладывает все свои сбережения в рискованное предприятие, дабы помочь своей семье. Но оно оказывается неудачным: его нагло обкрадывают, оставляют ни с чем. Ситуация приносит лишь пустоту и холод в его душу.

Один из мудрых философов древности высказал мысль о том, что действительность и натура могут “свести на нет любой расчёт”. Что же происходит с Акбаром? Ум героя пылает от возмущения и ярости, в то же время его душу и сердце охватывает уныние, но душа восстает, в душе пробуждаются новые чувства, назревает душевный бунт.

После преступления Акбар начинает страдать. Он превратился в изгоя, в заложника ситуации. Акбар не может общаться, как прежде, со своими коллегами, окружающими его людьми. Он потерял связь со своим братом, от-

правившимся ему на выручку. У того меркантильные интересы и корысть взяли вверх над родственными чувствами. И Акбар старается избегать родичей, чтобы не навредить им. Он будто бы “отрезал” себя от всех людей. Поднявшийся в нём бунт ложится тяжёлым грузом ему на сердце – Акбар не может понять причин сложившейся ситуации (ему казалось, что он ударил не человека, но ударил по принципу наглости, развязности и отсутствия совести).

Писатель вводит в роман ряд героев, помогающих понять суть преступления Акбара. И оказывается, что это тоже бунтующие и пришедшие к смирению люди, такие как Табиб и Турсунбай-Жонталаш. Автор показывает, что его главный герой не похож на других, что у каждого из них свой бунт и свой путь к смирению. Акбар, единожды преступив законы нравственности и морали, совершив преступление перед Богом и людьми, опускается на одну ступень с преступниками. Бунт Акбара произошёл в глухой тишине, в пустоте, он ни в ком не нуждался в тот момент, но когда всё же бунт произошёл, он ощутил одиночество: «... Акбар чувствовал, что за эти два года что-то произошло. Он точно не мог сказать, что именно. Только случилось так, что в своей семье он не чувствовал прежнего спокойствия и благодушия. <...> К нему относились уважительно, но, как прежде, не тянулись к нему, не встречали как в былое время. И поняв это, Акбар ощутил странное чувство одиночества среди людей, и на сердце у него было пусто»¹.

Понять же истинную причину случившегося самостоятельно было невозможно; он начинает искать живую душу, которая сможет его спасти от безумия. В появлении Дианы заключается одна из важнейших идей писателя: преступление Акбар совершает один, но вернуться к людям он самостоятельно не может. Акбар совершил преступление – ударил человека. Пусть этот человек низкое и подлое существо, но и у него есть разум, который является его отличительной чертой. И он им не воспользовался. Тогда кто же он?

1. «Бунт и смирение».

Ясно одно, воскрешение души его возможно лишь при искреннем покаянии. Автор подводит Акбара к пониманию того, что единственным путем к духовному воскрешению может быть смирение и признание заповедей Всевышнего. Надежду ему подает Диана. Она для него становится символом жизни и веры в Бога и людей. Противопоставляя бунтарство Акбара смирению и прощению Дианы, писатель в своём романе оставляет победу не за безропотной тётей Ларисой, не за бессловесно страдающей Дианой, не за смиренным Турсунбаем-Жонталашем, а за Акбаром, видя в нём правду. Акбар не в состоянии вынести мучений совести: преступление его приводит к наказанию, которое к нему приходит с осознанием своего поступка. В смирении Дианы он видит путь к спасению и искуплению своей вины.

Таким образом, психологически достоверно показывая душевные страдания Акбара после совершенного преступления, умело пользуясь методом контраста, т.е. вводя в повествование психологических “двойников” своего героя, Хамдам убедительно раскрыл суть бунта и смирения, означающего начало нового пути, новой жизни.

Главный герой романа Акбар, как и всё бунтующие люди, – индивидуалист. Своё преступление – избиение высокомерного и спесивого подростка, спровоцировавшего на это преступление, – он совершает под воздействием захватившей его ярости и возмущения. Поступок, достойный порицания, выстрадан Акбаром. Поэтому психологический анализ состояния Акбара до и после совершения преступления в романе тесно связан с теорией психоанализа.

Акбар после отбытия наказания вынужден, в силу объективных причин, уйти с работы. И он решает уехать из родного кишлака в город, найти своё место в шумном и безразличном к его переживаниям городе. Смутно чувствуя, что в городе он найдёт своё будущее. В начале его родственники старались изо всех сил помочь ему, поддержать его в трудную минуту, но, видя его безучастность и апатию, постепенно отошли от него. Жена Акбара Фариди ус-

пешно поднимается по карьерной лестнице (она главный редактор районной газеты), она пользуется большим авторитетом у начальства, ей нелегко уйти с работы. Она изо всех сил затягивает свой приезд к мужу, находит десятки причин остаться в своём родном районе. Акбар глубоко страдает от нерешительности своей жены. Он осознает, что не только он сам, но и тысячи других людей обречены на одиночество. Это понимание порождает в нём постоянную и напряжённую работу мысли, направленную на поиски выхода из сложившегося несправедливого положения вещей. Однако главной причиной его бунта стали не преступления, совершённые им, не вынужденная разлука с семьёй, не горе потерь, не его существование. Главной причиной стала его непокорность. Вот как сам автор описывает это: «...он полетел и уже ни о чём не думал: ни о детях, ни о жене, ни об отце с матерью, ни о чём. И молитву забыл. В его сердце был лишь протест, бунт. Да и протест этот был против несправедливости судьбы, против фальши, царящей в мире, насилия, обмана – неиссякаемый протест. Бунт!.. Если бы в эти мгновения, пока тело Акбара летело, – в эти опасные мгновение можно было бы перевести его мысли в слова, то, пожалуй, это прозвучало бы так: «И ты несправедлив, Господь?!...» А если перевести в действии, то Акбар бросился бы и на Создателя...».

Размышляя о причинах существующего неравенства и несправедливости, Акбар приходит к выводу, что существует резкое различие между двумя категориями людей. В то время как огромное количество людей молчаливо и покорно подчиняются всему, что преподносит им жизнь, лишь немногие – “необыкновенные” – люди являются непокорными бунтарями. При этом они дерзко нарушают общепризнанные нормы морали и не останавливаются перед преступлением для того, чтобы показать человечеству свою волю. Современники проклинают этих людей, но потомки признают их героями.

Акбар стремится противопоставить себя “обыкновен-

ным”, рядовым людям. Он не хочет, подобно большинству людей, молчаливо повиноваться и терпеть. Но отсюда, по его мнению, возможен лишь один выход – он должен доказать себе и окружающим, что он Человек. Этот вывод и приводит Акбара к смирению, которое он рассматривает как испытание, необходимое для того, чтобы определить, принадлежит ли он к породе бунтарей, или ему остается повиноваться и терпеть, как остальным, слабым натурам.

Своим преступлением Акбар бросает вызов миру социального неравенства и подавления человеческой личности. Однако он не осознает, что его бунт только укрепляет бесчеловечность существующего порядка вещей. Его протест противоречит сам себе, поскольку он предполагает право одних людей диктовать другим свою волю. Это противоречие и составляет трагическую ошибку, лежащую в основе бунта Акбара. В ходе развития событий он на личном опыте убеждается, что его бунт против существующей бесчеловечности сам носит бесчеловечный характер, ведет к нравственной гибели личности. Акбар был вынужден, дабы сохранить уважение, совершить это преступление. Но этот поступок приводит к иному результату, чем тот, которого он ожидал. Он убеждается в том, что мораль других людей, оказалась ему не по нутру. Истинную красоту и нравственность Акбар теперь видит не в тех людях, которые ставят себя выше обыкновенных, рядовых, а в тех, кто подобно Диане, тётке Ларисе несмотря на унижения и оскорбления сохраняют в своей душе веру в жизнь. Жизнь Акбар рисовал как яркое, контрастное воплощение всех противоречий жизни в целом. История бунта и последующего за ним смирения Акбара разворачивается в реальной действительности.

Таким образом, автор приходит сам и приводит своего героя к пониманию очень важных истин, заключающихся в том, что законы жизни не подчиняются никаким законам и что людей не судить надо, а любить, принимая их такими, какими их создал Бог.

Следует отметить, что за молодым и, безусловно, та-

лантливый писателем Улугбеком Хамдамом постепенно утверждается слава писателя-психолога, способного заглянуть в глубины человеческой души, которые сам человек в себе не подозревает, или которые знать о себе не хочет. Однако это невыявленное, подсознательное свойство необычайно важно: именно глубины сознания определяют отношения с людьми, поступки, представления о добре и зле.

В романе почти нет статичных героев: его герои постоянно открывают в себе новые душевные горизонты и духовные смыслы. Даже такой маловразумительный и до конца не описанный человек как Турсунбай-Жонталаш, неожиданно для себя на смертном одре приходит к пониманию смысла жизни.

Но для замысла романа, конечно же, важнее всего те открытия, которые делает Акбар. Открытия в собственной душе. Он по глубочайшему убеждению бьёт не человека, а старается стереть с лица земли бесчеловечность, лицемерие, надменную спесивость. Далее писатель даёт нам возможность убедиться в том, что почти в каждом человеке живут невидимые спасительные силы, которые придают смысл жизни.

Пронизывающей болью и грустью наполнена сцена в подъезде дома, когда рядом с Акбаром мы видим оскорблённую Диану, слушаем её сбивчивый рассказ о неудавшейся молодости. Акбар словно вбирает в себя несчастную судьбу Дианы, мечтавшей о красивой и беззаботной жизни, но вместо этого живущей в постоянном страхе. Здесь же, в подъезде, Акбар встречает еще одну из героиню – тётю Ларису, пенсионерку и одинокую женщину. Эти мимолётные встречи, знакомства, внутренние раздумья, перепады настроения передают сложность характера Акбара, его особую эмоциональную организацию, своеобразие его психического состояния. Он, отделившийся было от людей своим преступлением, вдруг снова как бы порывается навстречу всему человеческому.

Встреча с Дианой открывает новое в душе Акбара, ибо, слушая уверения о том, что они «родственные души», он чувствует, что, сам того не желая, позволил себе влюбить-

ся и тем самым стал как бы невольным соучастником этого таинства. Акбар старается быть сдержанным, осторожным и молчаливым, но с ужасом чувствует, что невольно выдает себя, свои чувства при встречах с Дианой. У Акбара возникает ощущение, будто он признался сам себе в своём преступлении, что он полностью искупил свой грех и теперь может жить.

Далеко не обыденная история Дианы задевает тонкие струны души читателя: ведь именно она является как бы воплощением прекрасного в произведении. Именно в ней коренятся ответы на мучающие Акбара вопросы. Акбара несколько не мучает вопрос о том, кем была до знакомства с ним Диана, он видит в ней прежде всего родственную душу.

В беседах с Табибом в силе внутреннего противостояния собеседнику выявляется и раскрывается внутренняя позиция Акбара и основа его бунта: социально-бытовые мотивы преступления перекрываются мотивами философскими, как бы по-новому освещая весь трагический путь, пройденный Акбаром. Именно в этих диалогах проявляется мученическая и гордая натура Акбара – человека, который не может позволить другим вторгаться в свой внутренний мир.

Однако именно этого “гордого человека” и заставляет автор смириться. Это уже подлинное открытие. В романе оказывается, что смирение –единственное прибежище для всех людей – и умных, и недалеких, и высокопоставленных, и находящихся на самых нижних ступеньках социальной лестницы. Именно смирение излечивает больной дух Акбара, отказавшегося, наконец, от идеи собственной исключительности и своего права быть вершителем судеб других людей.

Рассматривая идейно-художественные особенности романа «Бунт и смирение», следует отметить, что своей проблематикой он выделяется из ряда других произведений писателя. Если другие романы писателя были посвящены судьбе конкретной человеческой личности, то в «Бунте и смирении» автор впервые воссоздает портрет молодого поколения начала XXI века, его идейные и философские

искания, желания и устремления. Роман появился столь своевременно, так актуален, что сегодняшняя молодежь, прочитав роман, сконцентрировала свое внимание на духовной, философской составляющей его проблематики, стремится отыскать в произведении свой портрет.

С момента создания романа его религиозно-философская проблематика осмысливается как наиболее значимая. Современный читатель видит трагедию героев не столько в ложности устремлений, которые явились следствием заблуждения духовного, сколько в утрате религиозно-нравственной обусловленности поступков, в открытом предпочтении зла добру, воли Антихриста – воле Божьей. Именно такое прочтение романа, на наш взгляд, было адекватно замыслу Хамдама. Как бы то ни было, роман «Бунт и смирение» привлекает внимание читающей публики и критики во многом своим идейным содержанием.

Следует отметить, что творчеству Улутбека Хамдама посвящено очень немного работ. Разнополярная по взглядам критика, вялая полемика, возникающая на газетных страницах, отдельные рецензии в журналах, вот, пожалуй, и всё. Но роман «Бунт и смирение» представляется мне своего рода художественным феноменом. В связи с этим важной задачей является осмысление идейного содержания романа в неразрывном единстве с особенностями его художественной формы, выявление его идейно-художественной целостности.

Критика, оценивая роман, обращалась в основном к вопросу о том, насколько верно изображены в романе герои. Чаще всего в адрес Хамдама высказывались упреки в том, что таких героев в действительности не бывает. В большинстве критических отзывов о произведениях Хамдама писатели и критики обращали внимание на то, что героев произведений никак нельзя назвать «типичными характерами», а вот все катаклизмы, которые с ними происходят, с полным правом могут именоваться «типичными обстоятельствами».

На мой взгляд, герои Хамдама, как правило, являются в мир со своей оригинальной, не похожей на другие идеологи-

ческой концепцией. Однако писателю мало показать просто человека. Он стремится поставить его в экстранеординарные, исключительные обстоятельства, в ситуацию “на грани бунта”, ибо только так могут ярко проявиться скрытые доселе качества человеческой души, её духовный потенциал.

Наряду с современным, актуальным прочтением романа существует и иное – религиозно-философское. Думаю, что Хамдам видел и созерцал, как в сплетении житейских мелочей и обыденных событий вершится или решается судьба человека. Мне кажется, что он изучает человеческую личность не в игре видимых причин и следствий, а в её скрытых от людских глаз глубинах, где сплетаются и размыкаются таинственные течения жизни, не постигаемые умом.

Таким образом, становится ясно, что «Бунт и смирение» – не просто роман, а скорей социально-философский роман, затрагивающий глубинные процессы, происходящие в душах людей.

Авторская позиция, безусловно, важная для исследователя, проявляется в творчестве Хамдама достаточно определенно. Наиболее верной нам представляется трактовка этой проблемы в следующем аспекте. Преобладание идеологии героя имеет важное значение, оно влияет и на композиционную структуру романа в целом. Идея характера сильнее и конкретнее, потому что формирует психику героя. Сюжет у Хамдама – по преимуществу, борьба идей. Говоря обобщенно, в его романах характеры вторичны по отношению к сюжету. Решающую роль в создании характера играет выработка фобулы и отношения к миру, к Богу, к другим персонажам. Причина подобной позиции кроется в чрезвычайном внимании писателя к человеческой личности, её свободе.

Говоря об исключительности и неповторимости каждого человека, следует отметить, что Хамдам постоянно напоминает нам о необходимости свободного существования человека в мире идей. Человек должен самостоятельно сделать свой выбор между Добром и Злом.

Все вышеперечисленные мысли и рассуждения были

посвящены, в первую очередь, проблематике, идейному содержанию произведения. Что же касается поэтики романа, то она изучена в меньшей степени. Это связано, в первую очередь, с тем, что роман «Бунт и смирение» неоднозначно воспринялся критикой. Однако, как известно, необходимо рассматривать литературное произведение в единстве проблематики и поэтики, ибо через поэтику мы наиболее полно постигаем проблематику.

Немногочисленные исследователи творчества писателя отмечают композиционную насыщенность романа «Бунт и смирение». Автор нагромождает идею на идею, сюжет на сюжет; внимание читателя не успевает догонять его. Читатель, поминутно останавливая свое чтение, обращает свой взор снова и снова на перечитанные строки - настолько они содержательны и серьезны. Не малопонятность изложения тому причиной, не туманность мысли, а именно «переизбыточная», изливающаяся полнота содержания, не знающая себе подобной во всей современной узбекской романистике.

Говоря более подробно об этом, следует отметить, что в романе можно выделить основные элементы сложной, перегруженной событиями композиции. В романе четыре основные линии повествования, каждая из которых, в свою очередь, разбивается на три части: завязку, кульминацию и развязку. Огромный мир романа, населенный множеством людей и перегруженный массой событий, организован с высоким художественным мастерством. Мир этот описывается одним порывом, одушевлен одной идеей: он целеустремлен и динамичен.

Завершая разговор, посвященный роману Улугбека Хамдама «Бунт и смирение» в интересующих нас аспектах, хочу подвести некоторые предварительные итоги. Во-первых, роман не изучен полностью в единстве проблематики и поэтики. Это один из тех романов писателя, который вызывает наиболее спорное толкование. Во-вторых, несмотря на определенное количество критической литературы об У.Хамдаме, существует проблема очень скупой, невнятной и противоречиво освещаемая исследователями его

творчества: писатель – литературный герой – читатель.

Героев Улугбека Хамдама понять трудно. Критики, которые говорят, будто своих героев автор пишет с себя, то есть пишет о том, что хорошо знает, конечно же, упрощают ситуацию. Авторскую позицию Хамдама я бы обозначил как “между бунтом и смирением”. Сразу надо пояснить, что речь идёт не о религиозном смирении, а о примирении с обстоятельствами, которые нельзя изменить. И, соответственно, не о том благородном восстании, о котором идёт речь в книге А. Камю “Человек бунтующий”, а о мелком “перевороте” в собственной жизни, когда так хочется изменить хоть что-нибудь.

И здесь не тот случай, когда “третьего не дано” – дано многое... Смирение в чистом виде – это рассказ “Узокдаги Дилнура” (герой плывёт по течению, молча и с удивлением взирает на героиню, которая безропотно подчиняется его воле). Бунт в чистом виде – роман-исповедь “Ёлгизлик” (герой яростно бунтует, признаётся, умоляет, просит, хочет жить). Но в обоих случаях загадка не разрешена и слово не найдено. Всего лишь попытка бунта – рассказ “Кайтиш”. Всего лишь попытка смирения – рассказ “Оташ”. И, наконец, “средняя линия”, где бунт и смирение нераздельны, – это одноимённый роман. Никаких ответов автор, естественно, не даёт, да к этому он и не стремится.

Не могу сказать, в силу особенностей своей личности, или же просто из-за какого-то принципа автор предпочитает изображать обычных, ничем не примечательных людей. Но ведь для того, чтобы изменить свою жизнь, нужна сила, она же нужна и для того, чтобы смириться с обстоятельствами и не похоронить при этом надежду на счастье.

Слаб человек, но жить, как живётся, не хочется, а как хочется – сам не знает. Где-то там, на страницах детективных романов, на разворотах глянцевого журналов, на экране мелькают сильные и преуспевающие. Таким быть не хочется. Страшно. А каким хочется? Герои не знают. Мы сами – эти герои. Мы сами не знаем.

Сделать человека сильнее может святая вера или столь же святая любовь. Конечно, ни того, ни другого мы в книгах Улугбека Хамдама не найдём. Потому что, чтобы истово верить или страстно любить, опять-таки нужна душевная сила, которой нет. Возникает замкнутый круг. Вроде бы неистово любят друг друга Акбар и Диана на мой взгляд, главные герои романа. Но любовь их от отчаяния, их любовь – побег от действительности, желание найти точку опоры. В конце концов они расстаются. Разве это любовь. Так, полет падающей звезды по небосклону... Надежду подаёт только мерцание огней самолёта, плавно плывущего по звездному небу.

“Мы не врачуем себя, не можем излечить наши души, мы страдаем, боремся, мы приносим боль и разочарование. Но мы стремимся к свету”. Похоже, эта фраза вошла сознание, обрела плоть и кровь в художественном мышлении, пожалуй, самого обсуждаемого писателя в современной узбекской литературе. И против неё ни один критик, ни, тем более, писатель решительно ничего не может возразить.

Чего же мне тогда в рассказах и повестях Улугбека Хамдама не хватает. Позитива? Нет, конечно! Не этого я жду... Правды? Но если правда – это то, что соответствует действительности, то здесь у него всё в порядке. Если же говорить о более высокой правде, за которую и жизнью пожертвовать можно, то... Все ведь знают: едва писатель вообразит, что уж он-то знает какую-то правду, едва начнёт её проповедовать, так сразу же немедленно начинает писать плохо. Комментарии, как говорится, излишни.

Да. Улугбек Хамдам не пишет ничего, не соответствующего действительности. Но это ведь ещё не вся действительность! Он не забывает об этом. В пронзительной по искренности исповеди “Ёлгизлик” (1997) автор произносит длинный монолог, в котором, вероятно, изложил свой манифест, своё эстетическое кредо, и который здесь нет возможности привести полностью, но и резать тоже нельзя.

Послушайте! А может быть, мы всё-таки не только при-

носим боль, но и врачуем? Может быть, и Хамдам, нагромождая идеи, сюжеты, детали, рассказывая истории людей, искалеченных вот этой, до боли нам всем знакомой действительностью, хочет заставить нас увидеть самих себя со стороны и содрогнуться от ужаса? Понять, как не по-человечески мы живём, а мы ведь действительно почти привыкли и почти не осознаём... Заставить нас, говоря словами другого классика, “мучительно хотеть быть лучше?”

Да, задача непростая! И выполняема ли? Скорее нет, чем да. Мы ведь знаем: желание быть лучше либо есть, либо нет. Если нет, то его разбудит писатель.

Так хочется чего-то доброго и светлого! Да простит меня Улугбек, но не стану я желать ему создать что-то вроде “Божественной комедии”, “Фауста”, “Гамлета” или “Войны и мира”. Нет. Пиши, что знаешь, что видишь. В этом твой писательский долг.

*М.Н.Холбеков,
доктор филологических наук,
профессор*

«ОДИНОЧЕСТВО» УЛУГБЕКА ХАМДАМА

«Одиночество» Улугбека Хамдама, по сути дела, представляет собой лирический дневник, записи которого фиксируют переменчивое душевное состояние героя. Его «исповедь» подкупает своей искренностью, открытостью, честностью, простотой. Автор не пытается «причесать» своего героя, припудрить, загримировать его, выставив в выгодном свете. Ничего подобного нет. Его герой – обычный человек, со всеми присущими ему достоинствами и недостатками, взлетами и падениями, находками и потерями, удачными свершениями и ошибками. В то же время герой этот – боец; он – постоянно пребывает в неустанном поиске, в смелой и дерзкой битве за жизнь. «И – вечный бой, покой нам только снится!» – эти блоковские строки очень точно характеризуют героя Хамдама. В результате получается, что его одиночество (состояние, в котором периодически пребывает каждый человек) переплавляется в бесконечное постижение и окружающего мира и самого себя, что оно помогает ему совершенствоваться, подниматься в своем духовном развитии по восходящей спирали. Этим этот герой и симпатичен, этим и покоряет.

Одиночество... Когда мы произносим или слышим это слово, в нашем сознании мгновенно рождается целый ряд негативных ассоциаций: тоска, страх, отчуждение, разлука, потеря, разочарование, слезы... Можно продолжить этот «печальный ряд», поскольку любое определение, «вписывающееся» в него, есть «нечто», сопутствующее одиночеству.

Периодически в этом «нечто» пребывает и герой Хамдама, у которого нет имени. Он может ассоциироваться в сознании читателя с автором произведения, но может восприниматься и иначе – просто как Человек: беспокойный,

мечущийся, вечно чего-то ищущий, часто находящийся в разладе с самим собой и окружающим миром и потому периодически испытывающий боль и пустоту одиночества. Подобный прием позволяет читателю поставить самого себя на место безымянного героя, дает возможность «примерить одежду его радостей, сомнений и печалей». Именно в этом, прежде всего, заключается очень действенное, порой буквально физически осязаемое воздействие искренних строк Хамдама на читателя, который в данном произведении, по сути дела, является его собеседником.

Герой Хамдама постоянно находится «между», – такое удивительно емкое определение дает писатель его неприкаянному, «подвешенному» состоянию. В то же время одиночество героя, периодический разлад и с самим собой и с окружающим миром заставляет его неторопливо, вдумчиво, честно и откровенно анализировать свои мысли и поступки, сопоставлять, делать неожиданные открытия, приходя порой к неожиданным выводам. В результате подобного предельного душевного и умственного напряжения рождаются очень непростые вопросы. И далеко не всегда герой может найти ответы на эти вопросы, что, в свою очередь, вновь порождает состояние неустроенности, неопределенности и тоски.

Конечно, можно сказать, что в описании столь сложного состояния человека нет ничего нового. Подобное описано во многих литературных произведениях, свойственно многим литературным персонажам, поскольку веками все мыслящее человечество не устает задавать себе каверзные вопросы и без усталости искать ответа на них, стремясь к получению единственно верного, «правильного рецепта». Парадокс данных поисков состоит в том, что найденные и, казалось бы, безусловно, «правильные рецепты» не только не удовлетворяют людей, но, напротив, вызывают новые сомнения, а значит, рожают новые вопросы и новый виток поисков. Пытливая человеческая мысль неустанно барахтается в колоссальном информационном «потоке», борьба с которым в определенный момент перерастает в то, что

ощущается человеком как «одиночество». Человек не справляется, «захлебывается» и, не получив ответа на свои многочисленные вопросы, начинает ощущать себя непонятым, отторженным, начинает все воспринимать иначе, в ином ракурсе – и окружающий мир, и самого себя. И тогда, в «момент тяжкого одиночества», может родиться «момент истины», может произойти личностная «переоценка ценностей», когда смещаются незыблемые позиции, рушатся устоявшиеся идеалы, рождается новая точка зрения.

Герой Улугбека Хамдама в этом плане – не исключение. Он тоже, как и многие, барахтается в этом «потоке», пытаясь найти верное течение, нащупать под ногами твердую почву, ощутить надежность и прочность берегов.

Человек живет в безмерном пространстве и упорно пытается постичь его. Но и сам Человек, его душа – это тоже безмерное пространство, неизведанный космос, к постижению которого также стремится его неутомимая мысль, его сознание. Однако чем больше он занимается этим, тем яснее понимает колоссальную сложность и, по сути дела, невыполнимость поставленной задачи. Это тоже рождает ощущение «одиночества души». Подобное состояние очень точно охарактеризовал прекрасный поэт Иосиф Бродский, сказав: «Одиночество есть человек в квадрате».

Именно такое одиночество «живет» в лирической повести Улугбека Хамдама. Его герой постоянно занят самоанализом, и подчас его бесконечные сомнения, его мучительные и безответные вопросы переходят в дерзкое, бунтовское осмысление нашего несовершенного мира, созданного Богом, а значит – в бунт против самого Создателя!

Как человеку смириться с этим миром, если он теряет горячо любимого сына-первенца? Невосполнимое, страшное одиночество!

Как человеку смириться с этим миром, если он живет в состоянии постоянной раздвоенности, постоянной борьбы с самим собой – хорошим и плохим, окрыленным и бескрылым, горячо влюбленным и отстраненно равнодушным, порой даже цинич-

ным, страстно жаждущим общения и понимания окружающих и ненавидящим этих самых «окружающих», скрывающимся от них в своем спасительном одиночестве, как в панцире черепаха.

Как соединить все несоединимые концы своей жизни, своей судьбы? Как?

Но (несмотря на все мучительные метания и бесконечные сомнения!) в жизни героя Улугбека Хамдама есть и некая постоянная константа — это его глубокая и искренняя любовь к природе, восхищение и преклонение перед ее «живой душой», ее потрясающей и покоряющей красотой. Природа для этого героя — первое и самое целительное «лекарство» от одиночества.

Повторимся: в теме «одиночества» нет ничего нового, но яркая индивидуальность творческого почерка каждого талантливого писателя в том и состоит, чтобы оригинально, по-своему разработать и подать любую тему, в том числе и ту, которая воспринимается и литературными критиками и читателями как традиционная, классическая. Очень сложно справиться с подобной задачей. Улугбеку Хамдаму, на мой взгляд, это удалось в полной мере.

Когда-то Высоцкий сказал о своем творчестве так: «Ни единою буквой не лгу». Эту фразу можно поставить эпиграфом к творчеству Улугбека Хамдама. Искренность и правда — вот что, прежде всего, подкупает читателя, в произведениях этого талантливого узбекского писателя, вызывая живой интерес читательской аудитории.

*О.И. Григорьева,
к.ф.н., доцент, автор перевода «Одиночества»*

ОДИНОЧЕСТВО, ОБРАЩЕННОЕ К ЛЮДЯМ

Повесть известного узбекского писателя Улугбека Хамдама «Одиночество», подготовленная к изданию на русском языке, достаточно необычна во многих отношениях. Прежде всего следует отметить, что она не является повестью в привычном понимании, то есть произведением с более или менее развернутым сюжетом, описанием жизненных коллизий героев и проработкой характеров персонажей. Можно сказать, что это *лирическая повесть*, где по существу заявлен один персонаж – сам рассказчик с едва намеченными фактами биографии (предприниматель, ученый, писатель) и отдельными ситуациями-эпизодами, всплывающими в его памяти. Главным содержанием произведения также является не изображение жизни персонажа в определенной временной и социальной ситуации, но прежде всего размышления этого персонажа о смысле и основных вопросах человеческого бытия, а элементы сюжетности (смерть сына, потеря и обретение работы, отъезд и возвращение семьи и др.) лишь повод для этих размышлений. Повесть носит не только лирический, но и исповедальный характер, ибо расстояние между главным персонажем (у него даже нет иного имени, кроме «я») и реальным автором сведено до минимума: «я буду писать обо всем так, как оно есть; я беру на себя смелость прямо взглянуть в ужасающее, покрытое синяками и кровоподтеками лицо Истине, и... будь что будет», – заявляет автор-рассказчик (с. 5-6)¹.

Главный герой повести к моменту своего тридцатилетия переосмысливает коренные вопросы человеческого

1. Здесь и далее цитируется по рукописи.

бытия. Возраст в этом отношении (своеобразное «Земную жизнь пройдя до половины...») не случайная категория, ибо в данном случае речь идет не о том юношеском осмыслении, когда человек определяется и вступает во взрослую деятельность – это возвращение к переосмыслению прожившего и во многом опытного человека, зрелого мужчины, жизнь которого, по крайней мере, с формальной стороны, уже во многом сложилась и определилась. Поэтому ситуация раздвоения, в которую втягивается сознание центральной фигуры повествования, случается в жизни далеко не каждого человека. Чем оно вызвано? Несомненно, тем воздействием объективных обстоятельств, теми огромными жизненными переменами, которые имели место в недавнем прошлом, которые задали содержание и динамику сегодняшней действительности и которые многих заставили возвращаться к переосмыслению основополагающих жизненных устоев, но которые лишь пунктирно намечены в повести. Называть и классифицировать их подробнее для автора не было нужды, ибо суть этих перемен у всех на глазах и осознается всеми. Нашего же героя во всем этом волнует не столько исторический или социальный планы, сколько их человеческая составляющая, нравственно-философская сущность.

Центральный персонаж повести, хотя испытал и падения и взлеты личной карьеры, в целом практичен и благополучен. «У меня все прекрасно! Я пьян от жизни! Я умен и здоров, силен и удачлив! Вот эта красивая, стройная женщина – спутница моей жизни, а играющий на полу и так похожий на меня черноголовый малыш (слава Богу!) мой сын! По сути дела, у меня есть все: работа, о которой многие могут только мечтать, прекрасная семья, уютный и теплый дом. И еще – бесконечная хвала Богу! – родители мои живы и здоровы, братья и сестры благополучно устроены, друзьями и хорошими знакомыми я не обделен. Ну, скажите, что еще нужно простому парню? Грех желать большей удачи!» (с. 2)

Однако все это не приносит герою жизненного удовлетворения. К внешней стороне жизни не сводится интерес этой богатой духовными интересами и запросами личности. С жестокой откровенностью он пересматривает и исследует все свои отношения в этом мире: Я и Бог, Я и Она (любимая женщина), Я и Творчество, Я и Общество (люди) Я и Природа. И почти во всех этих отношениях он обнаруживает двойственность, неоднозначность, сомнительность («безымянное МЕЖДУ»), которые вместе с его природным желанием верить и любить проявляют подлинные противоречия человеческой жизни и мысли и обрекают героя на тяжелые внутренние переживания и состояния..

Сознание героя бьется над вечной проблемой любой веры и религии: как Бог может допускать зло? «Следуя Всевышнему, я «все» приемлю и стараюсь быть искренним в оценке этого «всего», стараюсь объективно осмыслить окружающий меня мир и самого себя в этом мире, стараюсь в «своем слове» не прикрывать грязь парчой. И пусть назовут меня «неверным», неискренним, пусть завистники и лицемеры обвинят меня во всех смертных грехах, но я то знаю, что никогда не отрекусь от своих поисков Истины» (с. 36).

Смерть только что родившегося невинного ребенка – жестокое испытание веры главного персонажа повести. Сомнения приводят его на грань веры и безверия: «Ты, знающий обо мне ВСЕ, водишь моим пером. Но, Всевышний, в то же время я ощущаю и то, как Ты бесконечно, бесконечно далек от меня! Так далек, что иной раз меня начинают терзать горькие и страшные мысли о том, что, либо я не существую для Тебя, либо – Тебя нет...» (с. 24-25). Герой повести не утрачивает веры, только осознает, что механическое толкование добра и зла как наказания и воздаяния за добрые или злые поступки недостаточно для понимания всей сложности земной жизни. «Ты, Всевышний, повелеваешь и добром и злом в этом мире, но вовсе не так, как категорично утверждают полуграмотные священнослужители и недалекие ученые: «От Бога – совершенство,

от человека – бесчестие». Нет, не так! Все – от Бога!» Неканоничность такой позиции, ее неприемлемость для многих ясно осознается ищущим героем: «Боже, я, раб Твой, по мнению недоучек священнослужителей являюсь явным мятежником, поскольку вхожу в категорию «сомневающих-ся». Да, я во многом сомневаюсь, я постоянно ищу ответы на многочисленные вопросы, которые мучают и жгут мою душу, но Я НЕ ДВУЛИЧЕН и Я НЕ ЛИЦЕМЕР!» Вместе с тем в герое рождается и вопрос об истинности свободы воли человека: «О горе! Этот несовершенный и жестокий мир создал Ты, Боже, и только в Твоей власти изменить его! А я, раб твой, и слаб, и немощен, и сам грешен. Иной раз мне кажется, что без «указания свыше» человек не в состоянии даже подтереться как следует» (с. 36).

«Привыкание» к близкому человеку, к будничности присутствия в доме любимой женщины – жены, одно простое общение с которой было когда-то для героя настоящим потрясением и праздником жизни, и которую он продолжает любить, но будто уже совсем не так, как тогда, как прежде – еще один источник мучительных состояний и рассуждений персонажа. «Увы, на земле много подобных мне «рабов», мечты которых зациклены на одном, – на обладании любимой женщиной! Однако, бесстрастно проанализировав свое состояние, я все-таки отдаю себе отчет в том, что в отличие от «многих» еще способен контролировать свои чувства и поступки, и потому прекрасно понимаю: **воссоединение с НЕЙ равносильно... потере**» (с. 14). Ибо вместе с этим уходит тяга к ней, первозданность чувства: «Тебе, о мое бедное сердце, не под силу стать Меджнуном, чтобы «скитаться по пустыне любви», да и нет у тебя убежденности в том, что и ее сердце захочет стать «безумным» и последовать за тобой в этих скитаниях!» (с. 23).

Но не только пресыщение чувством волнует героя, сама возможность обольститься другой или другими входит в противоречие с идеальностью настоящей любви: «Грех правит миром. Вот передо мной, на постели, спит моя красави-

ца жена. А я, несмотря на пробуждающееся желание, не приближаюсь к ней, а с интересом наблюдаю за чужими красавицами, проходящими под окном моего дома, и... тоску по ним, готовый целовать их следы. Вот такие черти сидят в моей душе! В то же время все окружающие считают меня исключительно добропорядочным человеком, и я не хочу отказываться от такого мнения о себе, поскольку мне, как и многим на этой земле, приятны похвалы» (с. 39).

Вершина драматизма достигается в откровенном диалоге семейной пары, когда «инициатива сомнения» неожиданно для главного персонажа переходит уже к жене. «Обычно ее крепкий и безмятежный сон был «предметом» зависти моих бессонных ночей. И я всегда искренне считал, что ей не дано маяться душой так, как это присуще мне! Так что же произошло? Неужели и ее мучают мысли, подобные моим, и до утра не дают сомкнуть глаз?

Склонившись над женой и глядя ей в глаза, я тихо спрашиваю:

– Что с тобой?

Спокойным и каким-то потухшим голосом она шепчет:

– Бесполезно! Все бесполезно...

– Что бесполезно? Что с тобой случилось?

– Ах, оставьте меня...

– Говори!

– Я не люблю вас...

– Ты шутишь?!

– Нет, не шучу. И вы тоже не любите меня.

На какой-то момент я немею, переваривая услышанное.

Затем вновь задаю вопрос:

– Почему ты решила, что мы не любим друг друга?

– Вы думаете о других женщинах и желаете их! (и с иронией в голосе) Разве это не так? Но... (и в голосе уже яд) и я думаю о других мужчинах и тоже желаю их. (с горечью) Разве это можно назвать любовью?

– Что?!..

– ...

Не ответив, жена отвернулась от меня и закрыла глаза» (с. 94-95).

И тут герой повести впервые не торопиться погружаться в привычную аналитику: «Я не стал продолжать этот напряженный диалог, потому что понял: в этот момент что-то – очень важное и для меня и для моей жены – просто висит на волоске! А я не хочу обрывать этот волосок. И потому промолчу. Да мне сейчас и нечего сказать!» (с. 95). А ведь речь идет о в целом благополучной и счастливой семье, где супруги действительно любят и уважают друг друга.

Осмысление героем проблем семьи дополняется и достаточно нетрадиционным отношением к проблеме детей: «в результате любовных утех может родиться на свет ребенок, и этот **ребенок будет обречен жить в нашем мире, полном боли и страдания?**» (с. 29) Двойственное отношение к «беспорному шаблону» национальной жизни вносит внутреннее напряжение в казалось бы гладкие семейные контакты. «Когда мама приезжает навестить нас, она всегда «*между многих слов*» обязательно добавит, обращаясь ко мне и моей жене: «Вы молоды, у вас еще будет много-много сыновей и дочерей!» Такое благословение очень нравится моей супруге. А я молчу. ... я не смогу объяснить им, что для меня рождение еще одного ребенка – это мучительная ответственность! Это вопрос жизни и смерти! И происходит это потому, что меня обуревают бесконечные сомнения, принимающие форму тревожных мыслей: не явлюсь ли я «причиной» не только зарождения новой жизни, но и «причиной» всех тех будущих мучений, через которые этой «новой жизни» придется пройти, поскольку таков жестокий закон природы, закон нашего земного бытия? Мы думаем, что дали жизнь младенцу, но на самом деле, не подарили ли мы ему тяжкий путь испытаний, печали и уныния?» (с. 73-74).

Вопрос семейного счастья как действительной полноты бытия или механической «заведенности» человека на про-

Одностороннее, обращенное к людям

должение рода тоже в поле внимания героя: «Вот моя мама... Ее пальцы растрескались и покрылись мозолями из-за каждодневных и бесконечных житейских хлопот. Ее руки огрубели, как руки мужчины, добывающего уголь в шахте. Невольно я сравниваю мамины руки со своими, холеными, «городскими», и искренне расстраиваюсь. И лицо моей мамы – все в трещинках бесчисленных морщин – потускнело и состарилось. Ей немногим за пятьдесят, а она уже сторбилась, как восьмидесятилетняя старушка. Но и это ладно. Мучительный вопрос заключается для меня в том, что получила моя мать взамен своих многочисленных страданий, тягот, волнений? Что видела она в этой жизни кроме вечного труда и вечного недостатка, вечных забот и вечной печали? Может быть, ее счастье в том, что у нее много сыновей? Но даже я – один из самых удачливых из ее детей – не чувствую себя счастливым! Тогда получается, что все счастье моей матушки есть лишь улыбка обманчивого миража?!

Тогда что же такое «быть счастливым»? Не значит ли это быть обманутым и какое-то время жить «в обмане», не ведая об этом?» (с. 74-75).

Не проще герою повести и с пониманием социальных проблем. Здесь преуспевающий предприниматель пытается заглянуть дальше своих непосредственных интересов и интересов своей семьи, ибо он побыл в шкуре и безработного и неудачника: «Зададим простой вопрос: есть ли на свете ИСТИНА и СПРАВЕДЛИВОСТЬ? Затруднительно ответить однозначно, но что точно на свете есть, так это Истина откровенного насилия Сильных над Слабыми, вседозволенности Сильных и беззащитности Слабых. ТАКАЯ ИСТИНА действительно существует. Все остальное – мираж, омерзительное в своей циничности лицедейство.

Головорезы, «компенсируя» свои преступления, время от времени бросают монеты в чаши нищих. Помолится, бросил нищему «на пропитание» и... очистился, и можно дальше вершить свои грязные дела. А через некоторое время

(если того требуют личные интересы!) можно спокойно перерезать глотку тем же самым нищим, которых недавно щедро одаривал деньгами. Вот она – ИСТИНА нашего мира» (с. 35). Герой повести чувствует «страстное желание в «определенные моменты» высказаться сочным матом по поводу окружающих «бытовых реалий» (с. 31) и особенно жестоких законов бизнеса, где «методы «достойной борьбы» в процессе получения «серьезного капитала» срываются крайне редко, зато срывает другое: нож в спину. Но подобный путь не для меня» (с. 41).

Неоднозначно для автора и самое главное в его жизни – словесное творчество. «Слово «литература» и «полет» для меня синонимы. В моменты своего «парения» – я творец, я неповторим и уникален! В любое другое время – ничем не отличаюсь от толпы...» (59). Но эта причастность толпе может сказаться и на качестве литературного труда, ибо пишущий может оказаться неправдив и неискренен по какой-либо причине, и исключения для себя автор не делает: «Порой писатели (в том числе и я!) по многим причинам «наполняют» свои произведения невероятной ложью, пытаюсь очаровать тебя, читатель, своим фальшивым подвижничеством. Не всему верьте! Творческие замыслы рождаются подчас от безысходности положения (например, от бедности, нищеты!). Желая вырваться из этой безысходности, писатель может выдумать что угодно, но подчас скатывается в обычное пустословие, стараясь преподнести его как очередной шедевр...

Да, бедность заставляет подчас (вопреки собственной совести) «торговать словом», «лицемерить словом» в надежде угодить, прославиться и дорваться, наконец, до достойных гонораров» (с. 44).

Не менее простым остается в глазах исповедующегося героя и само отношение «писатель-читатель»: «И если завтра опубликуют то, что я сейчас поверяю этой бумаге, то люди будут с наслаждением читать о муках моего сердца. Такова психология основной массы людей, со страстным

229
- Однолюбие, обращенное к людям

любопытством «рассматривающих» **ЧЬЮ-ТО** боль, **ЧЬИ-ТО** страдания. Это именно так. Но пишу я не для того, чтобы доставить наслаждение кому-то, описывая свои невзгоды, а для того, чтобы самому не сойти с ума, не умереть от необъяснимой и неизбежной тоски. Я выливаю свои муки на бумагу из чистого инстинкта самосохранения. Я ПИШУ, **ЧТОБЫ ЖИТЬ!**» (с. 80). Однако тут же следует и другая мысль: не подменяет ли авторская фантазия подлинной жизни? «Получается, что по-настоящему я живу только в своих записях, только на листе бумаги!» (с. 81).

Подвергая все анализу и сомнению, не щадя самого себя, обнаруживая противоречивость и двойственность во всем, автор, кажется, не оставляет без внимания и критического рассмотрения ни одного человеческого качества, ни одной жизненной позиции. И здесь справедливо задаться вопросом: в чем задача такого подхода к исследованию жизни, что может дать подобное рассмотрение действительности читателю, не подрывает ли все это веры в добрые жизненные начала, не вносит ли оно сомнения и хаос в души людей, не становится ли тем самым произведение в ряд тех литературных опусов, которые можно отнести к разряду «чернухи»?

Для ответа на этот вопрос необходимо внимательно посмотреть на то доминирующее состояние персонажа, которое автор обозначил как «одиначество» (что вынесено и в заглавие повести), которое правомерно считать некоторым отчуждением, отстранением от непосредственной жизни. Что кроется за ним – желание уйти от жизни и ее проблем, или объективно взглянуть на них? В тексте повести немало описаний этого состояния «одиначества» и жалоб на тяготу ощущения разъединения с миром. «Я вдруг почувствовал, что провалился в некое безымянное **МЕЖДУ**, и... стал **ОДИНОКИМ**. А может быть, это «**МЕЖДУ**» и есть «**ОДИНОЧЕСТВО**»? Может быть, оно так и называется?.. И несет в себе бесконечное страдание...» (с. 3). Суть этого состояния в том, что раздвоенное сознание рассказчика

(«два моих «Я») сталкиваются в противостоянии и «кто бы ни победил, побежденным оказываюсь я!» (с. 4-5). Вместе с тем именно это состояние дает рассказчику ощущение своей духовной независимости, личностности: «Дух царит на «неприкосновенном пространстве», на нейтральной территории. Ему нужна особая ПУСТОТА, которую он будет заполнять сам, по собственному желанию и усмотрению, не признавая ничьего руководства, никакого насилия. Он проводит черту, за которую не должны переступать ни жена, ни дети, ни родители, ни близкие, ни друзья... Никто! В противном случае Дух не остановится даже перед тем, чтобы отречься от них – ото всех!» (52).

Оказывается, что это мучительное состояние очень дорого герою повести, ибо, обрушивая его сложившиеся и ставшие уже шаблонным понимание жизни, оно приводит к новому уровню ее осознания и своего места в ней, к обретению новой цельности. Поэтому герой, жалуясь и страдая, вместе с тем заявляет: «Мне необходимо ОДИНОЧЕСТВО! Уже не первый раз я прихожу к этому выводу. Да, мне необходима определенная дистанция не только между мной и моей семьей, но и между мной и всем светом вообще. Только так я смогу вернуть себе утерянное равновесие» (с. 61). Само по себе право и возможность человека мыслить, анализировать, проявлять независимость в суждениях оказываются необходимым условием творчества: «Я соткан из мыслей, точнее из грешных и благородных помыслов, определяющих мое бытие. Счастье МЫСЛИТЬ, а значит СОЗИДАТЬ, СОЗДАВАТЬ и есть КРАСОТА, окрыляющая душу» (с. 34).

Погружая читателя вместе со своим героем в мир неразрешимых противоречий, автор не забывает сделать «необходимые лирические вкрапления», которые становятся подсознательно воспринимаемым фоном повествования и которые подспудно привносят в текст катарсисные гармонические элементы. Как правило, это отдельные замечания героя повести, которые как бы случайно пробиваются

в тексте и которые автор не хочет или не успевает опровергнуть, такие как: «Но я понимаю и другое: сама ЖИЗНЬ, в ее чистом эквиваленте, несравненно выше и дороже любых «совершенствований», любых желаний, даже таких, как стать Истинным Поэтом или Великим Правителем» (с. 58); «ЖИЗНЬ превыше литературы, искусства, науки...» (с. 28); «я пришел к однозначному выводу: очень важно быть ПОРЯДОЧНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ! По сути дела, это самое высокое «звание» на земле» (с. 42); «Уже давно душа моя ищет уединения. Но не с целью сбежать от людей и стать отшельником, нет, ни в коем случае!» (с. 6).

На читателя не могут не оказывать влияния замечания автора, сделанные как бы по ходу повествования, но которые рисуют не только сомневающегося героя, но показывают его природное стремление быть добрым и любящим человеком, например: «Я сделал много добрых дел, но, вспоминая сейчас эти «дела» я не вижу в них повода для самовосхваления, поскольку добро человек совершает, прежде всего, ради самого себя, ради своей души. Это то, с чем каждый из нас в свой час встанет перед Всевышним. Так что и хвалиться здесь нечем» (с. 72). И, конечно, одной из важнейших составляющих вышеотмеченного «фона» является природа, пейзаж, а также музыка, которые всегда гармонируют с переживаниями главного персонажа, никогда не противоречат им и выражают его искреннее устремление к доброй целостности души: «А деревья все шумят и шумят. Этот шорох, шепот, шелест все явственней и ближе, и я следую за ним, и я тону в нем. И в тот момент, когда он окончательно поглощает меня, я вдруг четко и ясно понимаю: это не просто шум – это музыка, удивительная, неповторимая мелодия! В этом шелесте листьев, даже в самом слове «ш-е-л-е-с-т», в чудном сплетении его шипящих и свистящих звуков ощущается вечное движение, точнее, «мелодия вечности»» (с. 3). Природа оказывается созвучной самым любимым и искренним чаяниям души главного персонажа. Ему хочется «преклонив колени пред

Аллахом, заплакать и возблагодарить Его за то, что подарил Он нам, смертным, Великую Песнь Природы, в которой заключен смысл всего...» (с. 42).

В повести Улугбека Хамдама нет и не может быть однозначных ответов на вопросы, над решением которых бьется его персонаж (как нет их и в самой жизни), не в этом ее цель. Смысловая значимость произведения заключается в ином: она прежде всего в утверждении права человека не следовать непременно и бездумно установленным традицией и официальными догматами правилам поведения и думанья, в праве на сомнение, на откровенное высказывания этого сомнения; оно в отрицании морального, религиозного о социального ханжества, в праве, прибегая к словам Грибоедова, «сметь свое суждение иметь», то есть, в утверждении прав личности. Размышляя о себе самом, об истоках своего мучительного анализа, герой восклицает: «Может быть, стоит ...признать все свои дерзкие мечты пустым бредом? Может быть, стоит отмахнуться от всех своих фантазий и жить как «все». Но ведь тогда я просто исчезну. Я перестану существовать как личность!» (с. 101). И это самоутверждение личности, право на духовную и умственную автономность понимается как равнозначность всем другим сферам жизни – вере, традиции, обычаям, установлениями, заведенным правилам и проч.: «...дух обособлен, он жаждет воли и независимости. Его стремление к свободе входит в конфликт с ограничениями и рамками нашего быта и бытия. Именно поэтому человек способен насмерть переругаться с самыми близкими ему людьми и даже навсегда порвать с ними (с. 52).

Повесть Улугбека Хамдама, на наш взгляд, является знаковым явлением в современной узбекской литературе, заключающимся прежде всего в новом уровне психологизма изображения. Надо иметь в виду, что узбекская проза в ее современном жанровом предьявлении, аналогичном европейскому, существует всего около ста лет. Классическая узбекская и шире – тюркская литература – это, прежде

всего, поэзия. Разумеется, сочинения в прозе, в том числе и весьма значительные, появлялись и в древности, как, например, «Бабур-намэ», но произведения такого рода не были собственно литературно-художественными, ибо значительная часть их содержания носила историко-этнографический, географический и летописно-дневниковый характер. Элементы художественности проявлялись внутри этого многосоставного синкретизма. Отличие современного этапа развития художественного мышления заключается прежде всего в открытии и освоении внутреннего мира человека, того, что привычно обозначается литературоведами как «художественный психологизм». Разумеется, и в предшествующие десятилетия узбекские авторы в лице своих лучших представителей изображали внутренние состояния и раздумья своих героев, но прежде всего как реакцию на непосредственно предшествующие события и ситуации, это была полноправная и значащая часть целостного изображения персонажа. В творчестве Улугбека Хамдада внутренний мир сам по себе становится центром изображения, основным содержанием и интересом авторского исследования человека, а сюжетная часть остается едва намеченной.

Стремление выйти за рамки национально традиционного и традиционного вообще достаточно нередки в литературе любой страны и любого народа. Можно сказать, что это вообще одна из необходимых составляющих литературного процесса. И, разумеется, такие попытки активизируются в переломные моменты исторического развития. Вопрос в том, насколько естественны и органичны такие попытки, насколько проистекают они из глубины национального видения мира, или остаются привнесенными литературными авторитетами и модами извне. Попытки углубленного внимания к психологии героев, поиск выходов за пределы традиционного и устоявшегося в узбекской литературе имеют место уже достаточно продолжительное время. Но эти попытки зачастую представляли собой усилия

«перетащить» модные идеи популярных писателей и ученых-психологов на узбекскую почву, пойти за европеизмом, не считаясь в должной мере с национальными реалиями и обусловленностями. Эти попытки имели иногда не больше жизненной реальности, чем пресловутый «европейский ремонт» (по махаллинскому образцу) или «Самса-заказ!», которую никто и не думал заказывать, то есть, говоря словами все того же Грибоедова (которого поминает и сам автор повести), представляли собой «смешение французского с нижегородским».

Поиски и новаторство Улугбека Хамдама опираются на органическую внутреннюю потребность национального самосознания – разобраться в современной историко-культурной ситуации. Это связано, с одной стороны, с обретением государственной независимости и осуществлением непосредственных контактов на разных уровнях и в разных сферах с мировым сообществом: кто мы такие в этом мире, что можем взять в многообразии этого мира, и что можем предложить ему сами? Что знают о нас за пределами нашей земли, как оценивают, в чем справедливы или ошибочны эти суждения и оценки? С другой стороны, установка на светский тип государственности, на развитие форм парламентаризма, предполагающие ту или иную степень функционирования гражданского общества, определяют пересмотр отношения к человеку и модели его общественного и личного поведения – не только как звену в государственном, производственном и семейном механизме, но как самостоятельной, ответственной и сознательной личности. С этих позиций повесть Улугбека Хамдама отражает непростые процессы внутреннего переосмысления человеком основных устоев национального «жизнепользования». Вопреки негласной традиции – «сомневайся, но держи свои сомнения при себе», герой повести обнажает свои сомнения публично. Сложившимися формулами, традициями и правилами часто прикрываются достаточно сомнительные деяния. Вот почему сомнение и бесстрашие думать и оце-

Одностороннее, обращенное к людям

нивать самому на переломных этапах исторического развития становится необходимостью не только для отдельной личности, но и для всего общества. Лишь те, кто пережил разъедающее сомнение и сохранил доброту и любовь, смогут реально и сознательно защитить их в испытаниях многосложной жизни. Те же, кто как большие дети, прячутся за формальными нравоучениями и традиционной «мудростью», могут остаться в позиции невольных исполнителей сомнительных дел: «Что, мол, поделаешь, такие большие, такие уважаемые люди попросили... Если что не так – им отвечать, а мы только выполняли порученное».

Одиночество главного героя повести – категория достаточно условная, ибо подспудно он ощущает правомерность своего взгляда на мир, и что он выражает уже не только самого себя: «думаю, что такое состояние бывает не у меня одного... Но если это так, то получается уже другой поворот судьбы! Получается, что я не одинок и у меня есть товарищи по несчастью! В таком случае, может быть, стоит попробовать свои силы в борьбе с негативами жизни? Возможно, опять Я – нет, теперь уже МЫ! – снова потерпим поражение в битве за СВОЙ ИДЕАЛ, но на то ведь мы и представители рода человеческого, чтобы **вечно бороться за что-то!** Человек силен, если не чувствует себя одиноким, если имеет рядом с собой друзей, а за собой – последователей. Тогда он и на смерть пойдет с гордо поднятой головой!» (с. 31).

Повесть начала свое непростое бытование на узбекском языке, теперь и на русском. Насколько готов наш читатель к пониманию и приятно иной функции литературы, кроме как воспитательной и утверждающей нравоучительные принципы? Не оценит ли он написанное как нарушение благих традиций, необходимых условностей и умолчаний? Как примет публика поставленные в повести проблемы – вопрос уже не только литературного вкуса, но и подготовленности общественного сознания, складывающегося гражданского общества к восприятию подобных истин.

В силу исторических обстоятельств и характера взаимодействия культур узбекистанцы знают европейскую и русскую литературу лучше, чем европейцы знают восточную. Это не удивительно, но, следовательно, восприятие произведения узбекской литературы нуждается в большем познавательном усилии читающего и, возможно, нуждается, в некоторых комментариях, упреждающих прямолинейный перенос европейских стандартов и оценок на произведения восточной литературы. Так, с этой точки зрения, постоянный возврат автора-рассказчика к описанию своего раздвоенного состояния может показаться однотипным и избыточным. Однако, не следует забывать, что это состояние разделенности с идеалом, недостижимости целостного и божественного («А может быть, это плачет душа, разлученная с Аллахом?») (с. 70) – одна из вечных тем восточной лирики, это характерное состояние лирического героя самого распространенного поэтического жанра – газели, воспеваемое и переосмысляемое тысячекратно в различных вариациях и индивидуальных стилях. То, что мы иногда воспринимаем как механическое повторение уже известного и сказанного, в восточном понимании есть некое возвращение к константе, утверждаемой доминанте (сравним хотя бы две широко известные установки: в христианстве «Не поминай имя Божее всуе» и мусульманское всегда уместное поминание Бога).

Улугбек Хамдам, описывая внутренние состояния своего героя, своевременно «подбрасывает» читателю некое подобие сюжетного действия, хотя в европейском понимании целостного сюжета, даже намеченного пунктирно, здесь нет. Но и тут следует иметь в виду, что восточная литература никогда не придавала сюжетной стороне такого значения, как европейская или американская. Классические произведения «с сюжетом» писались по мотивам исторических событий или легенд, достаточно известных читателю и слушателю, и не имели целью поразить его новизной или неожиданностью событийного содержания. Вспомним «Лейли и Меджнун» и другие самые популярные на Востоке сюжеты. События здесь

всегда в большей мере оставались поводом для демонстрации мастерства изображения, и чем лучше знал их читатель, тем «объективнее» он мог оценить интерпретацию заранее известного сюжета тем или иным мастером слова, мог видеть и сравнивать достоинства пишущих, ибо, по восточным меркам, судить о мастерстве предпочтительнее, когда все участники проходят одну и ту же «дистанцию».

Европейскому читателю будет интересно наблюдать и то, как внутренние размышления персонажа, его аналитика окрашивается поэтическими формулами и образами восточной поэзии, восходящими к векам наработанной системе художественного восприятия мира: «До меня доносился тихий шелест листвы, колеблемой нежным ветерком. Тогда я поспешно распахнул ставни и... ощутил себя рядом с деревом. Как влюбленный Меджнун, любующийся своей Лейлой, я ласкал это дерево взглядом – от подножия ствола до самых кончиков прекрасной кроны. Погрузившись в мир своих грез, я забылся, отрешился от всего окружающего и вдруг, ощутив внезапный внутренний порыв, бросился в объятия прекрасного дерева и, дрожа, с нежностью прильнул щекой к его теплому стволу... Где-то «внутри меня» зазвучало «пение» муэдзина, призывающего к молитве...» (с. 18-19).

К влиянию восточной эстетики и экспрессии следует отчасти отнести и приемы чисто внешней, визуальной аффектации значимых для авторов фрагментов текста: использование жирного шрифта, заглавных букв, кавычек, обилие восклицательных знаков и проч., могущих поразить читателя своим обилием.

«Одиночество» героя повести Улугбека Хамдама состояние преодолимое, если осуществится то, что писатель полагает главным источником и целью своего творчества – возможность «СВИДАНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ЧЕЛОВЕКОМ» (с. 45). Со стороны автора этот шаг сделан – ответ за читателем.

Н.Д.Ильин, к.п.н., доцент

МИФОПОЭТИКА УЛУГБЕКА ХАМДАМА: БУНТ И СМИРЕНИЕ

В связи с изменившимися на рубеже веков общественно-политическими, социокультурными и нравственными ценностями религиозная тематика вновь стала привлекать внимание писателей. Духовность проявляет себя через религию, ее заповеди. Духовная тематика, ставшая содержанием стержнем наиболее значимых произведений современной литературы, предполагает решение многих злободневных проблем макрокосма. Ответы на них пытается найти и Улугбек Хамдам, в основе романа которого «Бунт и смирение» (2006) – мифологема о сотворении Богом первого человека и его грехопадении.

В предисловии к роману, озаглавленном «В поисках утраченного рая...», Н.В.Владимирова и Г.Т.Гарипова так объясняют обращение автора к библейским и кораническим сюжетам: «Используя библейские и коранические сюжеты, Улугбек Хамдам изначально создает в своем текстовом пространстве модель мира, ориентированную в динамике своего развития на идею божественной предопределенности. Вкрапление мифосюжета о первородном грехе Адама и Евы рефреном проводит мысль не только о бунтующем Человеке и его смирении, но и о сути его Греха и Прощения»¹. С помощью мифосюжета автор пытается вскрыть универсальную модель «идеального бытия» (Е.Мелетинский), кроющуюся в недрах мифа.

А П.М.Мирза-Ахмедова, рассматривая творчество А.Фит-

1. Владимирова Н.В., Гарипова Г.Т. В поисках утраченного рая... / Предисловие к роману «Бунт и Смирение». – Ташкент: Zar qalam, 2006. – С.4.

рата, видит в использовании мифологемы об Адаме и Еве «новый импульс в развитии сюжета в силу того, что новейшее искусство открывает в неомифологизме новые для себя возможности как художественные, так и интеллектуальные»¹. Подобный синтез дает не только У.Хамдаму, но и многим современным писателям новые возможности в художественном изображении онтологических проблем и концепций человеческого бытия. Это особенно актуально в наше время, в эпоху дегуманизации и утраты извечных этических и эстетических норм.

Роман У.Хамдама написан в координатах неомифологизма, давших новый виток развитию древней легенды о первом человеке. Роман писателя может быть отнесен к новаторским произведениям современной узбекской литературы. В нем органично соединен реалистический способ изображения с элементами модернизма, что позволяет говорить о своеобразном синтезе жанров, свойственном литературе конца XX века. Интертекстуальность, аллюзия и мотивность в поэтике У.Хамдама всего лишь опорные точки, отмечающие ритм движения внутри глобального пространства текста. Художественное мышление автора гипертекстуально по своей природе, оно создает новые типы пространственно-временной организации, насыщает роман разного рода антиномиями: свет – тьма, жизнь – смерть, личность – толпа и др., составляющими образную структуру романа.

«Бунт и смирение» – это роман о поиске главным героем смысла жизни, своего «Я». На этом пути Акбар проходит своеобразные «круги», наполненные событиями, которые он пытается объяснить и осмыслить, соотнеся их значимость для него с извечными вопросами бытия: что есть для человека добро и зло, каковы истоки человеческого зла, почему оно часто побеждает добро?

1. Мирза-Ахмедова П.М. Творчество Абдурауфа Фитрата и литературно-художественная мифология XX века // Шарафутдинова М.О., Саидов А.Х., Мирза-Ахмедова П.М. Художественная и критическая мысль в контексте национальной и мировой традиций. – Ташкент: Фан, 2009. – С.65.

Композиционно роман, построенный по монтажному принципу, состоит из трех частей, в которых так или иначе переплетаются судьбы главных персонажей: Акбара, Табиба, Искандера, тети Ларисы, Дианы, Турсунбая. Сюжет предваряется мифологемой об Адаме и Еве. В структуре романа преобладает «прерывность (дискретность) изображения, его «разбитость» на фрагменты»¹, связанные причинно-следственными связями; судьбы персонажей пересекаются в пространственно-временных координатах. Наиболее сильным «фактором» сцепления всех частей становится авторская мысль, предельно ярко выраженная в письме Табиба. Она объединяет, казалось бы, разрозненные фрагменты в органичное целое.

Истоки бунта Акбара, заключаются в неприятии им дисгармоничности и бездуховности мира. Если библейский Адам за ослушание был изгнан из рая, то герой Хамдама за вполне заслуженную пощечину, которую он дал Садру, своему ученику, был посажен в тюрьму. Если Сатана, обиженный на Создателя, обманывает первых людей, то Садр и его отец, своего рода современные сатаны, погубили жизнь честного человека. Эти «человекоподобные» ради денег готовы предать, как когда-то Сатана предал первых людей или как Иуда за тридцать сребренников предал Иисуса.

Тюрьма – это олицетворенное пространства тьмы, где преступники несут наказание за содеянное, а невинно осужденные платят за чье-то предательство или роковую ошибку.

Акбар, веривший в гуманность и доброту, в чем-то наивный по сегодняшним меркам, помнящий божеские заповеди «помоги ближнему», «не убий», делает несколько попыток воззвать к совести своих обидчиков, но безуспешно. Полностью он теряет веру в справедливость и человечность только тогда, когда сами служители закона предлагают ему дать взятку, хотя прекрасно осознают его невинность. Писатель показывает, что в эпоху хаоса и нарушения бо-

Мифологематика Якубова Хамдама: бунт и смирение

1. Хализов В.Е. Теория литературы. – Москва: Высшая школа, 1999. – С.276.

жеских заповедей человеческая жизнь ничего не стоит. Сила денег оказывается решающей.

История с пощечиной дает развитие сюжету. Неприятие предательства, алчности рождает в душе героя бунт, он против социального устройства, рождающего бездуховность людей. С бунтом в душе жили не только Акбар и Табиб, но и Искандер, их ученик. Акбар повторяет судьбу своего Учителя. Именно к нему обращается он с мучительными вопросами.

Образ Табиба, на наш взгляд, наиболее интересный в романе, дан в развитии. В молодости бунтарь, стремящийся исправить человечество, он восходит к Богу уже пожилым, многое испытавшим в жизни. Через внутренний бунт и сопротивление приходит к смирению, ощутив на себе и поверив в силы Творца.

Беседуя с пациентами, табиб мысленно всегда взывал к Всевышнему: «Что же у тебя так много недугов и печалей... Больно смотреть на это. Либо вырви из моего сердца сострадание, либо облегчи людскую долю!...»¹. Он никогда не забывал Его, всегда благодарил за помощь в исцелении больных. Как человек праведный, табиб считал, что никто не вправе вмешиваться в людские судьбы и тем более забирать жизнь людей, дарованную им Создателем.

Знаток религиозного учения, У.Хамдам очень точно передает картину смерти Учителя: «Издали казалось, что табиб бьет земные поклоны и просит простить не только свои грехи, но и грехи всего рода людского и, возвеличив имя Господа, сразу же поднимет голову» (110). Ведь Акбар знал, что табиб напряженно молится, прося Его о прощении себя и всего рода людского за эксперимент и вмешательство в самое святое – деторождение.

Смерть Табиба, человека доброго и справедливого, преданного Богу и жалеющего людей, символически приравнивается к гибели людского рода, который стоит на пороге Страшного суда за великие грехи: клонирование, самоубийства, аборт, предательство...

1. Хамдам У. Бунт и смирение. – Ташкент: Zar qalam, 2006, – С.56. Далее при цитировании в скобках будут указаны страницы.

Но вернемся к образу Акбара, в душе которого пылает бунт, против несправедливости мира. Его, как табиба и Искандера, волнуют вопросы: что есть зло, что его порождает, чем и кем оно питаемо и «может ли быть найдено такое Слово, которое удовлетворило бы всех, раскрыло бы смысл жизни?» (89). Милосердие, Духовность и Нравственность – именно такие слова, но они забыты обществом.

Одна из причин бунта или «бегства» Акбара – его одиночество. Иногда он думал о семье: «Теперь мое присутствие в доме больше не праздник для них, а мое отсутствие не трагедия» (53). Он страдал от этих мыслей. Этим объясняется его «странничество».

Вообще мотив странничества, как отрыв от всего, что духовно отягощает человека, – одна из вечных тем мировой литературы – от древнегреческих мифов до «Улисса» Д.Джойса. Чтобы отправиться в «хождения» по миру, человеку должно стать невыносимо тесно среди себе подобных... Совершая путешествие, личность расширяет границы мира. Однако странничество, как правило, циклично. Уходят обычно, чтобы вернуться, чтобы другими глазами увидеть все, что когда-то оставил. Странничество, сливаясь с изгнанием, приобретает разные формы: изгнание судьбой, изгнание Богом, изгнание страной, изгнание страхом. Изгнание учит человека смирению: затеряться среди людей в толпе, в своем одиночестве. Но человек уходит, чтобы остаться, чтобы дать новый импульс духовным силам.

Если рассмотреть изгнание как наказание Бога, то на память приходят многочисленные «изгнанники»: Адам, Лот, Моисей, Сергей... Весь миграционный акт понимается творцами новых путей как прокладывание дороги из одного пространства в другое, открывающее новый взгляд на жизнь и людей, заставляющее переосмыслить пережитое, дающее новые силы для преодоления.

Через бунт человек приходит к смирению. Если первый бунт Акбара – уход из семьи в город, то второй – любовь к Диане. Человек приходит к смирению и покаянию, преодо-

Мифопоэтика Якубека Хамидова: бунт и смирение

лев тяжкие испытания, величайшие из которых – искушение и соблазн. Любовь Акбара к Диане – это и есть искушение, соблазн, который ему не под силу преодолеть.

Акбар стоит перед выбором: нарушить ли данную перед Создателем клятву верности жене или же отвергнуть возродившую его к жизни и вере любовь. Во всех мировых религиях измена осуждается. Эта идея составляет одну из основных заповедей религии: не прелюбодействуй. Она же, эта заповедь, одна из основ нравственного учения Л.Н. Толстого, заповедавшего мужьям: «не любезничать с женщинами, не оставлять той, с какой сошелся»¹.

Мастерство У.Хамдама проявилось также в передаче сложного психологического состояния героя, стоящего перед выбором. С одной стороны, он любит Диану, с другой – понимает, что измена жене равносильна предательству. Писатель мастерски объективирует переживания «бунтующей» личности. Мотив двойничества – раздвоения личности на почве нравственного падения, блуждания героя между Богом и Сатаной – эстетическая находка Улугбека Хамдама, которую отметили исследователи его творчества.²

Чувства к Диане были настолько сильны, а терзания настолько измучили его, что «в его сердце было все разрушено, все перевернуто вверх дном, как после сильного землетрясения – в нем не осталось живого места... Занятый своим недугом, он не выходил из дома и не интересовался тем, что происходит вокруг. Но и то, что касалось его, стало ему неинтересно, как бывает неинтересен старый заброшенный дом» (59).

Акбар хотя и понимал, что предаёт и топчет чувства жены, был бессилён перед поглотившей его страстью, не мог с собой совладать. Временами ему казалось, что смысл

1. Толстой Л.Н. Евангелие. – СПб.: Изд. «Сытина», 1904.

2. Владимирова Н.В. и Гарипова Г.Т. В поисках утраченного рая... // Предисловие к роману У.Хамдама «Бунт и смирение». – Ташкент: Zar qalam, 2006. – С.4.

жизни заключен именно в Любви. Но как долго она продлится и принесет ли счастье, неизвестно никому на свете.

Еще один аспект этого чувства связан с чудесным преобразованием Дианы. Ее любовь к Акбару возрождает ее, создает из нее совершенно другого человека.

После встречи с Акбаром она впервые «с презрением и брезгливостью подумала о том, что делает...» (58). Как и Акбар, она впервые познала настоящую большую любовь. Изменившись и внешне, и внутренне, ощутила силу чистоты, силу бескорыстной, жертвенной привязанности и любви к человеку, будто заново родилась. Любовь Дианы придает Акбару силы жить и творить.

Размышляя о любви, философ Ю.Б.Рюриков пишет: «Родившись на свет, любовь резко удлинила сроки любовных связей. Ведь телесную радость могут дать многие, а полную радость любви – и телесную и духовную – дает только любимый. И поэтому так важно, чтобы источник этой радости – любовь к одному человеку и его любовь к тебе – не иссякал как можно дольше»¹. Но как бы ни были сильны чувства Дианы к Акбару, между ними не было духовной близости и эмоционально они «не совпали», поэтому она всегда говорила ему «боюсь твоей бесноватости» (98). Эмоционально сдержанную Диану пугал напор чувств Акбара.

Любовь-страсть, которую Акбар принял за смысл жизни, проходила, рождая горькие мысли. «Человек в широком смысле не свободен, не принадлежит себе. Он вступает в этот мир не по своей воле и уходит из него не по своему желанию. Человек лишь сырьё, глина в руках какой-то великой силы. Эта сила по своей воле управляет им: хочет – наделяет его здоровьем и красотой; хочет – делает его больным или уродом. Человек ни на йоту не может изменить свою судьбу. Он поистине стрела, пущенная из лука...

Эти сомнения и метания рождают очередной протест

1. Рюриков Ю.Б. Детство человеческой любви / Философия любви в 2-х т. Т. 1. – С.31.

Акбара. И самая горькая претензия у него к тому, кто выпустил стрелу, – к Создателю! (99).

Пройдя все круги своего духовного ада, все мучения, сомнения в себе и в людях, достигнув шестидесяти, Акбар успокаивается и возвращается в семью, как в свое время его учитель – Табиб. Этот возраст – пороговый, когда человек испытал и совершил все что мог, а за этим временным порогом начинается жизнь духа в раздумьях о пережитом. В этом возрасте человек находит покой, приходит к смирению и покаянию. Если Табиб обретает смирение, познав Бога, то Акбар, приходит к смирению минуя Бога.

Его бег «по кругу испытаний» фактически завершается возвращением к себе и обретением себя. Мотив возвращения является одним из важнейших в архетипе ищущего героя. Если бы не открытый финал, то возвращение Акбара можно было бы рассматривать как обретение им целостности и гармонии, разрушением которых отмечено его пребывание в «чужом» пространстве. Но автор оставляет выбор за нами и не дает готового ответа... Открытые финалы эпических произведений соотносимы с таким имманентным свойством эпики, как «необязательность или отсутствие развязки».¹ Незавершенность сюжетного действия носит в прозе, скорее всего, принципиальный характер, так как смысловой итог подводится с помощью авторского неомифа.

Судьба главного героя непосредственно переплетается с судьбами Дианы, табиба, Искандера и тети Ларисы. Образы Дианы, Ларисы близки своими одиночеством. Они несут идею распада связи времен, так как в них утрачено материнское начало. Их бунт проявляется в несоблюдении ими божественной предназначенности женщины быть матерью, хранительницей семейного очага. Тетя Лариса одиночеством расплачивается за свой эгоизм, желание «красивой», обеспеченной жизни: «Ну почему я должна родить? На свете у всех свое предназначение. Пусть рожают те,

1. Тамарченко Н.Д. Теоретическая поэтика. – М., 2004. – С.247.

кто не может, как я, заниматься важными делами и ездить по свету. Что же мне прикажете отказаться от моего положения и, как вы, сидеть дома и рожать детей?» (90). И только под старость она поняла, что совершила непоправимую ошибку.

Она не только убила своих неродившихся детей, но и себя: «Он (Акбар – С.Н.) не сразу понял, что происходит. Ускорил шаги и вдруг его осенило:

она же хочет выброститься из окна...» (104). Любое убийство, в том числе и убийство самого себя запрещены мировыми религиями, поскольку уничтожение себя или другого означает покушение на Божественный замысел, которым является жизнь Человека. Самоубийство во всех религиях считается страшным грехом: никто не вправе отнимать жизнь, кроме Творца. Христианство и ислам запрещают отпевание самоубийц и чтение им погребальной молитвы. Но знала ли об этом тетя Лариса? Она относилась к поколению, которое мыслитель назвал поколением «без пастыря». ¹ Ей не нужен был Бог, она просто «обходилась без Бога» (61), «как и многие, не знала, когда закончится отпущенное ей время и ее прекрасное лицо покроется морщинами, а ясные глаза потускнеют» (62). Собственная старость, тоскливое одиночество и смерть подруг приводят ее в Церковь. Но каких усилий этот приход стоил ей, человеку без веры, без какого-либо «навыка» духовной жизни: «Да, для того, чтобы тетя Лариса отправилась в церковь, понадобилась целая человеческая жизнь...» (63), но даже в попытке своего «обращения» ее беспокоила только форма, обрядовость, а не суть молитвы. Поняв, что она не в состоянии молиться, – нет ни слов, ни настроения, ни открытости Богу, ощутив еще большую пустоту, женщина решается на страшный шаг...

1. Бетеа Д. Мандельштам. Пастернак. Бродский // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. – СПб., 1993. – С.362-400.

Автор создает еще один образ человека без веры, без Бога, лишённого всяких мыслей и раздумий о собственном предназначении на земле, хотя он всю жизнь отдал этой самой земле. Это труженик Турсунбай, простой, смиренный человек, для которого труд чуть ли не с рождения стал единственным способом существования. Он, как часть природы, живет только ее законами и ритмами. Его давно ничто не связывает с людьми, с семьей. Он «уходит» в работу, чтобы ни о чем не думать, ни за что не отвечать: «Вся его жизнь проходила в каких-то жизненных мелочах и постоянном труде. Но сам он не замечал этого и считал, что это и есть жизнь...» (77). Его все устраивало, он ничего не видел и не хотел видеть, кроме работы: забыл брата, махаллю, людей, соседей. Лишь смерть родного брата выводит Турсунбая из его «деятельного забвения»: «У меня был единственный брат, – громко, дрожащим голосом произнес он. – Теперь и его нет! Уходи... иди на свое поле» (51), – гонит он себя от людей. Изгнанный братом, непонятый семьей, он не понимает, в чем его вина. Турсунбай-труженик. Даже заболев, он не может думать ни о чем, кроме своего трактора. Его ужасает не то, что он скоро не увидит ни жену, ни детей, ни близких, а то, что он не увидит свой трактор. Человек становится рядоположен вещи, как гоголевский Акакий Акакиевич равен своей шинели.

Вся жизнь Турсунбая подобна «духовной пустыне», о которой писалось в Евангелии. Образ Турсунбая – это еще один микро- и мифосюжет. Такие люди уподобляются персонажам из Дантова «Ада»: они «никогда не были живыми»; им не нашлось места ни в раю, ни в аду, т.к. в своей жизни не совершили ни они добра, ни зла, жили лишь для себя, из-за чего обречены на вечное кружение во мгле без надежды на «вторую жизнь», которой они ждут, но никогда не обретают.

Смирение для У.Хамдама это не кроткая жизнь, извечная покорность, а обретение Бога через Бунт и последую-

щее, осознанное духовное Смирение. Если Табиб приходит к нему через обретение Бога, то Акбар, не обрета Бога, приходит к смирению и покаянию через обретение связей с людьми, семьей, через возвращение к себе самому и прощение.

Обобщая сказанное, еще раз подчеркнем многофункциональную нагруженность мифосюжета, который расширяет рамки повествования и превращает довольно банальные житейские истории в символические притчи, придает философскую глубину и содержательность привычным образам. Все это делает роман У.Хамдама значительным явлением в узбекской литературе XXI века.

*Н.А.Сыздыкбаев,
к.ф.н., доцент*

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА
«МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ИНОРОДЦА ИЛИ
ЧЕЛОВЕКА-КАПСУЛЫ»
В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ

В эпоху социальных реформ конца XX столетия, связанных с историческими преобразованиями, которые вторглись в быт и повседневную жизнь людей и разрушили их привычное течение, формируется новое представление об окружающем мире, невольно складывающееся в сознании современного человека, пытающегося осознать себя в контексте нового времени. Время, утрачивая черты натурального «протекания», лишается признаков «вечности», приобретая особенности «мгновения». Реальность, соотнесенная с «мгновением», формирует свою модель времени, которое складывается внутри пространства. В такой ситуации трансформируется природа «мгновения», теряющего свойства конца, что обычно характерно для него при нормальном соотношении времени и вечности. «Мгновение» «капсулируется» внутри самого себя, окончательно теряя при этом перспективу дальнейшего перехода в другую фазу. Такое превращение «мгновения» отражается на состоянии героев современной прозы, которые оказались в ситуации «утраты ощущения времени», обострившего экзистенциальное чувство «безвременья».

Современные писатели постсоветского пространства, ранее представлявшего единое многонациональное государство, а ныне – суверенные государственные структуры, оказываются в ситуации с *одинаковыми* стартовыми началами, равносильными нулевому эквиваленту (когда старые ценности уже разрушены, новые еще не сформирова-

ны), в условиях которых вырабатывается их новое мироощущение. Им открывается истина, имеющая не только конкретно-историческое, но и отвлеченно-философское содержание. И это проявляется в структурировании характера современного героя, типологической организации «мировоззренческого инородца или человека-капсулы», отличающегося, по словам современного русскоязычного корейского писателя А. Кана, «степенью самоотторжения и замкнутости, неизлечимо замороженного собой», специфика которого «не в этнических границах (можно добавить: социальных, национальных, возрастных и т.д. – О.Х.), а <...> мировоззренческих»¹, обусловивших «главное и сущностное явление нашего сегодняшнего существования – островизацию личности»².

В качестве примера рассмотрим произведения писателей разных национальностей, геополитических сфер, ментальностей, культур, герои которых оказались в одинаковых условиях «безвременья» постсоветского ареала: в ситуации «безымянного МЕЖДУ» (У. Хамдам «Одиночество»), обращения в «Ничто» (М. Бутов «Свобода»), «бесконечной пустоты» (А. Кан «Век семьи»), – одинаково остро и драматически ощутивших свое выпадение из реального времени. В их творчестве формируется современный феномен: тип характера «мировоззренческого инородца или человека-капсулы», неизбежно мучавшегося вечными вопросами бытия, характерологические черты которого не соотносятся с национальными, этническими или социальными факторами, а являются свойством мировоззренческого плана.

Герои рассматриваемых произведений – люди неординарные, склонные к рефлексии и анализу событий собственной жизни и окружающей реальности, «закапсулированные» в момент «прохождения сквозь ночь» и достижения Гармонии, пережившие «побег к свободе» (М. Бутов), преодолевшие «пустоту, черную дыру» (А. Кан), прошедшие «путь к

1. Кан А. Невидимый остров // http://world.lib.ru/k/kim_o/i/a12-1.shtml

2. Там же.

постижению Истины» (У. Хамдам), – относятся к одному поколению «перелома» эпох, когда уже есть жизненный опыт, знания, чтобы признать реальность «безымянного МЕЖДУ», «Ничто», «пустой, черной дыры» и остаться вообще без иллюзий и при этом не сломаться, и, вместе с тем, есть когда еще есть силы и возможности начать новую жизнь с «чистого листа» («...когда ты уже достаточно повзрослел, чтобы поставить себя под удар на такой высоте, где вся шелуха с тебя слетает: социальная маска, навязанные приоритеты, твое о себе представление, когда ты уже достаточно силен, чтобы суметь остаться вообще без иллюзий. И вместе с тем – когда Бог еще не начал тебя убивать, не развернул лицом к могиле»)¹.

Такой путь проходит герой романа российского писателя М. Бутова «Свобода» (1999), пытающийся обрести свободу, уловить ощущение движения времени в экзистенциальном плане, демонстрирующий индивидуальный опыт обретения себя в ситуации, когда необходимо сделать личностный выбор.

В экспозиционной части романа описываются родовые корни, определяющие исходные факторы сложившейся судьбы героя, его интеллигентности, внутри которой изначально заложено рефлексивное свойство «самокопания»: двух прадедов – народовольца и крупного полицейского чина – деда и отца. Дед главного героя был талантливым писателем, которого слова «понемногу увлекли в свои самые сокровенные глубины»² и привели к тихому помешательству, а затем и самоубийству.

Отец героя, в жизни которого не было ничего примечательного, «вышел... на уровень твердого нуля» (12). Сам герой на фоне «фамильных касаний к искусству, подполью и безумию» определил свою меру участия в жизни как су-

1. Антоненко С. Поколение, застигнутое сумерками. Новый мир, 1999, №4. – С. 181.

2. Бутов М. Свобода // Новый мир. – 1999. – № 1. – С.23.–24. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

ществование «в областях отрицательных, если не мнимых» (12). Перед нами вырисовывается образ неприкаянного интеллигента, выпавшего из времени, пытающегося найти ощущение «я» в закрытой «капсуле мига».

В ценностной иерархии героя нет такой доминанты, которая бы могла помочь ему найти выход. Любовь как жизненная ценность не открывает ему путь к счастью. Его любовная ситуация в романе выглядит так: «Иногда женщина приходила... На свой – вероятно, ущербный, – лад я любил ее. Но когда все успокоилось и вернулось на круг, я понял, что за эти крошечные дни она перестала быть для меня сообщением извне, загадочной другой душой, раненой и тем более неразрешимой» (23). Разрыв очевиден, и герой не видит смысла в «безрадостных, бессмысленных возвращениях» (76).

Родительский дом для бутовского героя также не представляет ценности и в контексте его судьбы означает несостоящуюся точку опоры. Родители и дети как будто находятся на разных планетах и говорят на чужих языках. Так, единственный в романе диалог героя с матерью отражает пропасть, разделяющую людей разных мировоззрений. Между сыном и матерью полное непонимание, отражающее противоречие не просто между поколениями, «отцами и детьми», но гораздо большее – мировоззренческое: «Мама! Ну что ты говоришь? Кто такие: мы, вы?».

Религия как аспект духовности не открывает ему жизненной перспективы, оказывается не способной придать новый смысл в его существование. И, хотя в религиозном плане герой Бутова был образованным и начитанным человеком, в целом его отношение к религии весьма ироничное. Прежний духовный опыт делает героя цитатником на все случаи жизни. «Цитаты остались не востребованными», – констатирует герой (38). Но, вместе с тем, он хранит некоторые из них на случай крайнего падения, к примеру: «Держи ум во аде и не отчаивайся» (38).

Смерть, отвратительная по своей природе, также не представляет ему «... покой в конце пути. И не призовой

Штиглицевская природа «мировоззренческого инородца или вековая-капсулы»
в межкультурном послеповальском пространстве

старт к лучшим мирам в обход здешнего страдания – если никакого пути еще не было. Это постыдная порча, чужая вина, оскорбление, на которое нечем ответить. Ее не окультируешь – попробуй окультурить тухлятину, гниение» (33). Исчезла тайна, загадка, на ее место пришла уничтожающая своей простотой физиология упадка, не вызывающая никаких других чувств, кроме омерзения и брезгливости. В сложившейся жизненной ситуации герой «Свободы», рефлексивно пытающийся осмыслить свое собственное существование, осознает себя лишним: «Более инородным мог бы ощущать себя разве что гуманоид, выброшенный сюда за неуживчивость и систематическое противостояние коллективу» (21). Его позиция по отношению к миру неоднозначна: с одной стороны, он вне сложившихся устоев, так как осознает относительность любого порядка, но, с другой стороны, он не может окончательно освободиться от всего этого, что и приводит к возникновению глубокого кризиса. Герой пытается «отъединиться от мира, от общения, от любого конкретного деяния», он «забывается вглубь пространства ... и выстраивает соответствующую его подавленному состоянию сеть координат»¹.

Состояние героя, обусловленное тем, что дух его «болит, проходит через ночь» (35), приводит его к «побегу» от людей, оказавшимся необходимым для героя, чтобы разобраться в себе. В его сознании оно предстает так: «Я надеялся нащупать в молчании выход. Я все еще протестовал, все еще не хотел признавать, что жизнь, которую стремился превратить в выковывание бытия сокровенного, обречена развиваться по модели визита к зубному врачу: сажают в кресло, делают больно, берут деньги...» (23). Все это приводит героя к мысли о невозможности смириться с тем существованием, которое называется *мир*. Не сумев справиться с «прогрессирующей мизантропией», герой уходит от этого мира в пустующую квартиру, в «пустынь-нору, что-

1. Антоненко С. Поколение, застигнутое сумерками. – С. 182.

ной реальностью: «...Имя этому – Ничто. Так оно выглядит» (31). К позитиву ведет другой путь, который даст герою возможность почувствовать собственную самостоятельность, равносильную счастью. В романе нет конца этому позитивному пути, но есть надежда. В момент, когда вся шкала ценностей сбита и остается лишь верность дружбе, как последний зыбкий ориентир, вечная тоска по недостижимому прорывается спонтанным чувством бессмертия: «Пропустил мимо ушей слова, которые не повторит мне никто и никогда. Будто неведомо чем мы выкупили себя вперед, и долго теперь не полагается нам слышать ледяное дыхание – ни в затылок, ни где-либо рядом» (55).

Именно это ощущение: человек бессмертен – не абстрактно, а реально – является истинным. Герой закончил свой побег, но обретенное им уже никогда не позволит ему стать «человеком-из-толпы»¹.

Главный герой «Свободы» уже пережил свое поколение. Его взгляд – оглядка назад, придающая видению ностальгический, ретроспективный ракурс. В конце романа он делится с читателем секретом своей нынешней удаленности от тех, «чей дух все еще проходит сквозь ночь» (56). «С тех пор, как мне впервые улыбнулся произошедший от меня младенец, я знаю, что любить можно иное и иначе» (56). Действительно, «произведший новый род, передавший эстафетную палочку следующему поколению, или взрастивший ученика, отслаивается с постоянно обновляемого среза века»². Абсолютная свобода от жизненных канонов, правил, морали не возможна. Но желание и устремление бутковского героя достичь абсолюта раскрывает свободу в экзистенциальном плане, и это останется отныне с ним навсегда.

В современных условиях, в эпоху демократических преобразований весьма остро заданы идеи философской ант-

1. Антоненко С. Поколение, застигнутое сумерками. – С. 185.

2. Там же, с. 185.

ропологии, сделавшие проблему человека центральным пунктом, когда человек понимается не только и не просто как социальная категория, но как духовная вселенная, уникальный мир, микрокосм, допускающий многообразие духовных измерений.

Бытие человека, но не человека вообще, а конкретного неповторимого индивида, который стремится и пытается осознать собственную сущность в отношении с миром, создает экзистенцию, внутренняя природа которой обуславливает свободу выбора человека, допустимую только в конкретном акте действия, когда он оказывается способным реализовать возможности своей экзистенции. При условии признания возможных отношений с бытием определяется природа экзистенции, которая означает «формировать себя как Я, которое свободно для осуществления своего предназначения»¹. В таком понимании взаимоотношения человека с бытием, формирующие экзистенцию, реализуются в своей подлинности. В этом ключе переживает свою экзистенцию герой повести Улугбека Хамдама «Одиночество», для которого постижение собственного «Я» в экзистенциальном плане представляет самую непостижимую задачу и самую высокую ценность в иерархии бытийных измерений.

По своей структуре повесть «Одиночество» представляет трёхчастную организацию, внутри которой повествование ведется разными субъектами речи. Первая и третья части, несоизмеримые по объёму с центральной и образующие «текст в тексте», составляют некое окаймление, формируют рамочную композицию, устанавливая субъектный план героя-рассказчика и план автора-повествователя, в контексте повести оказавшегося подвергнутым также сильнейшему воздействию экзистенции героя-рассказчика. Поток сознания, организующий повествование основной части, придает всей повести глубоко исповедальный характер,

1. Аббаньян Н. Введение в экзистенциализм // http://gendocs.ru/v34478/аббаньяно_н._введение_в_экзистенциализм?page=10

обнаруживающий духовный кризис героя, которым «заражается» в финале и повествователь.

Событийная сторона основной части сведена до минимума, поскольку как таковых событий и нет. Основу повествования составляет в потоке сознания монологичная исповедь героя-рассказчика, переживающего экзистенцию, рождение которой хронологически устанавливается как «с того самого дня» (здесь и далее выделено авт. – У. Х.)¹. Собственная жизнь рассматривается героем в ракурсе порогового сознания, выражением которого стало «безымянное МЕЖДУ», в авторской интерпретации определяемое как состояние «ОДИНОЧЕСТВО», несущее «в себе бесконечное страдание», спасение от которого герой пытается найти в самоуглубленной рефлексии. В потоке рефлексирующего сознания обнаруживается раздвоение личности героя, обуславливающее персонификацию его «Внутреннего скрытого и непостижимого «Я», вступающего в оппозицию с Внешним «Я», разрушающим его личностную сущность: «Сущность моя превращается в поле брани, на котором две моих части, два моих «Я» – Внутреннее и Внешнее – скрещивают шпаги в жестоком и непримиримом бою. Кого бы ни ранило – страдаю я! Кто бы ни победил, побежденным оказываюсь я!» (2). Герой-экзистенциалист не удовлетворен окружающей его действительностью, он чувствует себя чужим, и это становится определяющим фактором в его внутреннем разладе с бытием, отражающем реальные противоречия современности.

Жестокий поединок двух сущностных «Я» героя, обусловленный его стремлением к постижению Истины, обозначает «Путь», в конце которого выстраивается система жизненных координат его экзистенциального существования, подвергающихся испытанию и проверке в ситуации экстрима. Первый шаг герой определяет как выбор Исти-

1. Улугбек Хамдам. Одиночество. Электронная версия текста приводится по переводу О. Григорьевой и З. Касимовой.

... рождает желание ЖИТЬ!» (16). Утверждая Любовь как позитивный фактор в своей жизни, вместе с тем экзистенциальный герой ощущает себя в «замкнутом круге», где наслаждение любовью привносит страдание, а страдание – наслаждение от своего страдания. Раздвоенное сознание экзистенциального героя обуславливает трагическое противопоставление любви здравому смыслу, пытающемуся удержать его от власти Любви – но, с другой стороны, «ОТРЕЧЬСЯ ОТ ТЕБЯ (от Любви – О.Х.)» оказывается выше его сил (16). Герой Улугбека Хамдама признается, что слова Кафки: «Я не могу жить вместе с ней и не могу жить без неё...» – это «воплъ моего собственного сердца», – как аксиома, создавшая для него «перепутье», из которого он не может выйти.

В чем же экзистенциальный герой находит «душевный покой», способный дать ему ощущение гармонии? Он обнаруживает в себе счастливую способность «МЫСЛИТЬ, а значит СОЗИДАТЬ, СОЗДАВАТЬ», которая аттестуется им как КРАСОТА, «потрясающая энергия которой проявляется в безграничных возможностях искусства и литературы» (с. 23). Герой Улугбека Хамдама находит смысл своей жизни в творении, он уподобляет «жажду ТВОРИТЬ весеннему небу, затянутому тяжелыми грозowymi тучами. <...> ... и гроза, и дождь несут успокоение и очищение природе, освобождают её от накопившейся энергии. Подобный процесс происходит и в душе писателя» (с. 35). Творчество (а для героя Улугбека Хамдама конкретно – литература) – это парение, «полет» души, способ выражения своей неповторимости, личностной уникальности. Осознавая творчество как выход из тупиковой ситуации, вместе с тем экзистенциальный герой признает, что для осуществления творческого вдохновения нужна свобода, «СВОБОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО!», добившись которого (герой отправляет жену и ребенка в аул – О.Х.), он обнаруживает одиночество, «пожирающее» его и приносящее ему новые страдания. Когда приезжает жена с ребенком, герой испытывает

уже «состояние безграничного счастья (45)», которое так же оказывается временным. Творчество как форма проявления самоутверждения героя «Одиночества» выступает в качестве протеста, как своеобразный бунт Личности против несовершенного мира, как акт творческого самовыражения. Он осознает, что его спасение не в нем и не в действительности, а «во взаимодействии этих двух уникальных начал» (48), отражающих одновременный рост его жизненного опыта и углубление анализа его жизни, в результате чего обостряется степень его познания жизни, доставляющего ему новые разочарования. Познание бесконечно (закон диалектики – О. Х.), и герой «Одиночества» осознает, что будет «... вновь жаждать нового познания, стремиться к новым неведомым мирам» (56), приносящим ему новые сомнения – и так бесконечно... Любой позитивный аргумент мгновенно вызывает противорес, негативный контраргумент и – наоборот. Экзистенциальный герой Улугбека Хамдама достигает Истины, суть которой, согласно его мнению, в её недостижимости, и в этом её основное качество; страдания и муки для человека закономерны, ибо без них он перестанет быть Человеком; желанный покой и «ровное состояние счастья» ведут к пустоте и духовной смерти»; состояние «между» – «истинное состояние человека? Некая квинтэссенция его сущности?» (54). Это истина, которая вновь подвергается сомнению. Герой повести «Одиночество» приходит к выводу, что все его проблемы «гнездятся» в нем самом, что для обретения свободы ему необходимо выстрадать её через переживание тоски, печали и прийти к гармонии (внутренней свободе! – О.Х.). Такая свобода достигается только через смирение, через принятие жизни как самой высшей ценности со всеми её противоречиями, через осознание смысла своей жизни, суть которой в продолжении Себя в Другом. Это осознание приходит к герою, когда он вспоминает слова матери: «Этот день навсегда запечатлелся в моей памяти, сынок. <...> ... ты самостоя-

«Питаломическая природа «мировоззренческого инородца или человека-капсулы» в межкультурном постсоветском пространстве»

тельно семенял своими быстрыми резвыми ножками. И вдруг, в этот миг, я увидела в тебе Особую Личность, Особого Человека и ощутила смешанное чувство радости и удивления, и на душе моей стало так хорошо и так светло! И жизнь вдруг обрела для меня новый смысл – и все это благодаря тебе, сынок! За этот счастливый миг я благодарна судьбе, которая вдруг приласкала меня, «выбросив мою душу с берега страдания на берег радости». Все мои заржавевшие печали и горести разлетелись в прах, и я вознесла славу Аллаху!» (52). И в этом искомая Истина, созвучная идее российского писателя, герой которого также видит выход из Ничто в перспективе вечно обновляющей жизни, выражающейся в неразрывной связи поколений.

Корейский писатель Александр Кан, который ввел в литературный обиход понятие «этнического экзистенциализма», расставляя акценты в этнической плоскости, вместе с тем, выводит и универсальные категории, позволяющие ему очертить модель характерологического типа «человека-капсулы». Художественный образ «мировоззренческого инородца или человека-капсулы» раскрывается в повести «Век семьи», составляющей вторую часть трилогии А. Кана «Метафизика семьи», в которой разворачивается вековая история одного родового клана в трех временных измерениях: прошлом, настоящем, будущем. В первой повести «Правила игры» воссоздается прошлое, во второй – «Век семьи» – настоящее, в заключительной части – «Сны нерожденных» – будущее. Что примечательно, настоящее выпадает на 90-е годы, совпадающие с реальным временем создания произведения А. Кана, когда в других геополитических пространствах появляются идентичные ситуации и зарождаются аналогичные характерологические типы героев (в России – герой М. Бутова «Свобода», в Узбекистане – У. Хамдама «Одиночество»).

В основе сюжета повести «Век семьи»¹ (1992) Александра Кана лежит история корейской семьи в годы пере-

стройки, когда наряду с распадом огромных формаций державы, разрушались маленькие – семьи.

Главный герой Шин, «тридцатилетний балбес», с несостоявшейся карьерой в боксе, закончившейся травмой головы, судьба которого выпала на момент «перелома» эпох, так и не смог найти своего места в этой жизни, адаптироваться к новым обстоятельствам. К началу повествования существование героя сводится к добровольному заточению дома вместе с старшей матерью, сходящей постепенно с ума. Глава семьи, отец Шина, игрок-картежник, однажды проигравшийся окончательно, становится началом крушения их семьи. «Неподъёмная тишина», поселившаяся в доме с тех пор, как отец стал пить и играть в карты, является основным мотивным фактором, толкнувшим героя на занятия боксом. Обида героя на отца, на жизнь, вызывавшую в нем остервенелое желание стучать по ни в чём неповинной груше и этим заглушать боль сердца, отзывающуюся глухой и невыразимой тоской, мотивируют особую функцию метафорического образа боксёрской груши, которая становится символом несостоявшейся жизни героя, несбывшихся его надежд и желаний.

Типичность и обобщенный характер создавшейся ситуации в семье Шина подтверждается тем, что во второй части повести приводится история русской семьи – Головановых, в которой складываются аналогичные обстоятельства: «из одного с тобой пункта вышли, в один и вернулись: в наличии отсутствие отцов и бокса».

Оказавшись на обочине дороги Жизни, Шин замкнулся, отгородившись от окружающего мира дверью с глазком, служившим связующим звеном с миром, в частности, с Головановым. Дверь становится единственным способом отгородиться от мира, в котором люди обесцениваются,

1. Кан А. Век семьи. Здесь и далее цитаты по электронному ресурсу: Кан А. В

http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a144.html

превращаясь в двери: «... когда выходишь из дома на улицу, где на твою плоть глядят десятки и сотни ходячих дверей – дверными глазками, оценивают и толкают тебя, проверяя на прочность, и, наконец, отталкивают – вы занимаете слишком много места...». Такие люди-двери не могут думать, не могут чувствовать.

Повествование ведётся от лица главного героя Шина, для которого в начале произведения ценностным ориентиром является боксерская груша, установившая смысл его жизни: «... это была память, бокс, это жизнь, его порывы и устремления... <...> О, бокс, если бы вы знали, что такое бокс!». Метафорический образ груши заполняет образовавшуюся Пустоту в доме, а еще шире – жизни героя – и вырастает до символа, отражающего его мироощущение: «Это светлый просторный зал, люди в кожаных перчатках, которые двигаются по жизни, как по рингу, изящно и грациозно... <...> обмен приветствиями в мягких перчатках, танец силы и уверенности в жизни и джентльменский уговор...». В контексте судьбы героя метафора боксерской груши художественно эволюционирует, выявляя свою многофункциональную роль. Если в начале груша спасает Шина от душевной пустоты, то в дальнейшем она трансформируется в образ врага и даже принимает лик постоянного страха внутри самого героя.

В момент торжественного снятия боксёрской груши – символа страха, боли, страданий – происходит крутой поворот в судьбе Шина и его семьи, символически приближающий к духовному пробуждению героя и началу возвращения «Золотого века» семьи: «Боксерскую грушу снимали чуть ли не торжественно... <...> ух! – усилие, в глазах потемнело, всё-таки, как она была тяжела, словно это была не груша, а какое-то небесное грузило, якорь, удерживавший небо-потолок, точно огромный воздушный шарик у поверхности пола-земли, который все-таки мог улететь, и тогда бы отверзлась дыра, черная, дыра, засасывающая людей в свою жуткую бесконечность...». Шин даже зажмурился, боясь, что может случиться что-то страшное, но, открыв глаза, он увидел:

«... мама уже помогала сестре на кухне, звуки полились из окон, и даже солнце, казалось, светило намного ярче. <...> ... вместо черной дыры появилось другое новое небо».

Только после этого Шин смог по-новому взглянуть на свою жизнь и понять то, чего ему так не хватало все эти годы после ухода отца: осознать настоящую ценность его семьи. «Давай с тобой выпьем за те времена, когда бы люди жили по-настоящему вместе и никогда бы не ссорились, не уходили из дома, никогда бы не глядели в чужие окна, ... а только друг на друга, – глаза в глаза, лицом к лицу, и жили бы одной крепкой семьей, жили бы, зная, что им есть всегда, куда возвращаться, где их всегда ждут, ждут с нетерпением, ждут с любовью, и чтобы они оберегали это чувство, хрупкое, нежное <...> давай выпьем с тобой за этот золотой век, который настанет, но, увы, уже без нас – но ведь он все равно настанет?».

Герою А. Кана открывается путь к воссозданию «Золотого века» семьи, образ которого хранился глубоко в его памяти. Это воссоздание начинается с восстановления в его сознании родового статуса матери, которая теперь становится для него оплотом и центром мироздания его семьи. Мы наблюдаем духовную эволюцию героя, оказывающегося способным защитить старую мать от жестоких превратностей жизни. Теперь Шин не просто наблюдает за течением жизни из своего дверного глазка, он берёт инициативу в свои руки, в новых обстоятельствах он точно знает, что ему делать: «В первую очередь он вымыл полы во всех комнатах, кроме детской, вытер пыль со столов, подоконников, расставил вещи по своим местам. Потом он запер все окна, наглухо их зашторил, перемыл на кухне всю посуду, оставшуюся после их новоселья, – что же еще? – запер на все замки входную дверь». Шин становится защитником своих женщин: «Теперь он точно знал, что эти родные ему женщины никуда от него не уйдут, и что то время, о котором они мечтали с сестрой, то золотое счастливое время наконец наступило, и что теперь он будет жить совсем по-другому, по-новому, с новым для себя смыслом...».

Иллюстрация к роману «Золотой век» Шина
в музейном пространстве

В повести А. Кана «Век семьи» прослеживается духовная эволюция героя от одиночества и противостояния миру к принятию этого мира и гармонии внутри себя и своей семьи. Настоящая гармония осуществляется у героя через осознание ценности семьи как оплота любви и взаимопонимания.

Таким образом, современные писатели в постсоветском ареале, внутри которого сосуществуют и взаимодействуют разные национальные и этнические культуры, долгие десятилетия общавшиеся в едином геополитическом пространстве, а ныне приобретшие суверенный статус, в новых условиях находят «особый конструкт общности через ценностное отношение к универсальным концептам»¹, обеспечивающий потенциал энергии, открывающий героям перспективу жизни, формирующий процесс «раскапсулирования» «человека-капсулы» и его трансформацию в Личность. Так образуется выход из «Ничто» (М. Бутов), «черной дыры, пустоты» (А. Кан), «безымянного МЕЖДУ» (У. Хамдам) в будущее, прообразом которого в контексте представленных произведений выступает ТВОРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ. У российского писателя в качестве творения как «особого конструкта общности» выступает рождение Младенца, являющегося его продолжением, обеспечивающим постоянное обновление Времени и Жизни; у узбекского автора таким «особым конструктом общности» становится признание в каждом человеке Особой Личности, Особого Человека, который и является залогом будущего; у корейского писателя – это возрождение «золотого времени» семьи, суть которого в любви к ближним, в оберегании Семьи как Семь-«Я», оплота любого общества, государства.

Анализ приведенных произведений свидетельствует, что писатели, принадлежащие разным этнокультурам, сходятся в одном: в признании самой высшей ценности – ценности Че-

1. Давшан А.Н. Азия в русской литературе XX века. Монография. Ташкент: MUMTOZ SO'Z, 2011. С.3.

ловека как Личности, самоутверждающейся через Творение.

Типологический характер героя «мировоззренческого инородца или человека-капсулы» вписывается в контекст мировой литературы, свидетельствует о развитии современной русской и русскоязычной прозы в общем ритме мировой культуры, когда наблюдается синхронизация, «состыковка» тем, взаимосближающих литературы разных этнокультур на основе смысловой и художественной соотнесенности одних и тех же универсалий, концептов¹. Однако, фактором формирования психо-типологической природы рассматриваемых героев, представителей разных этнических культур, выступают конкретно-исторические обстоятельства конца XX столетия на территории бывшего Союза, которые определили характер межкультурной коммуникативной структуры в полиэтническом ареале постсоветского пространства, обусловили специфику типологического инварианта «мировоззренческого инородца» в эпоху формирования суверенных государств.

О. Ч. Хегай,
к. ф. н., доцент

Типологическая природа «мировоззренческого инородца или человека-капсулы»
в межкультурном постсоветском пространстве

1. Ср.: Дуглас Коупленд «Поколение Икс» // Иностранная литература, 1998. – №3.

ДУХОВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
«РЕЛИГИОЗНОЙ» ТЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Когда же я «верю» – одним или другим образом, – то в веру вступает все мое бытие, целостность моего бытия. В самом деле, вера становится возможной лишь потому, что в отношении, называемое «верой», вовлечено все мое бытие.¹

Мартин Бубер.

В социокультурном пространстве второй половины XX века, не только общественное религиозное сознание возродилось в совершенно новом качестве (качестве более духовном, нежели конкретно обрядово-религиозном), но и культурологическая «религиозность» предстала в совершенно новом духовно-мировоззренческом качестве. Все это позволяет говорить о возрождении в культурологическом пространстве конца XX века уникального явления (не единичного в истории мировой культуры) – о «религиозном Ренессансе». В истории развития человеческого общества ему, как правило, предшествует определенное духовное истощение общественного сознания, неизбежно сопровождающее переход от одной системы социальных отношений к другой. В художественной литературе этого периода интерес к религиозной тематике разворачивается в парадигме двух ключевых инвариантов в системах этико-философских и эстетических координат – «религиозной прозы» и неомифоло-

1. Бубер Мартин. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – С. 234. – (Мыслители XX века).

гических тенденций (как основы интертекстуальной мифопоэтики).

Литературный процесс рубежа XX – XXI веков, вне зависимости от «национальных» координат, характеризуется пристальным вниманием к вечным вопросам человеческого бытия – постижение Смысла жизни, поиски Бога, обретение Его и осознание Человеком самого себя частицей божественного мира. В пространстве «культурологического миллениума» двух, экзистенциально означенных веков, религиозный вопрос – Что есть Бог? – становится вновь актуальным не только для русской литературы, которая на протяжении всего своего развития отражала духовный путь человека к самому себе, к познанию высшего смысла бытия через проблему обретения в себе и для себя Бога, но и для современной узбекской литературы, в ином духовно-культурологическом ключе выстраивающей модель взаимоотношений «Бог – Человек».

Религиозная тематика в парадигмальной системе духовно-культурологических концептов определяла в истории и русской, и узбекской литератур два инварианта своей художественной репрезентации: первый – собственно религиозная модель художественной картины мира (и такую литературу мы называем религиозной или церковной) и второй – неомифологическое культурологическое обыгрывание религиозных концептов различного уровня (сюжетного, образного, символично-метафорического) в произведениях светского плана с акцентацией на ценностно-аксиологические координаты бытия человека.

История развития религиозной литературы в русской и узбекской культурах – достаточно исследованное явление, нашедшее свое отражение в общей истории мирового литературного процесса.

Примеры современного художественного воплощения религиозных идей нашли отражение в трех произведениях – «Пожар» В. Распутина, «Печальный детектив» В. Астафьева и «Плаха» Ч. Айтматова, которые ознаменовали со-

бой переход к новому периоду в литературе, явившемуся отражением и следствием социальных изменений жизни общества и государства. Они находились как бы на стыке социальной критики и апологии духовных поисков порубежного предперестроечного периода.

Современные авторы религиозного направления, наследуя традиции своих предшественников, всей русской классической литературы в целом, и духовный опыт православия пытаются донести до своего читателя мысль о том, что вера в Бога – единственно верный путь к духовному возрождению.

Достаточно сложный путь развития религиозная тематика прошла в узбекской литературе: от религиозно-дидактических произведений Ахмеда Яссави (умер в 1166), в которых он раскрывал идеи суфизма, до джадидов начала XX столетия, концентрирующих внимание на антирелигиозной сути литературы с просветительской целью, предполагая, что развенчание религиозной догматики может служить культурному просвещению народа. Религиозные концепты стали основой для социально-литературной сатиры. Широко известны такие сатирические антирелигиозные произведения узбекских писателей, как «Вознесение на небо» Фитрата, «Дурной сон» Гайрати, «Уловки шариата» Гафура Гуляма, «В раю» Сабира Абдуллы и другие. Именно в этой мировоззренческой системе развивалась и эстетическая основа новой узбекской литературы; «на этом пути складывались, в частности, приемы лепки сатирических характеров мулл, ишанов, религиозных фанатиков, которые воочию воплощали все то мертвое, что еще цеплялось за живое. Воюя с пережитками прошлого, сатирики выкорчевывали его в настоящем. <...> И у наших новеллистов расчет с прошлым велся ради настоящего, ради утверждения новых жизненных идеалов».

А в конце XX века и в русской, и в узбекской литературе в системе совершенно иных «новых жизненных иде-

алов» актуализируется обращение к религиозной тематике вне сатиры, вне социального проектирования, с репрезентацией бытийных и персонологических, порой подчеркнуто экзистенциальных, ценностно-аксиологических координат.

В этом плане интересно рассмотреть специфику отражения религиозной идеи в романах узбекского писателя Улугбека Хамдама «Бунт и смирение» и русского писателя Ф. Светова «Отверзи ми двери», произведениях дифференцированных «инонациональной» ментальностью в художественно-культурологическом познании этико-религиозных основ бытия, но совпадающих в попытке обрести единственно верный путь к духовному возрождению современного человека, и в двух разных «образах веры» постичь ее истинный смысл. Для писателей этого нового уровня художественной реальностью становится процесс «богословского моделирования» в системе текстовой художественной картины мира: онтологических, литературно-эстетических и личностно-экзистенциальных констант бытия в единую парадигму духовно-культурологических идей, соотносимых с концепцией «Религиозного Ренессанса» XX века – возрождение культуры, мира и, как следствие, личности и мира через «новое религиозное сознание». Это своеобразная попытка писателей противостоять идее «дегуманизации искусства». В их творчестве обозначена полифункциональность художественного Слова, призванного не только осуществить задачу личностного духовного обретения Бога и мира, но и наметить путь преодоления кризиса дегуманизированного мира, осуществить победу Гармонии над Хаосом, воплотить идею духовно-культурологического возрождения мира. Активно используемая писателями синкретическая библейская модель сотворения мира посредством божественного слова (Вначале было слово...)

– выполняет текстообразующую функцию и позволяет организовать новую эстетическую систему художественного миромоделирования, значительно расширяющую специфику неомифологизации художественного текста, одну из эволюционно значимых тенденций развития литературного процесса XX-XXI веков. Концептуальную мирообразующую роль в текстовой парадигме новой религиозной прозы выполняет концепция *богоискательства*, организующая в единую художественную систему авторские духовно-культурологические идеи, религиозные концепты *веры, покаяния, катарсиса и возрождения* (наиболее системно актуализированные в романе Ф. Светова), а также *бунт и смирение* (концептуализированные в романе Улугбека Хамдама «Бунт и смирение»).

Герой романа Феликса Светова «Отверзи ми двери» не просто мучим проблемой постижения смысла Божественного бытия, проблемой веры, – для него это вопрос обретения духовного и «жизненного» пространства в целом. Льву Ильичу Гольцеву важно было не только познать христианство как свою «личностную» веру, но и полностью переосмыслить жизнь с иных, теперь уже духовно – христианских позиций.

Динамика сюжетного развития романа развивается в контексте внешних (фабульных) и внутренних (исповедальных) координат жизни Льва Ильича, *богоискательство* которого определяется *самопознанием*, когда он «в напряженном поиске истинной веры, настойчиво и мучительно пробивается к смыслам христианской истины»¹.

Путь главного героя к «вере» эволюционно обозначен в контексте противодействия двух полюсов –

1. Солженицын А.И. Феликс Светов. // Новый мир. – № 10. – 1999. – С.168.

«веры» и «неверия», метафорически локализуемых автором в «бинарной» образной системе – отец Кирилл и Костя.

Отец Кирилл – воплощение любви и терпения. Говоря о сущности и значении веры в жизни человека, он разъясняет главному герою, какое значение для верующего человека имеет случай: «Когда человек живет с верой, у него иное отношение к жизни, как бы другое зрение, ему постоянно открывается чудесное в каждой мелочи...»¹. Он уверен, что каждому дано свое испытание, что невозможно дать ответ на все противоречия человеческой жизни. Единственное спасение – молитва Господу, которая непременно будет услышана. Причину внутренней дисгармонии главного героя отец Кирилл видит в его логическом заблуждении, в неспособности понять устремления собственной души, которые исходят от незнания самого себя.

Являясь представителем официальной Православной Церкви, отец Кирилл не отрицает роль общественного прогресса, но, тем не менее, считает, что сила Церкви именно в ее консервативности. Религиозное служение для отца Кирилла – не обрядовость, а сама жизнь. Религия, по его твердому убеждению, «гнозис, не отвлеченное знание, а конкретное, органически полное постижение и испытывание смысла жизни личной и мировой»².

Молитва и Церковь соотносятся в своем содержательном аспекте с религиозной архетипической символикой, ассоциативно определяя уровни «слияния» сознания героя с Богом – церковь, например, означает пространственное единение (поскольку церковь – это храм божий

1. Светов Ф. Отверзи ми двери. // Новый мир. 1991. – №10. – С. 82. – (В дальнейшем цитируется данное издание с указанием в тексте в скобках страниц)

2. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. – М., 1999. – С. 17.

на земле), а молитва – коммуникативное (предполагает сакральное обращение к Богу на уровне «диалога сознаний»). Церковь сама по себе не дает и не гарантирует спасение, но определяет пространственное соприсутствие человека и Бога. Отцу Кириллу кажется, что в «диалогически» значимом пространстве именно он выполняет миссию проводника божественного откровения и именно он, выполняя задачу Церкви нести истину, говорить о спасении, учить молитве и поклонению, выполняет поручение Господа и является просителем за верующих перед Богом.

Исходя из норм христианской морали, отец Кирилл выстраивает этические каноны светской жизни, считая, что в оценке своих и чужих поступков не должно быть осуждения и критики. Он *открывает* заново и по-новому крестившемуся Льву Ильичу христианские заповеди о любви к ближнему, о смирении и всепрощении, но подчеркивает, что всякий обращенный должен пройти через испытания. Таковыми становятся для главного героя теологические споры с Костей, который отрицает современную церковь. Его путанные противоречивые толкования истории религии каждый раз вносят сомнение в душу главного героя. Костя считает себя человеком избранным, которому предстоит в будущем передать волю Божию всему человечеству. После споров с Костей Лев Ильич всякий раз оказывается на грани отречения от веры, христианской религии в целом. Но парадоксальным образом именно эти «искушающие» дух диалоги с Костей, а не «душеспасительные» беседы с отцом Кириллом, определили для героя путь катарсического обретения истинного образа веры, веры вне сомнения и поисков иных истин. Вскоре Лев Ильич убеждается, что учение Кости выстраивается из «придуманных, лживых звеньев ... У вас логики хватает отрицать благодать и поносить сегодняшнюю церковь, а дальше пойти смелости не дос-

тает, или своя корысть – куда вам тогда деться со своим избранничеством?» (С. 116). Противоречивость высказываний Кости заставляет главного героя заново искать ответы на вечные вопросы человеческого бытия, в частности, о смысле жизни, о сущности веры. Осознание двойственности Костиной теории привело Льва Ильича к пониманию того, что и в основе его модели «нового» мира лежит та же «двойственность», несущая Хаос и дисгармонию человека и мира.

В противоборстве добра и зла, утверждения и отрицания формируется собственное понимание Веры и Бога в сознании главного героя. Пройдя сложный путь «познания через отрицание», герой Ф. Светова претерпел духовную эволюцию – от грехопадения до возрождения через очищение. Истинная вера, которую обрел герой, выступает в рамках данного художественного текста как единственный способ обрести самого себя.

В романе «Бунт и смирение» поиски истинной веры также совпали с поисками смысла своего сокровенного Я и отразили мучительный путь человека к постижению сущности бытия, локализуемый в пространстве художественного текста в координатах двух концептуально значимых констант – бунта против Бога и божественной предопределенности и смирения перед ним, перед его высшей мудростью. В христианской философии библейское представление о человеке как образе и подобии Бога, внутренне раздвоенном вследствие грехопадения, сочетается с учением о соединении божественной и человеческой природы в образе Христа, следовательно, возможности внутреннего приобщения каждого человека к божественной благодати. Человек – одно из явлений этого мира, и вместе с тем оно превышает все явления природы. «Странное существо, двоящееся и двусмысленное, имеющее облик царственный и облик рабий, существо свободное и закованное, сильное и слабое, соединившее в одном бытии величие с ничтожеством, веч-

темагики
«ремиозной»
Духовно-культурологические основы «ремиозной» литературы в современной русской и узбекской литературе

ное с тленным»¹. Все христианство, по мнению Н.А. Бердяева, связано с этой двойственностью человеческой природы.

В романе «Бунт и смирение», по сути, дается художественно-психологическое и художественно-этическое исследование природы этой двойственности. Главный герой романа Акбар, как и многие его современники, озабочен вопросом, откуда берется Зло и «может ли быть найдено такое Слово, которое удовлетворило бы всех, раскрыло бы смысл жизни»². Только пройдя долгий путь длиною в человеческую жизнь, он осознал, что единой формулы достижения Гармонии не существует, и цель каждого отдельного человека – «туго повязать эти две точки – начало и конец, соединить их» (С. 101). Только так он сможет найти успокоение в своей душе. Бунт – это лишь начало пути к смирению, которое в понимании автора есть постижение самого себя: «Бунт и Смирение» – вот исключительно трудный путь к тому, чтобы стать человеком, вот судьба, предназначенная человеку» (С. 122).

В основную сюжетную канву повествования о жизни Акбара не случайно вклиниваются отрывки из Библии и Корана. Писатель выстраивает определенную текстовую шкалу соотнесения реальных событий жизни человека XX века и религиозных мифосюжетов, как бы сопоставляя «первый» день рождения мира («...И отделил Господь свет от тьмы, и назвал свет днем, а тьму ночью. И это был первый день творения...» (С. 10)) и тот апокалипсический день мира, когда бунтующий человек взял на себя миссию Создателя и сотворил человека (девочку-клона Дженифер), вопреки замыслу божественному: «Теперь человек станет

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1985. – С.89.

2. Хамдам У. Бунт и смирение (И азъ воздам). – Ташкент: Zar qalam, 2006. – С. 47. – (В дальнейшем цитируется данное издание с указанием страниц в тексте в скобках)

сам себе хозяином. С этого времени в его судьбу не вмешивается даже Господь Бог. ... В результате вы будете жить вечно, человек не умрет, он сравняется с Богом. Теперь человеку Бог не нужен...» (С. 109)

Смерть табиба, верующего человека, обретшего веру истинную через отрицание и сомнение, услышавшего эти слова в последний миг своей жизни-служения Богу, символически равна гибели рода людского. Это знамение грядущего Апокалипсиса за грехи человеческие.

Очень важное символическое значение имеет образ бездетной тети Ларисы, проживающей в ожидании своей смерти последние одинокие дни. Она прожила жизнь в свое удовольствие, нарушая заповедь Бога о продолжении рода, и теперь за свой бессмысленный и бесцельный «бунт» она несет кару – никак не может умереть: «Она очень устала. От мыслей, от сожалений, от волнений, нет-нет, от старости, от бесконечных переживаний в этой уже меркнувшей нескончаемости жизни» (С. 90). Греховная череда «бунтов», безверие привели тетю Ларису к совершению самого тяжкого греха – она кончает жизнь самоубийством.

Безверие Тети Ларисы обычное для человека конца XX века – «...она не была совершенно неверующей атеисткой, но прекрасно обходилась без Бога» (С. 61) – и только приближение одиночества и смерти стали для нее катарсическим прозрением, обернувшимся *попыткой* обрести веру, и она пришла в ... Церковь: «Да, для того, чтобы тетя Лариса отправилась в церковь, понадобилась целая человеческая жизнь... Молитва ее не была молитвой веры, а скорее некой отчаянной попыткой «замолить грехи», и потому не была услышана Господом, который так и не дал ей успокоения. Нельзя сказать, что каждый, кто стал прихожанином Церкви, кто только «пространственно» соприкоснулся с Богом – спасется, ведь сердце и мотивы человека известны только Богу, и только Он видит истинно ве-

рующего, пусть даже обретшего веру через протест, как таиб или его ученик Акбар. Грех человека является путем к смерти, ибо в Библии сказано «*сделанный грех рождает смерть*» (Иак.1:15) и «*возмездие за грех – смерть*» (Рим.6:23.).

Интересно, что путь от безверия (а точнее от сомнения) к вере у Акбара (роман «Бунт и смирение») и Льва Ильича (роман Ф. Светова) лежит в системе дилеммы «бунт-смирение». И только преодоление этого «антиномизма» и есть условие истинной Веры.

Таким образом, художественно-религиозные идеи, отражившиеся в произведениях авторов, имеют различное толкование, но в их основе лежат вечные поиски человечеством Смысла жизни через познание Высшей Божественной мудрости как единственного способа осознать самого себя. В.В. Розанов писал, что чувство Бога есть самое «трансцендентное» в человеке, наиболее от него далекое, труднее всего достигаемое: «Только самые богатые, мощные души, и лишь через испытания, горести, страдания и, более всего, через грех, ...достигают этих высот, – чуточку и лишь краем своего развития касаются миров иных ...при условии чистоты душевной»¹.

Таким образом, обращение к религии, мыслимой как путь к Богу, к вере, во все времена воспринималось людьми как единственный путь духовного спасения. Вся история человечества – это путь обретения утраченной веры. И вопрос об этом пути в равной степени ставится и в русской религиозной прозе как отдельной системе, и в современных произведениях нерелигиозных, но включающих в свое текстовое пространство религиозные неомифы, поскольку поиски истинной веры современным человеком продолжается независимо ни от эпохи, ни от национальности. И пример тому анализируемые романы.

В современной прозе по-разному представлено художе-

1. Розанов В.В.Эмбрионы. // Юность. – 1990. – №11. – С.3.

ственно-нравственное осмысление духовно-эстетических «моделей богоискательства», актуализирующих не только в литературе, но и в современной культуре в целом, новый взгляд на духовно-культурологический комплекс проблем «Бог – бытие – человек». Анализ этого осмысления позволяет выявить специфику эволюции художественного сознания «кризисной» эпохи рубежа XX – XXI веков.

И.В.Родина

Улугбек Хамдам

ЗАБЫТАЯ МЕЛОДИЯ НАЯ

Редактор:
Акрам Дехкон

Технический редактор:
Файзулла Азизов

Дизайнер:
Аскар Ёкубжонов

Издательство "Muharrir"
Лицензия издательство: АІ № 230, от 16.11.2012 г.

Сдано 10.05.2013 г.
Подписано в печать 28.05.2013 г.
Формат: 60x84 1/16. Гарнитура "Virtec Times".
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Учл. -п. л. 8,75. Уч. -изд. л. 12,7
Тираж 500 Заказ № 76.

Издательство "Мухаррир" ,
г. Ташкент, ул. Элбека, дом № 8.
e-mail: Muharrir@list.ru